

Анри де Ренне
собрание сочинений
КАНИКУЛЫ СКРОМНОГО
МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА

• A C A D E M I A •

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

АНРИ ДЕ РЕНЬЕ

Перевод с французского
под общей редакцией
М. А. Кузмина, А. А. Смирнова
и Фед. Сологуба

VI

«ACADEMIA»
ЛЕНИНГРАД
1927

АНРИ ДЕ РЕНЬЕ

КАНИКУЛЫ СКРОМНОГО МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА

(Les Vacances d'un jeune home sage)

ПЕРЕВОД

О. Брошниковской

ПРЕДИСЛОВИЕ

А. А. Смирнова

2-ое издание

« А С А D E M I A »

ЛЕНИНГРАД

1927

Иллюстрации на обложке и в тексте работы
Н. П. Акимова

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

«Каникулы скромного молодого человека» (*Les Vacances d'un jeune homme sage*, 1903), вместе с вышедшей в свет почти одновременно «Полуночной свадьбой», знаменуют собою решительный переход Анри де Ренье от поэзии к прозе, от символизма к реализму. Действительно, больше, чем в каком либо другом из романов Ренье, лирическая фантазия уступает здесь место острой наблюдательности, окрашенной мягкой иронией.

Тема этого маленького романа или, вернее, большой повести, — ибо все сводится лишь к одному кратковременному эпизоду, — первое пробуждение любви в сердце юноши, почти мальчика: мотив чрезвычайно обыденный и общечеловеческий, но разработанный Ренье с особенной, свойственной ему тонкостью и нежным юмором. Обстановка — душная атмосфера провинциального быта, более сгущенную и почти жуткую картину которого Ренье даст впоследствии в «Провинциальном развлечении» (1925).

Ни в одном романе Ренье нет такого юного главного героя, и ни в одном, быть может, не найдем

мы такого равновесия и сплоченности между психологией действующих лиц и простой, но крайне занимательной интригой.

Заслуживает внимания композиция этой вещи, где мельчайшие, незаметные с первого взгляда детали обнаруживают затем свое огромное значение в качестве как необходимого фона, так и ключа к пониманию действия.

А. А. Смирнов.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Маленький этот роман, очень мною любимый довольно мало с виду похож на произведения того же, рода, раньше предложенные публике; поэтому, быть может, следует отметить, что он отличается от них менее, чем это кажется.

В самом деле, и он, и они пытаются изобразить некоторые формы жизни, будь то прошлого, будь то нашего времени. Говорю это не для того, чтобы приписать моей работе романиста характер единства, на которое она не притязает, но только для того, чтоб указать, в произведениях довольно различных, на нечто общее, не считая того, что все они своим происхождением обязаны моей прирожденной склонности смотреть на события и лица, как на развлечение.

В «Каникулах скромного молодого человека» встретятся забавные и наивные персонажи. Я старался нарисовать их правдиво. Они кажутся мне истинными, но не следует считать их реальными. Они будут таковыми лишь постольку, поскольку останутся к памяти тех, кто пожелает перелистать эти безыскусственные страницы. Пусть они помо-

гут им припомнить самих себя, — ибо они найдут здесь переданными некоторые из незначительных событий, которые наиболее волнуют нас в пятнадцать лет, а позднее заставляют нас улыбаться, как мы улыбаемся прошлому, с печалью и сожалением.

P.

Август 1903 г.

Нет больше детей...
Старая поговорка.

I

Несмотря на то, что Жорж Долонн старательно обошел вокруг померанцевого дерева, находящегося в углу цветника, возле бассейна, в Люксембургском саду, и на то, что этот суеверный обряд считался в училище Сен-Ксавье неукоснительно приносящим счастье кандидатам, выполняющим его, он, тем не менее, провалился на экзамене на степень бакалавра. Устное испытание было для него роковым. Событие это произошло в Сорбонне, в понедельник 19 июля 188... г., немного раньше полудня. Жорж был последним в очереди, поэтому экзамен его был довольно краток. Экзаменаторы торопились идти завтракать.

В продолжение более двух часов, пока он, сидя на скамье в небольшой, темной и пыльной комнате, присутствовал при ответах товарищей, он мог бы довольно хорошо отвечать вместо

них; но этот ненужный успех, нисколько его не ободряя, казался ему дурным предзнаменованием. Без сомнения, для него приберегали менее благоприятные вопросы.

При таких обстоятельствах наступила его очередь. Фамилия его прозвучала в пустынной зале, и он очутился один перед тремя господами, сидящими за зеленым сукном.

Двое из них были худощавы, один с черной бородкой, другой с седыми бакенбардами; третий, толстый и бритый, развалился на стуле и грыз зубочистку. Объяснения, которые Жорж Долонн дал по поводу текста из Ксенофонта, были сбивчивы. О царствовании Людовика XIII, которым, казалось, чрезвычайно интересовался господин с бородкой, он имел довольно неполные сведения, в особенности о деле Вальтелино. К Ришелье он оказался несправедлив. Господин с бакенбардами нескромно задал вопрос о некоторых подробностях касательно басен Лафонтена, затем отметил что то на листке бумаги карандашом, который пососал потом и положил на стол.

Жоржу Долонну было жарко и хотелось пить. Он думал о померанцевом дереве в Люксембургском саду; подымаясь из зеленого ящика, узловатый свол распускал на ясном небе в виде шара свои глянцевитые листья. Померанцевое дерево было единственным

средством спасения: в училище Сен-Ксавье оно пользовалось прочным доверием! И Жорж Долонн снова увидел себя обходящим дерево и снова услышал плеск воды. Экзаменаторы совещались. Бритый толстяк, положив кулак на зеленое сукно, смотрел на Жоржа добродушно. Долонн был небольшого роста, худенький и хрупкий, со светлыми волосами и бледным цветом лица. Он почувствовал себя будто поставленным на весы и гордо выпрямился. Он сумеет перенести неудачу, как всякий другой. Он вынул из кармана мундира тонкий платок, отер лицо и высморкался, хотя не ощущал в этом никакой потребности.

Толстый экзаменатор шумно опустил ножки стула и сказал Жоржу Долонну ровным, мягким голосом, не соответствовавшим его плотному сложению и широкому бритому лицу:

— Ну-с, сударь, чтобы покончить, назовите мне правые притоки Луары!

Жорж Долонн понял всю значительность этого вопроса. Он должен был решить его судьбу. Экзаменатор с бородкой и экзаменатор с бакенбардами поглаживали, один — седую бороду, другой — свою черную гриву, и вдруг оба насторожились. Сторож, передвигавший скамьи, приостановился. Жорж Долонн задумался.

— Правые притоки Луары?..

И он стремительно назвал один из них. Это был один из самых маленьких и незначительных — Винса. Он хорошо знал ее, эту извилистую речку. Она протекала среди лугов, между тополями и, разделившись на два рукава, проходила под двумя каменными мостами маленького городка Риврэ-на-Винсе, куда он ездил на время каникул и где он будет завтра вечером. Он назвал Винсу и запнулся. Карта Франции расстилалась перед его глазами. Горы на ней вырисовывались словно гусеницы; маленькими кружочками были отмечены губерньские, черными точками — уездные города. Реки исчерчивали ее вдоль и поперек прямыми или изогнутыми линиями. Мёза, Сена, Гаронна, Рона и Луара образовывали полную неразбериху. Он замолк.

Толстый экзаменатор встал с унылым видом и положил руки на плечи коллег, наклонившихся, чтобы посмотреть отметки кандидата; Жорж Долонн услышал как он произнес своим добрым, мягким голосом:

— Вам придется придти в другой раз, сударь!

Жорж Долонн вежливо поклонился. Теперь, стоя, он почувствовал, что у него подкашиваются ноги. Внезапно притоки Луары припомнились ему все. В дверях залы он обернулся; она была пуста. Зеленое сукно казалось

ему наново позеленевшим. Жорж Долонн спустился по лестнице В, по которой поднимался два часа тому назад без самоуверенности, но не без надежд.

Во дворе он был ослеплен жарким солнцем, отвесно падавшим на горячие плиты между четырьмя окружающими его стенами. Оконные стекла, казалось, таяли. Купол храма Сорбонны взбухал на синем и жгучем небе, словно перезревший и готовый лопнуть. Тяжелые голуби разрезали перегретый воздух и садились здесь и там. Они копались клювом в трещинах каменных плит. Один из них заворковал и распушил лоснящиеся и тяжелые перья. На стене, в деревянной рамке, висели еще имена кандидатов, допущенных к письменному экзамену; он снова прочел там свое имя. Толстый экзаменатор, срезавший его, переходил под белым зонтиком двор. Жорж Долонн расстегнул душивший его мундир и, обмахиваясь фуражкой, произнес громко: — Тэк-с!

Как бы там ни было, пришел конец учебному году, сиденью в классе, занятиям, персменам, училищной столовой и раннему вставанью. Будучи полупансионером, он должен был являться в училище Сен-Ксавье к восьми часам утра и возвращался домой только к обеду под вечер, при чем нужно было еще учить уроки и делать домашние работы.

Хотя режим школы Сен-Ксавье был довольно легкий, все же в шестнадцать лет скучно повиноваться звонку и бывать свободным лишь после пяти часов в воскресенье. Выдержал ли, нет ли,—во всяком случае настала пора каникул, провинциального спокойствия, деревенской природы, долгих дней лени и прогулок.

Он остановился неподвижно посреди тротуара на углу площади Сорбонны и бульвара Сен-Мишель. Тяжелая бочка для поливки передвигалась по улице. Водяной веер обдал его пыльные ботинки и забрызгал низ серых брюк. Простонал рожок трамвая. Прошел мимо алжирец с грудой ковров грубой расцветки; его черное лицо блестело под красной феской. Дерево обронило преждевременно пожелтевший и высохший лист.

Жорж Долони подвигался тихими шагами. Его никкелевые часы, которые отец обещал заменить ему золотыми с двойной крышкой, если он вернется бакалавром, показывали без трех минут двенадцать. Он не торопился. Ему сейчас предстояло сообщить матери о неудаче, которую она, без всякого сомнения, припишет его застенчивости; но он жалел о том, что не может сообщить ей ничего приятного. Отец примет известие также легко: г-н Долони был легкомыслен и беспечен, и строгость его проходила быстро.

Жорж не терял надежды в конце концов получить часы с двойной крышкой. Родители найдут приличный предлог, чтобы подарить ему их. Впрочем, за завтраком он вряд ли увидит отца: г-жа Долонн часто оставалась одна.

Мысль о завтраке заставила его немного ускорить шаги. Он проголодался. У кафе Вашет он услышал, как его окликают:

— Долонн!

Высокий молодой человек с бородкой делал ему тростью знаки. Он сидел, облокотившись на круглый столик, и курил толстую сигару, потягивая портвейн. Рядом с ним молодая белокурая женщина в синей полотняной юбке и светлой блузе смотрела на приближавшегося Долонна. Она держала во рту две длинные соломинки, которые опустила в стакан, наполненный оранжадом с мелким толченым льдом.

— Ну, что, старина? — сказал молодой человек с бородкой.

— Срезался! — стоически ответил Жорж, пожимая руку, которую ему протягивал Максим Плантель, и ясно чувствуя золотое кольцо на его мизинце.

— Ах, свиньи!

Максим Плантель, выдержавший накануне, не сохранил к своим экзаменаторам особенной признательности. Он не простил им опас-

ности, которой подвергался. До некоторой степени все же он был им благодарен за то, что они позволили ему отделаться только тревогой и не заставили вместо этого испытать неприятность предстать перед отцом, бароном Плантелем, в таком же печальном состоянии, в каком он видел сейчас своего товарища Долонна. Поэтому он сказал ему сочувственно и удовлетворенно:

— Ко мне они отнеслись шикарно, к тебе — нет! Этакie скоты! Смотри ка, вот один из них!

Это был недавний знакомый — бритый толстяк-экзаменатор. Он слышал разговор, посмотрел на молодых людей и красивую девушку, продолжавшую тянуть через соломинки, усмехнулся широким лицом, закрыл зонтик и вошел в кафе.

— Да, это Шамбро! — сказал Максим Плантель. — Приличный тип; он пропустил Лагурди и Клемана.

Жорж Долонн, которого успех скотины Лагурди и кретина Клемана оставлял равнодушным и для которого г-н Шамбро не представлял теперь никакого интереса, любовался приятельницей Максима Плантеля. Она оставила свои соломинки и подняла к нему свежее лицо с тонким носом, под маленькой шляпкой из цветов, из под которой выглядывала бахромка волос на лбу.

— Я не представил тебя... Мой товарищ, Жорж Долонн... М-ль Эжени, а для моего брата Фернанда — Нини. Он в Париже, в отпуску, и привез с собой эту молодую девицу, которая ему помогает там коротать время. Позавтракай с нами; он ушел по делу и поручил мне Нини. Он сейчас вернется.

Фернанд Плантель, старший брат Максима, драгунский подпоручик, смушал Жоржа Долонна. Ему не хотелось выглядеть школьником рядом с блестящим офицером. Поэтому он отказался от приглашения Максима.

— Выпей хоть стаканчик портвейна.

Жорж присел к круглому столику. М-ль Эжени слегка отодвинула свой стул.

— Куда ты отправляешься на каникулы?

— В Риврэ-на-Винсе, к дедушке.

— Где это, Риврэ?

— Возле Валлена.

— Валлен!.. Да это там, где Фернанд! Вот это здорово!.. Вы будете соседями, Нини и ты!

— Итак, сударь, вы знаете Валлен? — светским тоном спросила м-ль Эжени.

Максим Плантель снисходительно посмотрел на них, допил свой портвейн и несколько раз выпустил сигарный дым, рассматривая сапфир своего кольца. Он был солидным молодым человеком. Жорж Долонн застал его к классу риторики уже ветераном, засевшим там, как у себя дома. Мужественный, боро-

датый, старше своих товарищей по классу, уже мужчина. Классный наставник уважал его. Он посещал училище довольно неаккуратно и не являлся туда по воскресеньям, зимой—потому, что ходил на дневные представления, летом—потому, что играл на скачках. В классе он просматривал театральные или спортивные журналы и изучал программы и таблицы фаворитов. Вообще говоря, он был добрый малый, обязательный и щедрый. К нему были снисходительны за его пожертвования на «Святого Петра» и на «Детство Христово». У него всегда бывал в кармане луидор к услугам кого бы то ни было. Он уже знал могущество и обаяние денег, унаследовав это от своего отца, барона Плантеля, финансиста.

Барон Плантель проживал в очень красивом особняке, в предместьи Сент-Онорэ. Жорж Долонн бывал там несколько раз, навещая Максима, когда тот был болен и в продолжение нескольких недель не показывался в училище. Максим занимал отдельное помещение, обставленное диванами и креслами свиной кожи, с целым ассортиментом тростей и хлыстов. По стенам—гравюры, изображающие скачки. В шкафу—ящики с сигарами разных сортов.

Он пользовался большим авторитетом среди товарищей. У него было уже несколько лю-

бовниц. Все ученики бредили любовью. В Сен-Ксавье читали много книг потихоньку. Они переходили от одного к другому, прикрытые переплетами от классиков. История Франции служила обложкой для своеобразных произведений, а греческая грамматика укрывала романы. Читатели подразделялись на реалистов и романтиков. Жорж Долонн предпочитал романы. Максим Плантель пожимал плечами, как человек, знающий, чего ему держаться. Он очень любил Жоржа Долонна и покровительствовал ему, так как находил его прямодушным и деликатным. Жорж признавался, что еще сохранил скромность.

— Ну, старина, ты должен устроить себе, по крайней мере, маленькое развлечение, чтоб вознаградить себя!

Жорж Долонн покраснел. М-ль Эжени смотрела на алжирца, предлагавшего ковры. Максим продолжал:

— Знаешь, Лагурди и Клеман пришли ко мне за советом. Я послал их к чорту; по ты—другое дело.

И он дружески похлопал его по плечу, при чем осыпался пепел сигары, которую он держал между пальцев. Он бросил ее на тротуар, на голые ноги алжирца, который отпрыгнул, как коза.

— Понимаешь, в один прекрасный день это все равно должно случиться!.. Это — как

сигара: разве ты будешь вечно курить эти мерзостные «визирские»?

М-ль Эжени зевнула.

— Что с тобой, Нини?

— Да то, что мне хочется есть, и я бы охотно позавтракала, раз Фернанд не возвращается!

Жорж Долонн встал.

— Так как же, ты не остаешься с нами? Ну, прощай, старина... Человек! Скажи, Жорж, ты мне будешь писать?

М-ль Эжени мило улыбнулась молодому человеку, который ей застенчиво поклонился, приподняв фуражку над короткими светлыми волосами. Она протянула ему руку.

— Да поцелуй его, Нини, в самом деле, раз уж он срезался!

— Ну, нет, увольте! Фернанд слишком ревнив...

Жорж Долонн удалился. Переходя площадь Сен-Мишель, он посторонился, чтобы пропустить коляску. В ней сидел Фернанд Плантель в штатском платье. Это был красивый молодой брюнет, с завитыми усами. Жорж Долонн глубоко вздохнул и продолжал свой путь по направлению к Луврской набережной, где проживали его родители.

Г-жа Долонн, поджидавшая его возвращения, встретила его наверху лестницы.

Она закричала ему:

— Ну, как?

— Срезался! отвечал он снизу.

Голос его гулко прозвучал между гладких свежее-выштукатуренных стен.

На площадке г-жа Долонн поцеловала его:

— Бедное мое дитя, ты только не расстраивайся...

Завтрак был накрыт под люстрой, завернутой в кисею. В двери, ведущие в гостиную, видны были чехлы на мебели, полотняные, белые с красными полосками. Запах камфоры и нафталина смешивался с запахом котлет.

Г-жа Долонн, уже позавтракавшая, смотрела как сын ее ест с аппетитом. Она положила ему на тарелку третью котлету и наполнила его стакан.

— Подумать только, что тебе придется еще заниматься во время каникул!

Жорж Долонн заканчивал десерт. Он умел ловко чистить фрукты, чему никогда не научиться интерну, если только он усерден в своей работе; ничто не заменит домашнего воспитания. Не все ли равно, стать бакалавром годом раньше или позже? Но никогда не бывает слишком рано усвоить хорошие манеры. Г-жа Долонн находила, что сын ее хорошо воспитан. Он был застенчив, но это было признаком тонкости ума и сердечной чувствительности.

Она вошла в столовую в шляпе, застегивая перчатки:

— Мне нужно выйти. Будь дома к обеду. Я предупрежу отца.

Оставшись один, Жорж закурил папиросу. Он любил тонкие, с мундштуком, из восточного табаку, быстро выкуривающиеся и остающиеся во рту медвяный и острый вкус. Чемодан в его комнате стоял раскрытый, наполовину наполненный бельем и одеждой. Он снял пояс и мундир, перебрал кое какие вещи и, вынув из ящика комода три фотографии, уложил их в чемодан. Это были портреты м-ль Сильвии из «Варьете», м-ль Карель из театра «Жимназ» и м-ль Полины из «Амбасадёр». Несмотря на несходство между собой, они казались ему одинаково прекрасными. Рядом с фотографиями он уложил бумажник. В нем он прятал свои сбережения. Он мечтал, когда их наберется достаточно, поднести их одной из этих особ, превратив в букет или какую-нибудь ценную вещьцу.

Сделав это, он взглянул на себя в зеркало и поправил узел галстука. Он находил себя недурным, но недостаточно высоким и немножого худощавым. Он вынул из кошелька два луидора и опустил их в карман, посвистал независимо, как бы желая подбодрить себя, и вышел. Было около четырех часов. Он пошел вдоль улицы Риволи и повернул к буль-

вару. Он бродил без видимой цели, останавливаясь у магазинов, словно думая о каком-то месте, в которое он желал зайти, но от которого шаги уносили его прочь помимо воли. Он кончил тем, что опять вернулся на бульвар. Прекрасный день угасал, золотясь и розовея. В Париже было еще много народу. Тerasы кафе были переполнены. Прохожие теснились. Бродили молодые женщины. Они медленно прогуливались, позволяя себя обгонять и затем настигая, если вы останавливались. Они были нарумянены, с подкрашенными губами, поглядывали по сторонам и улыбались. Жорж Долонн покраснел до ушей, когда одна из них послала ему нежный взгляд. Он вспомнил Лагурди и Клемана. Отчего у него не хватает смелости поступить как они? Но у них были дипломы. Жорж Долонн пожалел об университетском пергаменте, который, быть может, придал бы ему храбрости. Было шесть часов. Он направился к Луврской набережной.

Он застал мать и отца в гостиной, среди чехлов. Г-н Долонн читал газету; г-жа Долонн, несомненно, достаточно убедила его в том, что их сын обязан неудачей скорее своей застенчивости, нежели незнанию, и поэтому он не сделал ему никакого упрека. У него только был слегка огорченный вид. За обедом говорили о завтрашнем отъезде. Г-н Долонн

уезжал на воды и должен был присоединиться к жене и сыну в Риврэ лишь на последних днях каникул. Жорж с матерью должны были отправиться десятичасовым поездом, не дожидаясь раздачи наград.

После обеда все вышли на балкон. Вид был чудесный и охватывал берега Сены от Нотр Дам до Трокадеро. Сумерки нежно и незаметно переходили в теплый и тихий вечер. Экипажи ехали медленнее. Буксир свистел в шлюзе де ла Монэ. Купол Института горбился и вздувал свой темный шар. Глухо пробило девять на укутанных стенных часах в гостиной. Жорж ничего не говорил.

— Если ты хочешь пройтись, иди теперь же. Не правда ли, Эрнест?

Г-н Долонн отозвался несколько сухим тоном:

— Да нет, пусть сидит дома. Нечего бегать по улицам накануне отъезда...

Жорж нащупал в глубине кармана свои два лундора. Наступила полная темнота. Фонари отражались в воде, словно опрокинутые золотые колонны. Буксир перестал свистеть. Посидели еще немного на балконе. В десять часов Жорж поцеловал отца и мать и ушел.

— Не засиживайся и спи хорошо!

Улегшись в постель, он вытянулся с удовольствием и прибавил свету в лампе. Затем

поднялся и спрыгнул босиком на паркет. В длинной рубашке, он имел вид высокой девочки после тифа. Он выбрал в своей библиотечке книжку, тщательно запрятанную за томами Жюль Верна, и опять улегся.

Это был томик «Мадемаузель де Мопен». Произведение это, разорванное по тетрадкам, тайком ходило в классе по рукам, но его так все помогали, что Жоржу попадались лишь кусочки, и он так и не прочел знаменитого романа целиком... Он купил его несколько дней тому назад, чтоб прочитывать на свободе. Раньше, чем разрезать начало, он перелистал страницы в конце. Они были ему уже знакомы. Это была сцена, когда д'Альбер узнает, наконец, тайну того, где скрывается героическая и галантная Мадлен де Мопен, и в первый раз видит красоту ее очаровательного тела...

Жорж закрыл книгу. Потушив лампу, он долго продолжал лежать неподвижно, не засыпая, и сумрак был полон такой неги и одиночества, что ему хотелось плакать.

II

Жорж Долони проснулся с закрытыми глазами. Он открыл их не для того, чтоб посмотреть, где находится, но оттого, что почувствовал на себе чужой взгляд. Чье то улыбающееся лицо склонилось над ним, и он увидел широкую, лилово-красную физиономию, рот винной ягодой, нос баклажаном, черный кружевной чепец с лентами сиреневого цвета, из под которого на висках выбивались два толстых седых локона в папильотках. Целуя его колючим подбородком, старая дама трогала его мягкими, толстыми разбухшими руками, гладила по шее, ощупывала плечи, похлопывала по бокам и так щекотала, что он рассмеялся, защищаясь от утреннего нападения доброй тетушки Ла Бульри, позади которой он различал силуэт матери, растворяющей окно и открывающей ставни. Было десять часов, и солнце проникало в комнату, где раздавался громкий и воинственный голос тетушки Ла Бульри.

— Ну, Генриэта, хорош же он, твой мальчик! — говорила г-жа де Ла Бульри, грозно указывая пальцем на внучатного племянника, сидящего на кровати.

— Нет, ты посмотри на этого, несчастного цыпленка! Что за вид! А глаза! Все лицо — точно из папье-маше! Боже милосердный, жалость смотреть!

«Боже милосердный» прозвучало совсем по-провансальски.

Г-жа де Ла Бульри, рожденная д'Эскларак, была из венессенского края. Она сохранила контатский выговор, который при малейшем ее волнении проявлялся во всю, полный и звучный. Обыкновенно же она его тщательно маскировала невнятным и осторожным бормотаньем.

— А это тело, дорогая моя! Ничего-ничегошеньки! Кожа да кости; на два су жира, как здесь говорят... У него можно прощупать все ребра... А руки!..

И г-жа де Ла Бульри собиралась возобновить свое исследование, меж тем как г-жа Долоин говорила не совсем уверенным тоном:

— Да нет же, тетушка, вы преувеличиваете, уверяю вас!

— Как, я преувеличиваю? Да разве ты не видишь его рук?

Жорж Долоин засучил рукав рубашки, чтоб почесать на остром локте блошинный укус.

— Преувеличиваю!.. Да я всю ночь не могла уснуть, моя милая! Ах, мне было достаточно разок взглянуть на этого ребенка, когда вы приехали... Ох, уж эти путешествия! Да еще этот поезд, опоздавший так, что ваш дядюшка уже лег, когда вы приехали... Но ведь мальчик убьет себя работой!

Эта страшная мысль извлекла вздох из обширной груди г-жи де Ла Бульри. Она вынула из левой папильотки маленькую гребеночку, на которую были накручены волосы. Седая прядь повисла вдоль щеки; она поправила ее старательно.

— Стоило три года под ряд ездить к морю, вместо того, чтоб жить в Риврэ! И для чего только вы таскали туда мальчика? Ах, если б у меня еще был мой авиньонский дом. Там бы я продержала моего голубчика на добром солнце и на добром мистрале, который от времени до времени прочищает легкие и заставляет дышать вдвойне! Знаешь, чего не хватает твоему сыну? Ронского воздуха, Генриэта!

Рона навела мысли Жоржа на Луару и ее притоки; поэтому он спросил мать:

— А тетушка знает?..

Г-жа Долонн знаком показала, что г-жа де Ла Бульри знала.

— Что они тебя провалили? Подумаешь, какая важность! Разве дедушка твой бакка-

лавр?.. Я ему это и заявила, когда он стал мне сегодня утром говорить, что тебе надо заниматься... Заниматься здесь!.. Ты будешь есть, спать, ходить, гулять.

И г-жа де Ла Бульри с силой потрясла сиреневыми лентами чепца. Жорж улыбнулся. Мысль, что его дедушка, Огюст-Луи-Жюль де Бега де Ла Бульри не был бакалавром, доставила ему некоторое удовольствие.

— Пойдемте, тетушка; если вы хотите, чтоб он был готов к завтраку, оставим его, пусть он одевается! Ему на это нужно не мало времени, точно даме. Он кокетлив, мой сын: полюбуйтесь на его галстухи!

И г-жа Долонн, наклонившись над открытым чемоданом, тряхнула охапкой галстухов. Тут были галстухи длинные, узкие, широкие, чтоб завязывать разными бантами, разных цветов, одни темные, другие светлые, затканые цветочками, усеянные горошком. Она перебирала их, вытягивая с видом укротительницы змей, затем бросила в сундук, как лепестки большого разноцветного, слишком распустившегося цветка, который осыпается сразу. Тетушка Ла Бульри шумно хохотала.

— Слишком много стараний для Риврэ!.. Знаешь, Жорж, если ты приехал сюда, чтоб нравиться женщинам, то можешь отправляться обратно; а если для того, чтоб пленять твою

старую тетку, так ты ее уже пленил, мой голубчик! У тебя чудесные глаза, вот что я скажу!

И г-жа де Ла Бульри увела г-жу Долони в сад к г-ну де Ла Бульри, который каждое утро, раньше чем идти к столу, отдыхал там часок на скамейке, читая газету.

Одеваясь, Жорж представлял себе этот сад, который знал хорошо и который должен был сейчас увидеть вновь. Он находился за домом, меж высоких стен, одна из которых, правая, была затянута буйно разросшимся диким виноградом. Садик этот, узкий и сыроватый, выходил зеленой калиткой на поросший травой, мелко-вымощенный переулочек. Каменная скамья стояла под ореховым деревом, на коре которого, припомнилось Жоржу, он три года тому назад вырезал ножом свое имя. Буквы должны были теперь стать большими. Продолжая причесываться, он подошел к окну. Это было расширенное слуховое окошко, так как комната, в которой помещался Жорж, была переделана из чердака.

Она выходила на Бычью площадь, по прежнему украшенную фонтаном без воды и четырьмя карликовыми акациями. Из дома г-на де Ла Бульри можно было различить также начало улицы Шантр и колокольню древней церкви Сен-Жан. Эта была квадратная башня, крытая аспидной черепицей, единственный остаток разрушенного здания. Она

не служила больше ни для чего; на ней были лишь громадные часы, вызванивавшие своим молотком время и отмечавшие его неравными стрелками на циферблате. На углу площади находилась почта. Телеграфные проволоки тонкими линиями прорезали голубое небо. Они сходились у столба, украшенного фарфоровыми стаканчиками, похожими на колокольчики ландыша. Жорж смотрел на летавших ласточек. Одна из них, быстрая и привыкшая к людям, почти задела ему лицо живым и острым крылом. Ее гнездо из сухой и волокнистой грязи было прилеплено под крышей, как будто его подбросили туда снизу и оно наполовину сплюснулось. Положительно, ничто не изменилось в Риврэ, если не считать того, что раньше он спал внизу возле матери, рядом с кабинетом дедушки Ла Бульри, а теперь имел отдельную комнату.

Она ему понравилась. Маленькая и чистенькая, она станет совсем славной, когда из нее уберут чемодан... Он выбрал галстух, синий в белых горошинках... Сделав это, он из предосторожности переложил в ящик письменного стола три привезенные им фотографии, кошелек и томик «Мадемуазель де Мопен». Затем, так как часы на башне Сен-Жан пробили половину двенадцатого, он спустился с лестницы, придерживаясь рукой за гладкие деревянные перила.

Жорж Долонн застал дедушку де Ла Бульри в столовой. Стены ее были выкрашены под мрамор. В каждом углу находилось нечто в роде угольного шкафа. Труба белой изразцовой печки была в виде колонны в желобках, увенчанной сверху раковиной. Ничто не изменилось. Стол был накрыт как раньше. Возле стула, занимаемого г-жей де Ла Бульри, стоял один из тех маленьких столиков, которые называются «сервантами», со стопкой тарелок для смены, передававшихся из рук в руки, что позволяло не так часто беспокоить старую Клодину... Она появлялась только на звук колокольчика, изображавшего старомодную даму в широком звучащем платье.

Г-н де Ла Бульри был совсем таким, каким помнил его Жорж. Хотя ему было под семьдесят лет, о чем он охотно упоминал, годы мало отразились на нем; он не поддавался им благодаря правильному образу жизни. Старость проявила в нем лишь неизбежные свои признаки. Худоба его длинного тела была скрыта длинным сюртуком. Костявое колено обрисовывалось под черным сукном брюк, спускавшихся на гетры с пряжками. Г-н де Ла Бульри носил войлочные башмаки. Голова его слегка клонилась вперед на длинной шее. Голый затылок выступал из высокого воротничка, окаймленного лентой узкого галстука, который был завязан спереди на

пластроне. У него была реденькая седая борода, благоразумный и унылый нос, усталые глаза за очками и угнетенный вид. Он понижал голос посреди фразы и часто не заканчивал начатой. Чтоб прервать его таким образом, было достаточно открыть или закрыть дверь, и даже того, чтобы слушатели показались ему удивленными или рассеянными. Иногда также он умолкал внезапно по необъяснимой причине, придававшей вдруг его физиономии такое выражение, будто он подвергается таинственной опасности.

Г-н де Ла Бульри нежно поцеловал своего внучатного племянника. Он с удовольствием смотрел через очки, когда тот разбивал яйцо в смятку и макал в него кусочки хлеба. Жорж не был похож на своего отца, и г-н де Ла Бульри не очень этим огорчался, так как недолго любил г-на Долонна... Положительно, в Жорже было больше фамильного сходства с Ла Бульри, чем с Долоннами; нельзя сказать, чтобы он походил на мать, бывшую брюнеткой, или на деда, у которого до конца жизни были темные волосы и смуглый цвет лица; но г-н де Ла Бульри находил в его лице нечто схожее с чертами кавалера де Лесторэ, их кузена, миниатюрный портрет которого имелся у него и который сложил на революционном эшафоте свою красивую напудренную голову со свежим лицом и голу-

быми глазами. Г-н де Ла Бульри продолжал рассматривать племянника, спокойно евшего куриную ножку под белым соусом. Могут ли дети подозревать, что времена, подобные тем, которые оказались столь роковыми для галантного кавалера де Лесторэ, вполне способны повториться? Эпохе, в которую мы живём, предстоит опасное будущее, и надо всего ждать от человеческой испорченности! Но молодость — прекрасная вещь, и г-н де Ла Бульри одобрил г-жу де Ла Бульри, когда она с видом, не допускающим возражений, положила на тарелку Жоржа крылышко все той же курицы, к которому г-жа Долонн со своей стороны прибавила, передавая сыну полную ложку соуса.

Только за десертом заговорили об экзамене. Г-жа Долонн возобновила свои объяснения: Жорж застенчив, а эти устные испытания перед многочисленной аудиторией могли смутить всякого. Жорж счел излишним сообщить, что его спрашивали одного в маленьком зале, наверху лестницы В, трое снисходительных и торопившихся уйти господ, при чем в качестве публики присутствовал один сторож. Г-жа де Ла Бульри распространялась в том же смысле, что и г-жа Долонн; послушать ее, эти экзамены представляли собою жестокое испытание для молодых людей из хороших семей, не привыкших выставлять напоказ

свои достоинства. Но она не могла удержаться, чтоб не выразить сожаления, что Жорж родился не в Авиньоне. Вот оттуда действительно выходят смелые молодые люди, умеющие себя показать, бойкие на язык; если они и не всегда знают, что говорят, то во всяком случае говорят больше, чем знают... И слово «Авиньон» проскользнуло у нее с легким акцентом, заставившим г-на де Ла Бульри посмотреть на нее поверх очков.

Г-н де Ла Бульри воздерживался и предоставлял говорить женщинам; но по манере, с какой он покачивал головой и поджимал губы, было ясно, что у него на этот счет есть свои мысли. Лицо его выражало несогласие. На нем можно было прочесть некоторое сострадание, легкую насмешку и чуть-чуть презрения к этим поверхностным речам. Затем он с еле заметным неудовольствием стал выжидать, чтобы спросили его мнения. Г-жа де Ла Бульри, наконец, заметила немое неодобрение мужа и умолкла.

Г-н де Ла Бульри хотел улыбнуться иронически, но это придало его лицу жалобное и огорченное выражение.

— Нет, сударыня, — сказал г-н де Ла Бульри, выдержав маленькую паузу перед произнесением своего приговора, — нет, не потому они не пропустили вашего сына, Генриэта, и вашего внука, Эрнестина; это бесконечно серь-

езнее, чем вы предполагаете, и основывается на причинах, которые не могли не ускользнуть от вас, так как для того, чтоб уловить их, нужна привычка к размышлению. Жорж не был пропущен потому, что...

Он остановился, поправил левую дужку очков и подозрительно осмотрелся вокруг.

— Ах, нет... это слишком важно, чтобы говорить здесь: и у стен есть уши.

И он прибавил совсем тихо, наклонившись к г-же Долонн:

— Не следует пугать ребенка.

Жорж слушал с удивлением. Он в простоте души приписывал свою неудачу тому, что плохо рассказал дело Вальтелино, что не знал правых притоков Луары, а также некоторой неудаче, обычной в делах человеческих, которой он не мог отворотить, даже обойдя кругом, по обычаю кандидатов училища Сен-Ксавье, зеленую кадку с померанцевым деревом в Люксембургском саду.

— Я скажу вам все, если вы посетите меня в моем кабинете, Генриэта! — продолжал г-н де Ла Бульри. И он прибавил с гордостью и горечью:

— Я не выхожу оттуда, милая племянница. Вы прибыли в Риврэ как раз, когда я приступил к подавляющей работе. Не понимаю, как справлюсь с ней. Эрнестина, налейте мне еще чашку кофе, мне необходимо прояснить мысли,

Г-н де Ла Бульри снял очки, занотевшие от пара, который шел от чашки. Когда он надел их вновь, он увидел, что Жорж раскрывает портсигар.

— Отец разрешил ему курить, дядюшка; я надеюсь, и вы не будете ничего иметь против. Это такое невинное удовольствие.

— Я не нахожу его преступным, — сказал, улыбаясь, г-н де Ла Бульри, — но опасным, и мне больше бы нравилось, если б молодые люди воздерживались от привычки, которую наши отцы допускали разве лишь в кабачках. Курили также на биваках или на корабельной палубе; это было привилегией моряков, которым подражала кордегардия. Может быть, в моем племяннике имеются задатки моряка или солдата? Кури, дитя мое, но помни, как легко воспламеняются наши старые провинциальные дома. Не забывай об этом; хотя наш дом почти весь облицован плитами, тем не менее я советую тебе соблюдать большую осторожность, так как малейшая небрежность может привести к беде, о которой я не хочу и думать.

И г-н де Ла Бульри закрыл глаза за очками, стекла которых продолжали смотреть, помимо него. Он снова заговорил после паузы:

— У меня здесь, дорогой Жорж, хранятся документы неисчислимой ценности. Достаточно одной искры, чтобы все уничтожить.

Лицо г-на де Ла Бульри искажилось ужасом, словно он уже видел свой дом объатым пламенем.

— Но, дядюшка, если вы опасаетесь какого нибудь несчастного случая, он будет курить на воздухе, в саду... Не правда ли, Жорж?— сказала г-жа Долонн, вставая вслед за г-ном де Ла Бульри из за стола.— Вообще, тебе не зачем сидеть взаперти, и ты с успехом можешь пойти прогуляться по городу.

Если г-ну де Ла Бульри жутко было видеть племянника курящим дома, ему было не менее страшно то, что он уходит из дому; и с порога, до которого он его проводил, он посоветовал ему остерегаться многочисленных вещей, от бешеных собак вплоть до кровельщиков, которые легко могут уронить черепицу с крыши дома г-на де Варэ, в конце улицы Шантр.

Г-н де Ла Бульри собрался закрыть дверь, когда с Бычьей площади его приветствовал толстый человек:

— А, г-н де Ла Бульри! Я исполнил ваше поручение; брандмейстер предупрежден: насос сегодня испробовали.

— Большое спасибо за вашу любезность, г-н Плюра.

И г-н де Ла Бульри, вернувшись в сени, направился медленными шагами к лестнице и поднялся в свой кабинет.

Г-н де Ла Бульри проводил большую часть своего времени в этом кабинете, расположенном во втором этаже и выходившем на площадь. Это была довольно просторная комната с полом из красноватых изразцов, с маленькими круглыми ковриками перед каждым из кресел красного дерева в строгом стиле Луи-Филиппа, обитых зеленоватым репсом, и перед стульями с соломенными сиденьями. Между окон торжественно стоял письменный стол, заваленный бумагами, на которых в виде преспапье лежали тяжелые куски кремня. Они происходили из поместья де Ла Бульри, около Валлена, и были вывезены из давней поездки в эту старинную вотчину, перешедшую во время революции в другие руки. Г-н де Ла Бульри собрал их собственноручно и, поглядывая на них, всегда думал о беспорядках той гибельной эпохи, которая не пощадила ничего, даже собственности; к такой непочтительности г-н де Ла Бульри сохранял совсем особенное горькое чувство, так как последствием этого была продажа, как национальной собственности, земель и замка де Ла Бульри, обращенных потом в школу дьяконисс, что несколько утешало благочестивого г-на де Ла Бульри, но не помешало ему, однако, вынести из этой поездки впечатление непрочности всего временного, впечатление, которого сорок лет самой спокойной и ровной жизни не могли

вполне изгладить. Ничто не могло разубедить его окончательно, ни даже тишина и спокойствие этого маленького городка Риврэ-на-Винсе, из которого он с тех пор больше не выезжал и где женился на м-ль Эрнестине д'Эсклараг, из прекрасной венессенской семьи. В тиши своего дома, в совершенном супружеском согласии, среди отменного порядка кабинета, г-н де Ла Бульри оставался неспокоен.

Кроме стола и кресел, в кабинете г-на де Ла Бульри находились еще полки с папками и два книжных шкафа, наполненных толстыми книгами. По стенам висели, прикрепленные каждый четырьмя булавками, большие листы бумаги, неписанные мелким почерком. Столбцы их, цифры и скобки делали их издали похожими на расписания поездов.

Тут то г-н де Ла Бульри и замирался ежедневно на долгие часы. Он заменял для этого черный сюртук коричневым халатом и обычные очки — большими в черешковой оправе, затем садился за свой письменный стол, приподнимал один из больших кремней, придавливавших бумаги, макал перо в чернильницу, но не сразу принимался писать, и часто сидел так подолгу, углубившись в размышления.

Мысли г-на де Ла Бульри были не всегда таковы, какими их можно было предположить.

Они нередко бывали тревожны и безнадежны. Г-н де Ла Бульри жил в постоянном, ясном и глубоком сознании опасностей, которые представляла жизнь. Человеку следует весьма остерегаться как самого себя, так и других. Он подвержен тягостным неожиданностям. Г-н де Ла Бульри пугался всех болезней вообще и даже самых редких, заразных не меньше чем эндемических или хронических, и каждую минуту ждал, что может заболеть той или другой. Поэтому он с трепетом взирал на собственное тело. Оно состояло из стольких органов, частей и функций — как же можно было надеяться, что все там в должном порядке? Разве не находимся мы в зависимости от малейшего несовершенства и ничтожнейшего расстройства в нашей машине? А для самого даже усовершенствованного механизма крошечная песчинка имеет значение.

Если его личное здоровье заботило его, то и здоровье других не давало ему покоя, и он предсказывал каждому болезни, возможные признаки которых, казалось ему, он находил на их лице. И, так как предсказания эти иногда сбывались, то он видел в этом основательное подтверждение и тех неутешительных предсказаний, которые делал относительно самого себя.

Г-н де Ла Бульри испытывал опасения и другого рода. Он одинаково страшился

землетрясений, гроз, пожаров и наводнений, — ведь безобидная Винса заливала иногда луга; он столь же побаивался вторжений, войн и мятежей, сколь воров, убийц и всяких несчастных случаев, не говоря о конце мира, который, казалось ему, мог настать гораздо скорее, чем его обычно ожидают; предзнаменование этого он видел в распушенности нравов, в ослаблении веры и в возрастающей дерзости злоумышленников, о чем в точности осведомляла его газета «Эхо Луары и Винсы», которую он прочитывал ежедневно дважды: в первый раз — из любопытства, во второй — для того, чтобы тщательно продумать эти показания о жизни вселенной и в частности — своей провинции.

Из всего этого не следует заключать, чтобы г-н де Ла Бульри не обладал мужеством. Он умел при случае проявить его. В 1870 году, во время войны, он ездил заложником на локомотиве, ибо после того, как вольные стрелки задержали один поезд между Риврэ и Валленом, немцы не решались больше ездить иначе, как беря с собой кого либо из наиболее почетных граждан этих обоих городов. Г-н де Ла Бульри выказал себя при этих обстоятельствах несколько не хуже других. Он ухаживал с удивительным самоотвержением за женой, когда та заболела ужасной ветреной оспой. Это были два самых зна-

чительных события в его жизни, и он держал себя в этих случаях молодцом; но он предпочитал тем и ограничиться и оберегать себя до того часа, когда сумеет умереть подобающим образом, как добрый христианин, один ли, или со всем остальным человечеством, если случится, что конец мира совпадет с его собственным. Но все это не мешало ему страшиться опасностей человеческой жизни и тех ловушек, из которых она состоит.

Надо сказать, что г-н де Ла Бульри считал себя подверженным более, чем другие, житейским невзгодам. Г-н де Ла Бульри приписывал эту шаткость своего положения, которую он носил и которая навлекла на него, словно указуя перстом предательство и коварство судьбы. Он был обязан этой особенностью и этими опасностями дворянской форме своей фамилии. Г-н де Ла Бульри был дворянином и глубоко верил, что в наше время дворянство — преимущество, которое дорого оплачивается и не обходится без больших тягот; но он покорялся этому стоически, с достоинством, смешанным с грустью.

Дворянство! Г-н де Ла Бульри был убежден, что весь край следил за дворянством, что все ждали только случая, чтоб заставить его искупить старинную привилегию всякого рода терзаниями. При первом толчке, народное неистовство направится в эту сторону.

Г-н де Ла Бульри видел уже раскрывающиеся темницы и гильотину, прочно утвержденную на Бычьей площади. Но даже и без этих крайностей, народное недоброжелательство, которое навлекаешь на себя, принадлежа к дворянству, принимает формы самые разнообразные. Г-н де Ла Бульри утверждал, например, что цифру налогов на него умышленно преувеличивали, что поставщики поднимали цены специально для него, что письма его терялись или приходили со злостным опозданием вследствие всяких происков, что за ним следили во все глаза и высматривали на каждом перекрестке, когда он направлялся к ранней обедне. Он не ограничивался этим. Он утверждал, что его обокрадут скорее, чем другого, также — что у него больше шансов, чем у другого, быть сбитым с ног экипажем или укушенным бешеной собакой, что огонь легче займется в его доме, нежели в соседнем, что тушить его будут с меньшим усердием и что пожарные, в конце концов, будут не прочь полюбоваться, как горит дом де Ла Бульри, не потому, чтоб они питали ненависть к нему лично, а просто по причине его дворянства. Такова глухая вражда, которою вы обязаны случайности своего происхождения; оно отличает вас от других и, выделяя из массы, делает предметом ее ненависти.

Г-н де Ла Бульри все это знал хорошо, считался с этим и принимал это с легкой улыбкой горечи и понимания. Отсюда вытекала для него необходимость постоянной осмотрительности и бдительности, как в разговорах, так и в поступках. Незачем ускорять события; настоящее мужество заключается в подчинении им, когда они нас настигают. Так надо было перенести и неудачу его внучатного племянника Жоржа Долонна в Сорбонне. Причина не была тайной для него в этом деле. Эти господа в университете, наверное, подумали, что фамилия Долонн пишется с апострофом (д'Олонн), скрывающим опущенную частицу «де». Не достаточно ли этого в наше время? Бедное дитя должно было подвергнуться тяготам, связанным с предпологаемым дворянством, не пользуясь преимуществами последнего, бывшими в глазах г-на де Ла Бульри все же настолько значительными, что можно было считать счастьем искупать их ценою причиняемых ими неприятностей и навлекаемого ими риска.

Это «Долонн» в одно слово было в свое время единственным серьезным возражением со стороны г-на де Ла Бульри против замужества его племянницы Генриэты. Он осторожно спросил своего будущего зятя, не было ли это начертание следствием старинной ошибки? В таком случае было бы легко

и естественно восстановить подлинное правописание. Существует много фамилий, с которыми дело обстоит так же, и г-н Долонн вполне мог оказаться дворянином, сам того не зная. Розыскания г-на де Ла Бульри привели к неутешительным результатам. Он еще хранил это дело в своих папках. Прадед Долонна был земледельцем в Вандее. Дед, переселившийся в Париж, был военным комиссаром во времена Республики. Отец занимался торговлей. Нынешний г-н Долонн не выделялся ничем, и сын его также не будет ничем выделяться. Г-н де Ла Бульри покорился судьбе, но он никогда не мог прочесть или написать фамилии своей племянницы Генриэты Долонн, не замечая сквозь очки, как над ней летает, словно мушка, готовый спуститься апостроф.

Если г-ну де Ла Бульри не повезло с Долоннами, то он оказался счастливее с де Ла Бульри... Ле Бега де Ла Бульри обладали доказанным дворянством. Расследование о случаях самозванного присвоения дворянского достоинства, произведенное по приказу короля Людовика XIV в 1666 г., подтвердило и закрепило дворянство Ле Бега. Они упоминались в актах, отпечатанных в Валлене в 1673 г., среди других провинциальных дворян. Г-н де Ла Бульри обладал этим драгоценным сборником *in folio*. Ле Бега значились там, как восходившие

к Антуану Ле Бега, сьеру де Ла Бульри, жившему в 1560 г. Этот 1560 год был для Ле Бега порогом мрака времен. Тщетно г-н де Ла Бульри пытался проникнуть глубже, дабы найти предшественников названного Антуана. Он перерыл валленские архивы и ничего не нашел. Ни один Ле Бега не появлялся до 1560 года. Г-н де Ла Бульри не отчаивался. Он отправился в Париж. Это была единственная поездка, которую он туда совершил. В это время королем был Луи-Филипп. В королевской библиотеке заключались все записи от 1666 г. Г-н де Ла Бульри перелистал почтенное собрание их. На обороте одного листа он прочел слова, написанные почерком д'Озье: «Эти Ле Бега не могли ничего привести древнее Антуана. Надо их утвердить, хотя данные еле удовлетворительны».

Г-н де Ла Бульри закрыл книгу и сел в дилижанс. Он перестал заниматься историей рода Ле Бега до 1560 г.; но от этой даты до наших дней ему было достаточно дела. Г-н де Ла Бульри принялся за работу; он составил полную генеалогию своего рода. Ничто не было в ней пропущено, даже дети, умершие в младенчестве. Это было первой работой г-на де Ла Бульри. Второй, была генеалогия семейства д'Эсклараг, откуда происходила г-жа де Ла Бульри, на которой он женился

к тому времени. Затем г-н де Ла Бульри заинтересовался семействами своего округа; он не остановился на этом и постепенно изучил главнейшие фамилии Франции. Он нашел свое призвание — то самое, в котором его предшественниками были Клерамбо, Шерены и д'Озье.

Г-н де Ла Бульри прощал первому из д'Озье немного суровую оценку рода Ле Бега. Он уважал его и восхищался великим генеалогом, знатоком французских гербов, преемником Монжуа и Золотого Руна, человеком, которого Ларжильер изобразил на своем известном большом портрете в красивой вышитой одежде, в громадном парике, со спокойным и уверенным лицом, как и подобает тому, кто охватывает своей мыслью источники, родословные, браки и гербы всех дворянских родов королевства. Он держит в руке наполовину развернутый пергамент, с которого свисает на шелковом шнуре восковая печать. Г-н де Ла Бульри хранил в своем кабинете гравюру в рамке с этого портрета, присланную ему с лестною надписью г-ном Дорель де Бельривом, редактором Дворянского Архива, с которым он был в постоянной переписке.

Г-н де Ла Бульри весьма уважал г-на Дорель де Бельрива. Оба они были единственными оставшимися в живых представителями науки, находящейся в наше время в полном прене-

брежении. Если она теперь и не доставляет должностей и не считается государственной работой, она не стала от того менее полезной и почтенной. Уважение, которое к нему проявлял г-н Дорель де Бельрив, утешало г-на де Ла Бульри во многих огорчениях, и он не оставался равнодушен к той маленькой славе, которой пользовался в своей провинции благодаря знанию генеалогий. Г-на де Ла Бульри постоянно запрашивали. Ему писали по поводу браков, и он любезно давал указания. Он рылся в своем отце Ансельме, в Морери, в Шенэ Дебуа, в Сент-Амэ, во всех д'Озье и посылал обстоятельную справку. Не так давно, месяца два тому назад, граф д'Оброш, проживавший в окрестностях Риврэ, доверил ему свой архив: г-н де Ла Бульри рассчитывал по этим материалам составить полную родословную этого дома, знаменитого в валленском округе, и напечатать ее.

Архив этот в продолжение двух месяцев, пока у него лежал, был для г-на де Ла Бульри источником и радостей и мучений. Он содержал весьма древние документы, в том числе росписку пизанских купцов, выданную Жерару д'Оброшу, рыцарю-крестоносцу, и многие другие важные бумаги. Г-н де Ла Бульри, гордый тем, что дает приют под своей скромной кровлей подобным благородным свидетельствам прошлого, пребывал за них в посто-

янным страхе. Десять раз на день заходил г-н де Ла Бульри на кухню, чтобы посмотреть, не слишком ли раскалилась печь. Он недоверчиво наблюдал за свечами и лампами, хотя в последних горело масло. Он предупредил городскую пожарную команду, чтоб она была наготове при первой тревоге; он вставал по почам, чтоб убедиться, что огонь всюду погашен, и доводил свою осторожность до того, что взбирался на чердак, где спала старая Клодина, чтобы посмотреть в замочную скважину, не оставила ли она зажженной свечи; он прикладывал ухо к дверям Жанны, молоденькой шестнадцатилетней служанки, помогавшей кухарке, с удовольствием слушая, как она храпит, хотя этот храп напоминал ему неприятным образом ворчанье слишком раскалившейся печки. Затем он снова засыпал, думая о завтрашней работе.

В г-не де Ла Бульри было замечательным то, что он с истинной страстью интересовался происхождением тех семей, которыми занимался, и не досадывал на них за то, что они были древнее его рода. Напротив, желая возвести их родословную возможно выше, он проявлял невольную снисходительность к недовольным переходам, к сомнительным подстановкам, ко всяким ухищрениям, которыми наилучшие дома стараются отодвинуть вдале свое происхождение. Прекрасная генеалогия

преисполняла его радостью. «История Высших Чиннов Государства» отца Ансельма содержала замечательные генеалогии, в которых обширность владений, скопление титулов, разнообразие линий, важность должностей и звучность имен заставляли его испытывать своего рода научное опьянение.

Г-н де Ла Бульри не ощущал никакой грусти от занятий этим сухим и унылым предметом. Эти бесконечные перечни людей, некогда живших и умерших, не вызывали в нем печали. Как! Все эти старшие сыновья, послерожденные и младшие, совладельцы и наследники, мужчины, женщины, девицы все они стали ныне щепоткой праха, пустыми именами в веренице одинаково пустых имен! Г-н де Ла Бульри оставался равнодушен к этому буквенному зрелищу нашего ничтожества и бренности существ и предметов. Все эти люди в его глазах служили лишь для того, чтобы прибавить своему роду лишний чин или недвижимую собственность. Тени их не беспокоили невозмутимой памяти г-на де Ла Бульри. Он устанавливал их наличие и заносил в списки, как будто все их существование сводилось к тому, чтобы принять, пронести и передать имя, исчезающее в конце концов, как должно было угаснуть и имя Де Бега, коего г-н де Ла Бульри был последним представителем.

Это было единственным огорчением страстного генеалога, вообще говоря — прекрасного человека, кроткого, доброго и сострадательного. Он искренне любил свою жену; если он и укорял ее иногда за авиньонское произношение, то только для того, — говорил он шутя, — чтоб упрекнуть хоть в чемнибудь. Она же, наоборот, никогда не переставала скорбеть о том, что не смогла подарить ему детей.

Об этом своем огорчении и беседовала она с г-жей Долони, когда Жорж часам к шести вернулся с прогулки. Обе они, сидя в гостиной нижнего этажа, вязали маленькие тамбурные квадратики, которые, собранные вместе, должны были составить покрывало на постель. Работы хватило бы на два месяца каникул. Г-жа Долони радовалась приезду в Риврэ. Она очень любила своего дядюшку и обожала тетку. Г-жа Долони охотно рассказывала ей про свои невзгоды. У Жоржа было трудное и болезненное детство. Г-н Долони слыл очаровательным человеком, но г-жа Долони вздыхала при мысли о нем. Она была лишь наполовину счастлива. Г-н Долони был слишком любезен в обществе. Он прожил часть их общего состояния, и будущее их представлялось весьма неопределенным.

Жорж сел против них на вышитый табурет. Положив подбородок в колени и устремив

взор на ковер, он, действительно, настолько еще имел вид ребенка, что г-жа де Ла Бульри нежно положила ему руку на голову:

— Мне трудно представить, Генриэта, что ему шестнадцать лет и что он мог уже быть бакалавром!..

Наступило молчание. Слышался только тихий звук крючков да тяжелые шаги г-на де Ла Бульри, который наверху в своем кабинете вставал из за стола, без сомнения для того, чтобы взять книгу из шкафа или достать справку из папки. За кисейными занавесками обрисовалась тень на Бычьей площади. Это был почтальон. Г-жа Долони подумала о муже, который был на водах в Руайя. Когда он соберется написать ей? И она спросила сына:

— Где ты побывал сегодня, Жорж?

Жорж посмотрел на мать с удивлением и отвечал жалобным и грустным тоном:

— Везде.

Риврэ-на-Винсе был невелик, и его можно было быстро обойти. И Жорж подумал о том, что сделанное им сегодня в один день он будет повторять в продолжение двух месяцев. Он обошел город, прошел вдоль канала, спустился по платановой аллее, полюбовался с мостов на Винсу. Он ходил и на вокзал. У него не будет иных развлечений, как поздно вставать, менять галстухи, рассматривать три привезенных с собой фотографии

актрис и перечитывать «Мадемуазель де Мопон».

Почтальон позвонил вторично.

— Жорж, подойди к двери... Старая Клодина стала глуховата, а Жанна, должно быть, в саду!.. Он, верно, подсунул письмо под дверь.

Тень почтальона вновь промелькнула за кисейной занавеской. Письмо было к г-же де Ла Бульри. Она прочла его.

— Это от Маргариты д'Эсклараг... Помнишь — Маргарита, наша кузина, вдова Бертрана... Она пишет, что не знает еще, сможет ли приехать в этом году... Я очень хотела бы, чтоб она приехала. Это оживило бы дом. Ты скучаешь здесь, бедный мой котенок!..

Он собирался ответить, что ему здесь очень весело, но неудержимая зевота свела ему рот.

— Ты зеваешь, Жорж, ты голоден! — озабоченно и с некоторой строгостью сказала г-жа Долонн.

— Полно, Генриэта, дай ему хоть зевнуть спокойно! Жорж, к обеду будет тушеная телятина, яичница с сыром и пышки под шоколадным соусом.

III

Первая неделя в Риврэ прошла для Жоржа Долонна без всяких событий. Он не скучал, но слегка сожалел о прошлогодних каникулах, когда его возили на берег моря. Он вспоминал Сен-Мало, его узкие и кривые улицы, высокие дома судовладельцев, прогулки на валу, пляж, поросшие мохом скалы. Ему казалось, что он еще вдыхает морской воздух и характерный местный запах Сен-Мало, этого необычайного местечка. Мать брала его в Динан, по Рансе, и в Мон Сен-Мишель. За год перед тем они были в Дьеппе. Он вспоминал купанье, шумное, освещенное казино, замок д'Арк, Пурвиль, Варанжвиль, усадьбу Анго среди красивых деревьев, клонившихся под морским ветром, и небольшую сосновую рощу, доходящую вплоть до скалистого берега.

Риврэ с его плоскими луговыми окрестностями представлялось ему довольно печальным. Аллея вековых платанов интересовала

его не больше, чем длинные ряды тополей вдоль канала, над которым там и сям выгибаются маленькие крутые каменные мостики, с одной лишь аркой. По неровной мостовой Риврэ на тихих улицах звонко раздавались его шаги. Он увидел себя в зеркале магазина мод Бернье, лучшего в городе, на перекрестке улиц Шантр и Эглиз. Витрина была защищена полотняной маркизой. Ветер покачивал подвешенные на веревке постельные коврики из грубого холста с изображениями зверей и цветов. У дверей друг против друга стояли два манекена с раскрашенными лакированными лицами, один в тиковом костюме, другой в охотничьем из рубчатого бархата. У них был скучающий вид, о они следили своими большими шаровидными глазами, как он проходит мимо, заходит в кондитерскую купить мятных лепешек, или в табачную — за спичками.

Нет возможности сказать, красив Риврэ или некрасив. Это маленький провинциальный городок, чистенький и зажиточный, с двумя предместьями — Невильским и Вокзальным, довольно древней церковью эпохи поздней готики, ратушей XVI века с недурно изваянными чудовищами, аллеей, обсаженной платанами, богадельней и несколькими старинными или новыми домами, приятными на вид и с садиками. В эту пору года все они

почти стояли с закрытыми ставнями. Владельцы этих домов образовывали то, что в Риврэ называлось «порядочным обществом» в противовес «публике», состоявшей из остальных граждан. «Порядочное общество» жило в Риврэ только зимою. Летом оно уезжало в замки, на дачи, к морю. Тогда Риврэ пустел.

Жорж Долонн заметил это в воскресенье за обедней. Он не встретил там лиц, виденных им три года тому назад, во время последнего пребывания у дедушки, и с тех пор ему запомнившихся. Он в тот раз провел март месяц у г-на де Ла Бульри, чтоб оправиться после приступа лихорадки: врач предписал ему перемену воздуха. Несколько лиц, однако, Жорж тотчас же узнал. Вот этот толстый лысый господин был г-н Бернье, торговец модными нарядами, а эта безобразная и нескладная особа м-ль де Серлет, приятельница бабушки. У нее не было имени, так же как и у м-ль Бурлон, сестры отставного полковника Бурлона, жившего в Риврэ на пенсии. Дальше он заметил г-на и г-жу Юрто. Их дочь Марта выросла... Юрто оставались летом в Риврэ, а на один зимний месяц ездили на юг. Перидоны также не уезжали, ибо г-н де Перидон был вынужден продать свой замок. Что касается г-на и г-жи Рагеньо и их трех дочерей, то они

никогда не покидали своего дома на улице Шардон, во все времена года наполнявшегося звуками яростных гамм и экзерсизов. Г-н Рагеньо слишком долго носил блузу скототорговца и ночевал на постоянных дворах в кануны ярмарок, где продавал свой скот, чтобы ему было приятно отправляться в деревню, когда можно было жить в городе. Сделавшись барином, он не показывался иначе, как в сюртуке и цилиндре. Рядом с ним м-ль Дюплан щурила усталые глаза. Она занималась живописью, писала портреты и церковные картины. Полотно, украшавшее главный алтарь приходской церкви Риврэ, принадлежало ее кисти. На нем изображено было преображение Христа, с чреслами, ополсанными желтой тканью, на холме, где преклоняли колена апостолы Петр и Павел. Жорж, полюбовавшись их лицами висельников и мужественным телосложением, принялся снова глядеть по сторонам.

Напрасно искал он взором на скамье церковного старосты черный парик и насмешливую физиономию г-на Юбера де Салиньи и похожее на щелкунчика лицо г-на Вертейля. Длинная седеющая борода г-на Станисласа де Ла Виньерэ также отсутствовала. Стулья, на которых обыкновенно сидела г-жа де Ла Виньерэ с дочерьми Еленой и Розой, были также не заняты. Когда Жорж

был в последний раз в Риврэ, мать сделала визит вместе с ним г-же де Ла Виньерэ. Елена и Роза повели угостить его в старинную и просторную столовую с белой деревянной панелью. Г-н де Ла Виньерэ жил в самом красивом доме Риврэ, в том, который принадлежал некогда маркизу Монблерю. Ла Виньерэ владели также замком Омон.

— Они сейчас в Омоне, — сказала г-жа де Ла Бульри Жоржу Долонну, выходя из церкви.

Г-жа де Ла Бульри каждое воскресенье с трудом выстаивала обедню до конца; она задыхалась от такого скопления народа в одном месте и, даже выйдя на улицу, передвигалась с трудом и никак не могла оправиться. Жорж заметил у нее на лбу капельку святой воды. Г-жа де Ла Бульри была багровой. Резкое июльское солнце накалило натянутый шелк ее лилового зонтика. Мостовая была так горяча, что обжигала подошвы. Она обернулась к г-же Долонн, шедшей позади нее, и прибавила таинственным тоном:

— Г-жа де Ла Виньерэ все еще не ходит.

На углу улицы Паруас и улицы Шантр г-жа де Ла Бульри остановилась передохнуть. Положительно, г-н де Ла Бульри был прав, придерживаясь ранней обедни. Она была прервана проходившими мимо Рагеньо. Г-жа Рагеньо сделала ей реверанс, г-н Рагеньо

приветствовал, подняв цилиндр, а три девицы Рагеньо метнули взор на Жоржа, посторонившегося, чтоб уступить им дорогу.

Когда семейство Рагеньо прошло вперед, г-жа де Ла Бульри снова заговорила о де Ла Виньерэ.

— Да, они в Омоне... знаешь, Жорж, это тот замок, что виден с поезда, перед Вайи, после замка г-на д'Оброша. Они проводят там все лето. Ах, никого положительно нет в Риврэ в эту пору! Ни одного мальчика твоих лет, бедный мой Жорж! Впрочем, здесь вообще только и есть что девочки, — прибавила г-жа де Ла Бульри, оборачиваясь к г-же Домонн. — У Виньерэ две дочери, у Юртро дочь, у Перидонов дочь, у Рагеньо целых три! Правда, у Ломбарденов пятеро сыновей, но ужас каких!

Г-н Ломбарден был цементным фабрикантом, и его принимали в обществе ради жены, рожденной дю Пор, из старой местной семьи.

Это изобилие дочерей несколько утешало г-жу де Ла Бульри в том, что у нее не было детей. Г-ну де Ла Бульри был нужен сын, чтобы сохранить имя. Она вышла замуж за него с лучшими на этот счет намерениями. Бог не пожелал благословить их союз, решив, без сомнения, что оба они находили достаточно удовлетворения друг в друге, чтоб

нужно было прибавлять еще и это. Г-жа де Ла Бульри охотно признавала милость providения по отношению к ней; поэтому она упрекала себя за то, что невольно сожалела о своем Авиньоне, Авиньоне ее молодости, который она должна была покинуть после смерти отца. Оставшегося после г-на д'Эскарага наследства хватило только на то, чтобы кое как расплатиться с долгами. Для этого пришлось продать все, вплоть до старого особняка на улице Филонард, и м-ль д'Эскараг приютилась в Валлене у дальней родственницы. Там то и познакомился с ней г-н де Ла Бульри, который увез ее оттуда в Риврэ. Она очень любила этот маленький городок: но иногда ей вспоминалась древняя папская резиденция, замок, стены, разрушенный мост, Бартеласс, Рона. Она видела вновь свой прежний Авиньон, сухой и благоуханный, под знойным солнцем и горячим мистралем, и невольно сохраняла гортанный выговор, слышать который было неприятно г-ну де Ла Бульри, так как это казалось ему вызовом мягкому и картавому произношению Риврэ.

Г-н де Ла Бульри не представлял себе ничего лучшего в мире, как Риврэ, где он родился и откуда почти никогда не выезжал. Жить и умереть в родном доме — казалось ему известным протестом против духа вре-

мени. Современность не нравилась ему. Ему казалось, что прошлое предоставило бы ему многочисленные возможности, ничем теперь не заменимые. Ему следовало бы родиться по меньшей мере на полтора-два десятилетия раньше. Подобно своему деду, советнику Валленского Парламента, он носил бы бархатную шляпу с галуном и жил в старинном особняке Ле Бега, который существовал еще и сейчас в Валлене, неподалеку от собора; осенью он ездил бы в свое поместье де Ла Бульри, в четырех лье от города, которое отец его, вернувшись после эмиграции, застал проданным скупщикам национального имущества.

В молодости, благодаря наследственной склонности, у г-на де Ла Бульри мелькнула мысль пойти в магистратуру. Там еще в достаточной мере сохранились прежние навыки и язык. Там носили мантию и ток. Г-ну де Ла Бульри было бы приятно именоваться г-ном Президентом или г-ном Советником. Названия эти хранят некоторый привкус старого режима. Валленская Судебная Палата занимает часть строений Парламента. Но г-н де Ла Бульри отказался от этого проекта, будучи застенчив и питая отвращение к проявлению своей особы. Зачем отправлять общественные обязанности, навлекающие внимание недоброжелателей? Достаточно для этого уже просто быть одним из Ле Бега

де Ла Бульри. И он остался в Риврэ, где никакие события не посетили его жизни. Бывают двери, в которые случайности не стучатся. Г-н де Ла Бульри переступал порог собственной двери только для того, чтоб пойти к ранней обедне или в январе месяце сделать новогодние визиты. По воскресеньям г-н и г-жа де Ла Бульри принимали тех, кто желал их навестить, после полудня, в большой гостиной нижнего этажа.

Она была довольно хорошо обставлена; по стенам висело несколько семейных портретов. Г-жа де Ла Бульри наряжалась в новый чепец, и г-н де Ла Бульри надевал лучший из своих длинных сюртуков. Зимой в салоне г-на и г-жи де Ла Бульри собиралось все лучшее общество Риврэ. Г-н Рагеньо много бы дал, чтоб быть туда допущенным, тем более, что там из за жены, урожденной дю Пор, принимали его приятеля г-на Ломбардена, которого он терпеть не мог. Но в это июльское воскресенье у г-на и г-жи де Ла Бульри никто еще не появлялся, хотя уже зазвонили к вечерне. Г-жа Долонн знаком разрешила скукавшему Жоржу подняться к себе в комнату.

Он заметил на чердаке шкаф с решеткой, где находились кое какие книги, и хотел посмотреть, не выберется ли там чтонибудь подходящее, чтоб скоротать остаток дня. Он привез с собой из Парижа только «Маде-

муазель де Мопен». Мать сказала ему, что в Риврэ он легко сможет достать книги. Г-жа Долонн отлично знала, что библиотека дялюшки де Ла Бульри не содержит ничего, кроме трудов по геральдике: она надеялась, что сын ее не станет их читать и что, таким образом, не будет утомлять голову; но, так как молодой человек жаловался, что не знает, как убить время, она накануне посоветовала ему пойти к барышням Камюс.

Барышни Камюс, две сестры, старые девицы собрали небольшую библиотеку, из которой давали на прочтение книги за одно су в пользу бедных. Все эти книги — назидательные романы, комплекты «Работника» или «Семейной Недели», поучительные рассказы — были грязны и потрепаны, и все одинаково обернуты в желтую бумагу, какой пользуются бакалейные торговцы и мясники для заворачивания мяса и съестных припасов. Жорж припомнил, чем снабжали его прежде барышни Камюс, в особенности один рассказ, восхищавший его. Он назывался «Тезима» или «Изгнанник Пустыни»; действие в нем происходило во времена крестовых походов. Но, может быть, библиотека барышень Камюс содержала книги, которые могли бы его интересовать и теперь, исторические произведения или какие нибудь описания путешествий...

Дом, где проживали барышни Камюс, был расположен в тупике Ролен. Он увидал снова тот же низкий зал с изразцовым полом, с потолком на толстых балках, с полками, уставленными все теми же желтоватыми томиками. На черном деревянном столе лежал каталог, закапанный чернилами, рядом с записной книжкой, куда м-ль Камюс заносила фамилию берущего и название выдаваемой книжки. С прошлого года существовала уже только одна из двух сестер Камюс; и Жорж тщетно спрашивал себя, была ли оставшаяся в живых м-ль Луиза или м-ль Эмэ? Раньше они были похожи одна на другую: одинаковые черные кофты, одинаковые плетеные чепцы. М-ль Эмэ издала восклицание, узнав, что молодой человек — племянник достойного г-на де Ла Бульри. Как бы ее бедная сестра Луиза обрадовалась, увидав его таким большим! Как люди меняются!.. Жорж мог убедиться в этом сам: он пробежал разочарованным взглядом столбцы каталога, где стояли в ряд «Протестанты Севенских Гор» и «Косильщики Смерти», восхищавшие его в детстве, когда он восторгался подвигами Жана Кавалье или Адама Чуско так же, как теперь восхищался жалобами д'Альбера и отвагой прекрасной м-ль де Мопен. И он снова попросил тихим голосом у м-ль Эмэ Камюс, приветливо на него смотревшей, «Тебзиму». «Изгнанник Пустыни»

значился еще в каталоге, но книжка была утеряна, и м-ль Эмэ очень советовала молодому человеку взять вместо нее «Глиняные Ноги» Зинаиды Флерио, прекрасную книгу, которую барышни Рагеньо как раз только что вернули.

Если библиотека м-ль Камюс не содержала ничего порядочного, то и решетчатый шкаф на чердаке г-на де Ла Бульри стоил не большего. Жорж увидел там, рядом с «Гидравлической» сьера де Белидора, «Прекрасную Амаласунту» иезуита Дефонтена. Полное собрание сочинений кардинала де Ла Люзерна занимало целую полку. Жорж вынул один из томов. На чердаке было жарко. Слышался звон колоколов, призывавших к вечерне. Старые балки дрожали от него. В тяжелом воздухе стоял запах пыли и крысиной мочи.

Жорж Долонн закрыл шкаф и вернулся к себе в комнату. Руки у него были сухими и в пыли. Ему пришла мысль написать своему другу Максиму Плантелю. Образ Эжени, любовницы Фернанда, предстал перед ним. Он снова увидел ее светлые глаза, тонкий нос, прическу с бахромкой, желтую соломинку, через которую она тянула оранжад за столиком кафе Вашет. Он лег на кровать и развязал галстук. Видение дрогнуло, стало бесцветным, прозрачным и неясным; он крепко заснул.

Когда он пробудился, было пять часов. У подъезда остановилась коляска. Пара лошадей в блестящей сбруе фыркала как раз под его окном. К дядюшке де Ла Бульри, очевидно, кто то приехал. Заинтересованный Жорж пригладил волосы и спустился в гостиную.

Г-н Станислас де Ла Виньерэ сидел там в кресле, заполняя его своим дородным телом. Это был довольно красивый мужчина, лет пятидесяти, с хорошим цветом лица, густой шевелюрой и широкой черной с проседью бородой веером. Страстный охотник, знаток в еде и любитель, как говорили, еще кой чего, де Ла Виньерэ обладал громким голосом. Он был общительный и добрый малый, любивший похлопать людей по плечу. Будучи весьма популярен в своей провинции, он думал выставить на ближайших выборах свою кандидатуру против г-на Ламбер-Лакруа, депутата от округа. Его избрание представлялось возможным; сам он считал его обеспеченным. В другом кресле сидел красивый, молодой еще человек с острой бородкой и черными, остриженными под гребенку волосами. Жорж узнал в нем г-на Гюга де Гальбана. Г-н де Гальбан, дальний родственник г-на де Ла Бульри, два с небольшим года тому назад получил должность сборщика прямых налогов в Вайи, в трех лье от

Риврэ. Когда г-н де Гальбан жил еще в Париже, служа в Министерстве Финансов, он бывал изредка у Долоннов. Жоржу приятно было его встретить здесь. Г-н де Ла Бульри представил своего внучатного племянника...

— Хотите, я довезу вас до Вайи, по дороге в Омон? — сказал г-н де Ла Виньерэ Гюгу де Гальбану, поднимаясь.

Г-н де Гальбан мог при случае пригодиться для его кандидатуры.

— Благодарю вас, я поеду семичасовым поездом.

— Нет, нет, вы останетесь обедать с нами, кузен, — сказала г-жа де Ла Бульри.

Г-н де Ла Виньерэ стал прощаться.

— Вы должны извинить моей жене, что она не приехала вас навестить; она очень утомлена эти дни. Но вы не откажете ей в удовольствии увидеть вас когда нибудь в Омоне? Нужно, чтоб и этот мальчуган возобновил знакомство с моими дочерьми...

Жорж Долонн, проводивший по знаку, данному дедушкой, г-на де Ла Виньерэ до коляски, увидел, как тот заговорил с выездным лакеем и закурил огромную сигару. Один только Максим Плантель курил такие! Г-н де Ла Виньерэ взял в руки вожжи и уехал, не ответив на поклон молодого человека.

За обедом Жоржа развлекал Гюг де Гальбан, поддразнивавший г-жу де Ла Бульри

и издевавшийся над г-ном де Ла Виньерэ. Он собирался рассказать один анекдот относительно галантных походов владельца Омонского замка; г-н де Ла Бульри знаком напомнил ему, что здесь был Жорж. В девять часов г-н де Гальбан вспомнил о поезде.

— Проводите меня на вокзал, — сказал Гюг де Гальбан Жоржу, лицо которого ему нравилось.

Г-н де Ла Бульри протестующе воскликнул:

— Жорж — один на улицах Риврэ в девять часов вечера!

Г-н де Гальбан расхохотался:

— Да в этом нет ничего опасного, кузен!.. Вы хотите сделать из него мокрую курицу.

Когда они вышли, г-н де Ла Бульри некоторое время ходил по гостиной из угла в угол, прежде чем подняться в кабинет, где он каждый вечер окидывал на прощанье взором свои дорогие бумаги. Целуя свою племянницу Генриэту, он сказал ей:

— Дорогая моя Генриэта, Гюг де Гальбан — компания не подходящая для Жоржа. Он очень легкомыслен!

Г-н де Ла Бульри заснул не раньше, чем услышал, что его племянник вернулся в свою комнату. После этого он возблагодарил бога за то, что день прошел благополучно, что, впрочем, должно было стать вполне несомнен-

ным лишь в том случае, если поезд привезет г-на де Гальбана на станцию Вайи целым и невредимым, если г-н де Ла Виньерэ с своей стороны доберется до Омона без того, чтобы опрокинуться с лошадьми в канаву, а также если он, вернувшись, не застанет жену при последнем вздохе, а замок — объятый пламенем. И г-н де Ла Бульри, со слипающимися от сна глазами, представлял себе пожар Омонского замка, путая его в полусне с другим замком — с тем, где таилась опасность для драгоценных пергаментов графа д'Оброша.

Гюг де Гальбан пригласил Жоржа приехать к нему на следующий же день позавтракать. Эта экскурсия в Вайи не могла не вызвать в г-не де Ла Бульри всякого рода опасений. Жорж и не подозревал, что перед его поездкой дедушкой было послано длинное письмо, в котором он советовал Гюгу де Гальбану быть осмотрительным и сдержанным с Жоржем. Он просил его, во внимание к возрасту Жоржа, избавить его от разговоров, противоречащих благопристойности, и не позволять ему оставаться на солнце без шляпы.

Жорж прибыл в Вайи в одиннадцать часов и легко разыскал дом Гюга. Он находился на краю города и был небольшой, одноэтажный, с медной дощечкой на дверях. Г-н де Галь-

бан принял Жоржа в своей конторе. Правительственные объявления покрывали ее стены. В углу дремал черный пудель. Г-н де Гальбан, в пиджаке из альпага, посыпал голубоватым песком квитанцию. Стоя перед ним, крестьянин в блузе, заправленной в брюки из грубого серого сукна, вытащил из раздувшегося кармана холщевый мешок, наполненный медью и серебряными монетами, и опоражнивал его на конторку. Г-н де Гальбан сосчитал деньги и, сложив их стопками, с шумом сбросил в ящик стола. Закрыв его на ключ, он протянул старику квитанцию:

— Теперь мы в расчете, отец Матье, только впредь не запаздывайте!

Отец Матье поджал бритые губы, взял свою палку с кожаным ремешком и вышел, произнеся:

— Желаю доброго вечера господину сборщику и всей компании.

Г-н де Гальбан снял пиджак из альпага и повесил его на розетку занавески.

— Идем завтракать, Жорж.. Ты представляешь себе, как весело заставлять платить этих бедняков! Мерзкое ремесло!

Он перевернул на дверях подвешенную на гвоздике с помощью шнура дощечку, на которой можно было прочесть: «Сборщик податей находится в отъезде».

Затем прибавил:

— Так-с! На сегодняшний день хватит!

Столовая, выходявшая на квадратный огород, была украшена старинным фаянсом. Г-н де Гальбан собирал в окрестностях старые разрисованные тарелки; в этих местах еще можно было найти очень красивые. У дядюшки де Ла Бульри было несколько таких тарелок, которые стояли в шкафах без всякой пользы, в то время как сборщику подачей они весьма быгодились.

— Он неподражаем, твой дядюшка Ла Бульри, — говорил г-н де Гальбан, разрезая отбивную котлету. — Знаешь, он был недоволен, что я взял место сборщика подачей в Вайи. Он укорял меня за то, что я занялся взиманием «незаконных сборов» в крае, где моя семья играла когда то роль. И он стал на меня дуться. Но кузина — милейшая женщина, она это уладила... Если он воображает, что я сижу здесь ради своего удовольствия, он очень заблуждается! Но с меня довольно Парижа, министерства и всего того, что проходит мимо носа, когда не имеешь гроша за душой. Здесь, по крайней мере, я спокоен. Правда, на мне лежит контора, но если мне и тяжело отнимать гроши у отца Матье, зато мне весело забирать деньги этого дурака де Ла Виньерэ, когда он приходит вносить налоги. Хочешь еще котлету?.. Послушай, Жорж, в Риврэ такая же скука?

За завтраком Гюг де Гальбан убедился, что Жорж совсем не дурачок. Нельзя обладать тонким умом в шестнадцать лет, но он говорил просто и рассуждал правильно. Он рассказывал о школе не глупо, о своем провале на экзамене — без излишнего смущения, о некоторых прочтенных им книгах — так, словно их понял. По манере, с какой он поглядывал украдкой на молоденькую служанку, Гюг де Гальбан заключил, что он не слишком наивен.

От скуки сборщик податей занимался фотографией; он показал Жоржу свои фотографические принадлежности и альбомы. Жорж заметил на камине, в рамках под стеклом, портреты нескольких актрис, в том числе м-ль Полины из «Амбасадёр». Жорж застенчиво сказал, что у него есть такой же, и покраснел.

Г-н де Гальбан посмотрел на него с интересом. Жорж был белокур и невысок ростом, худощав и моложе своих лет. Вид его был полным контрастом внешности м-ль Полины, цветущей девушки, пышной, веселой, в туго обтягивающем грудь корсаже. Гюг де Гальбан вспомнил об одном возвращении с концерта под деревьями Елисейских Полей летом. Их познакомил один приятель. Нежные воспоминания встали перед ним. Он замурлыкал одну из ее песенок, имевшую успех у публики.

— Она славная девушка, — задумчиво промолвил Гюг де Гальбан.

И прибавил со смесью уважения и самодовольства:

— Она была тогда на содержании у барона Плантеля.

Жорж упомянул, что знаком с одним из сыновей барона Плантеля. Он довольно забавно рассказал о Максиме. Гюг де Гальбан развеселился.

• Время подвигалось. Они прошлись по Вайи и прогулялись по старому плацу. Пудель обнюхался с рыжей собакой, убежавшей, чтоб поднять ногу у дерева. Они сели на скамье, дожидаясь поезда. Пробило пять часов. Гюг де Гальбан помолчал минуту. Он чертил на песке круги своей тростью. Прошла молодая женщина. Когда она миновала их, ответив на поклон Гюга де Гальбана, он сказал Жоржу:

— Это г-жа Дюкараль, единственная красивая женщина в Вайи.

И прошептал:

— Она похожа на Маргариту д'Эскларак.

Он снова замолчал. С липовых деревьев аллеи упало несколько листьев. Они перегорели на солнце и были легкие, легче высушенных, точно сожженные. Он поднял один, упавший между ними на камень скамейки, и небрежно спросил Жоржа:

— Ты не знаешь, когда приезжает Маргарита д'Эсклараг? Я в прошлом году сделал с нее очень удачные снимки. Да, здесь положительно недостает моделей.

И он покрутил кончик темной бородки; затем добавил:

— Она очаровательна, Маргарита д'Эсклараг!.. Этот дурак де Ла Виньерэ сильно за ней ухаживал. Он воображает себя неотразимым, этот гусь!

И, продолжая дорогу, до самой станции Гюг де Гальбан описывал толстого Ла Виньерэ, его смешные стороны, его самомнение. Когда Жорж сажился в вагон, г-н де Гальбан сказал, пожимая ему руку:

— Навещай же меня... И потом, если г-жа д'Эсклараг приедет, дай мне знать...

Жорж улыбнулся.

— Ну, отлично. Ты шикарный малый... Передай привет матушке, кузену и кузине.

За обедом г-н де Ла Бульри выражал удивление, что поезда так редко сходят с рельс и что, хотя люди изобретают столько способов к самоуничтожению, они все-таки умудряются продолжать жить. Он ограничился напоминанием некоторых известных катастроф, подробности которых прочел в «Эхо Луары и Винсы».

Встав из за стола, он продолжал развивать ту же тему. Идя однажды к ранней обедне,

он увидел на повороте улицы Паруас и улицы Шантр возчика, раздавленного колесами его собственной телеги. Это было воспоминанием еще его молодости.

Пока г-н де Ла Бульри говорил, Жорж, сев под лампой, заполнял белый лист бумаги рисунками. Он обнаруживал некоторую склонность к рисованию. Его человечки выглядели не плохо. На листке четыре крылатых коня уносили на небо громадного и бородатого г-на де Ла Виньерэ.

— Да у него, милешки, есть талант! — сказала г-жа де Ла Бульри. — Отчего бы не отправить его порисовать немножко к м-ль Дюплан? Что ты на это скажешь, Огюст?

Г-н де Ла Бульри выразил одобрение:

— Рисованье — приятное искусство, и геральдические рисунки — весьма полезная вещь...

Г-н де Ла Бульри изображал с грехом пополам на бумаге гербы семейств, сложные родословные которых он составлял; но если он кое как еще справлялся с геометрическими фигурами на гербах, то фигуры зверей, их украшавшие, представляли для него великие затруднения. Гербы изобилуют изображениями львов и леопардов, не считая леопардообразных львов и львообразных леопардов. Там встречаются как реальные животные, например, овцы и олени, быки и рыбы, так и некоторые фантастические: грифы сплетаются

с гидрами и химерами. Порой попадаетея единорог. Эти действительные и сказочные животные не только украшают щит, но и поддерживают его, и даже появляются в нашлемнике. Те, что рисовал г-н де Ла Бульри, были, по правде сказать, понятны лишь ему одному. Он придавал им вид, весьма отдаленный как от естественного их образа, так и от того, который для них установило геральдическое искусство. Он сознавал бессилие своей руки и ощущал его особенно сильно, когда пытался изобразить полностью герб «своего дома». Ему еще удавались полосы, ромбы и бляхи, две наверху и одна в нижнем уголке; но он был беспомощен пред шлемом, венчающим щит и оплетающим его лентами, также как и перед двумя поддерживающими его гончими. Усилия его были тщетны, несмотря на то, что он не упускал случая каждый вечер, перед тем, как погрузить ложку в суп, посмотреть на серебряную ручку, где все это было выгравировано, чтобы лучше запомнить детали шлема и украшений герба Ле Бега де Ла Бульри.

IV

Курсы рисования м-ль Дюплан были очень в моде. М-ль Дюплан, поселившаяся в Риврэ лет пять тому назад, сняла там маленький домик в Междуречьи. Так называли в Риврэ нечто в роде островка, образуемого двумя рукавами Винсы, одним — довольно глубоким, другим — быстро бежавшим по камням вследствие запруды у мельницы, откуда слышался шум колес. Босоногие мальчишки, игравшие в каменистом и пересохшем русле Винсы, взбирались по откосу в сад м-ль Дюплан и воровали у нее фрукты. Из мастерской, где она работала, видно было, как они пробираются мокрыми ногами по песку аллеи для грабежа, в штанах, засученных до колен.

Эти мальчишки причиняли много забот м-ль Дюплан и приводили ее в отчаянье; они были; по ее мнению, единственным недостатком Риврэ. Ей хотелось бы видеть, как их ведут в тюрьму под конвоем. Она ополчалась против них сама вместо полиции; но когда

она появлялась, с палитрой на большом пальце, с углем или кистью в руках, они удирали с криком хищных птиц, кидая в нее землей или огрызками груш. М-ль Дюплан со стоном усаживалась вновь за свой мольберт и сетовала на недостаток уважения у шалунов к бывшей ученице Абея де Пюжоля. Тем не менее, вид м-ль Дюплан был довольно внушительный. Высокого роста, с большими ногами, выступавшими из под черного платья, и серьезным и мужественным лицом, она походила на тщательно выбритого мужчину. Она никогда не снимала шляпы, украшенной черной смородиной и прикрывавшей ее седые бандо, и никогда не изменяла ни ее фасона, ни отделки. Она не снимала ее во время еды и оставалась в ней, занимаясь живописью.

Она много работала, главным образом портреты. В Риврэ почти не было зажиточного дома, где бы ни красовалось в раме на стене произведения м-ль Дюплан. Все местные дамы позировали ей в мастерской. Она стремилась передать их точно, так как была старательна и добросовестна в своей работе.

За портретами м-ль Дюплан все единогласно признавали сходство, хотя и не слишком лестное, и каждый, ощущая разочарование при виде себя таким, каков он есть в действительности, мог утешаться мыслью, что

и другие испытывают то же самое. Каждый новый портрет м-ль Дюплан был в Риврэ событием, о котором говорилось недели три. Его приходили смотреть. Те, у кого был уже свой портрет, находили его в общем более удачным, а те, кто ждал еще очереди, думали, что они будут для художника моделью, которую он без сомнения передаст более выгодным образом.

М-ль Дюплан была нарасхват. Записывались заранее, уговаривались о сроке. Г-н Галибер де Форжэ закрепил за собой ноябрь месяц, когда м-ль Дюплан должна была начать портрет его второй жены. М-ль Дюплан, сверх того, должна была попытаться выполнить по фотографии портрет покойной первой. Г-н и г-жа де Ла Бульри также решили последовать общему примеру. Г-жа де Ла Бульри предоставила мужу первую очередь. Она несколько не торопилась оставить потомству свое красное лицо, толстый лиловый нос и седые локоны. Г-н де Ла Бульри не находил особенно необходимым доверять полотну свое длинное, склоненное лицо и очки, но он поддался желанию увидеть в углу картины нарисанный искусною рукой, увенчанный шлемом и нашлемником герб Ле Бега. Поэтому г-жа де Ла Бульри условилась с м-ль Дюплан, что она предпримет эту важную работу, как только покончит с обеими г-жами Галибер

де Форжэ, живой и покойной. Портрет г-на де Ла Бульри будет начат немедленно вслед за этим.

М-ль Дюплан писала лишь определенное число портретов в году, остальное же время посвящала церковной живописи. Замыслы ее картин были благочестивы, но выполнение далеко не передавало мысли. Старая девица не желала брать денег за свои религиозные произведения. Она жертвовала их в окрестные церкви. Эти разнообразные работы духовного и светского характера поглощали ее внимание, так что ее пришлось долго уговаривать прежде, чем удалось убедить открыть курсы рисования для девиц, в дополнение к курсам литературы м-ль Роллэ и курсам музыки м-ль Рюша. Теперь стало возможным давать девицам в Риврэ за доступную плату законченное образование, не хуже, чем какое они получали в монастыре Сакре-Кер в Валлене.

Когда Жорж явился, около двух часов дня, к м-ль Дюплан и позвонил у ее дверей, служанка провела его в гостиную. Главным убранством комнаты служили гравюры, красовавшиеся на зеленых обоях. Жорж узнал Станцы Рафаэля. Несколько масляных картин выступали из золоченых рам. Жорж, стоя посреди комнаты, рассматривал их, когда вошла м-ль Дюплан. Когда она делала реверанс, ее шляпа слегка качнулась на седой

голове. Как художница, она протянула руку молодому человеку: она подчеркивала свою простоту в обращении и соединяла с благопристойностью, свойственной ее полу и характеру, то, что считала артистическими манерами. Ее за это слегка порицали в Риврэ. Она носила золотое пенснэ.

— Вы явились во время, сударь: курс только что начинается. Но прежде, чем ввести вас в мастерскую, я желала бы знать, занимались ли вы до этого рисованием. Бабушка ваша говорила мне, что вы обнаруживаете способности, а ваш уважаемый дедушка сообщил мне, что, хотя вы и не обладаете техникой, но имеете склонность к рисованию.

Жорж ответил, что в училище Сен-Ксавье на рисованье не обращали особенного внимания, но что в свободные дни он очень любил ходить в Луврский музей. М-ль Дюплан выразила одобрение. Жорж прибавил, что в Сен-Ксавье учителем его был г-н Бурра.

— А не можете ли вы мне сказать, сударь, чьим учеником был г-н Бурра?

Жорж не знал этого. Он однажды видел на выставке несколько приятных небольших пейзажей г-на Бурра. Они висели высоко, далеко за бордюром. Он хорошо помнил один из них, изображавший берег реки и две старые ивы с растреснувшимися стволами и серебряными листьями.

М-ль Дюплан сделала гримасу. Она презирала пейзажи без строений и фигур, считая, что природа сама по себе не заслуживает изображения. По крайней мере она должна была служить фоном для действующих лиц. Так, портрет г-жи де Ла Виньерэ выступал на фоне Омонского парка. Поэтому она сказала Жоржу, скорее снисходя к его доброму желанию, нежели ожидая чего нибудь от его познаний:

— Пойдемте, сударь, посмотрим, чему научил вас г-н Бурра.

И повела его за собой в мастерскую.

Несколько молодых девушек были заняты рисованием и живописью. В передниках из небеленого полотна, они обернулись при появлении м-ль Дюплан и Жоржа Долонна. Он узнал м-ль де Перидон, умолившуюся на табурете. Поставив рядом с собой раскрытый ящик с акварельными красками и стакан с водой, которую ее кисть окрашивала в переливающиеся цвета, она выписывала на веере маленьких дам в стиле Людовика XV. Ей было лет шестнадцать, и она была недурна собой. Зачесанные кверху волосы открывали изящный затылок. Жорж посмотрел на нее; она слегка покраснела, и он вспыхнул. Три сестры Рагеньо, изумительно, до обидного похожие друг на друга, сидели за одним столом. Старшей было девятнадцать лет, самой младшей две

надцать; все три — коренастые и вульгарные. По близости от них помещались две особы, которых Жорж не знал; у одной лицо было усеяно веснушками. В глубине комнаты м-ль Юрто с отвращением чинила угольный карандаш. Она была полной, немного пухлой, вся круглая, как лицом, так и телосложением, с опущенными углами рта, надутого и плаксивого; хороший цвет лица был ее единственным украшением. Голова ее была убрана локонами, шея стянута розовой лентой.

— Скорей, скорей, девицы! Оставьте ваши летние работы; сегодня надо будет серьезно потрудиться, как если бы мы были в полном сборе. Вот г-н Жорж Долонн, представляю вам, — племянник г-на де Ла Бульри. Он учился в Париже у лучших мастеров. Каждая из вас должна показать, что она умеет!.. Это будет интересное испытание, девицы! Г-н Долонн, садитесь сюда. А вы, м-ль Алиса как дежурная, принесите Дискобола.

М-ль Алиса, старшая из сестер Рагеньо, направилась к шкафу. Полки были уставлены гипсовыми слепками. Улыбка пляшущего Фавна была рядом с героическим страданием раненой Амазонки. М-ль Рагеньо передвинула несколько моделей и вернулась, неся на руках гипсового человечка. Водруженный на скамью, он выставил свой мо-

гучий торс, нервные члены и спортивную, мужественную осанку.

Жорж Долонн сидел, положив на колени картон, с углем, карандашом и кусочком хлебного мякиша в руках. Четыре медные кнопки прикрепляли лист бумаги. Он принялся за работу не для того, чтоб показать свое искусство, но потому, что она его занимала. На нагого человека устремились все взоры. Жорж старался в точности передать его пропорции и движение, уловить его гибкие и крепкие линии. От времени до времени он поглядывал искоса на трех сестер Рагенъз. Они трудились, слегка высунув кончик языка. М-ль де Перидон рисовала грациозно, почесывая иногда кончик носа блестящим и гладким ногтем. М-ль Юрто беспрестанно чинила карандаш, никак не в силах будучи довести его до желаемой остроты, и кашляла, чтобы привлечь внимание Жоржа. Она наблюдала за ним исподлобья, жеманясь перед Дискоболом героическим, спортивным и равнодушным. Лишь трение хлебного мякиша о бумагу нарушало тишину. Слышалось глухое жужжанье мельницы, крики мальчишек, игравших в высохшем русле реки и голос м-ль Дюплан, поправлявшей чтонибудь в линиях или критиковавшей штриховку:

— Отлично, м-ль де Перидон!.. М-ль Рагенъз вторая, соедините же ногу с бедром... Грудная

клетка выходит хорошо, м-ль Юртро, но обратите внимание на таз!..

М-ль Дюплан остановилась позади Жоржа. Он увидал на своей бумаге тень от шляпы со смородиной. М-ль Дюплан поправила золотое пенсне и отошла, не сказав ничего. Около молодой особы с веснушками, которая была дочерью нотариуса г-на Маржи, она задержалась довольно долго. Ее Дискобол не обещал ничего хорошего. М-ль Дюплан подправила его чудовищную фигуру. Она присоединяла к своим указаниям афоризмы об искусстве и анекдоты из жизни знаменитых художников. Она рассказывала один случай из практики своего доброго учителя Абея де Пюжоля, как вдруг, прервав речь, бросилась к дверям мастерской.

Стеклянная дверь мастерской выходила в сад, и м-л Дюплан заметила мальчишек, забравшихся за ограду. Они яростно трясли сливовое дерево. Маленькие круглые сливы усеивали жесткую землю вокруг грядок. При виде м-ль Дюплан, воронки разлетелись, как воробьи. М-ль Дюплан размахивала по-среди аллеи руками, что делало ее похожей на пугало.

М-ль Юртро воспользовалась отсутствием м-ль Дюплан, чтоб попросить у Жоржа, с томным и надутым видом, немножко хлебного мякина. Жорж с удивлением заметил,

что вместо того, чтоб употребить его в дело, она опустила его в карман таким образом, чтоб обратить внимание Жоржа и, приподняв передник, показать находившееся под ним нарядное платье. Когда м-ль Дюплан вернулась, м-ль Юртро опять чинила свой угольный карандаш, а Жорж был прилежно занят классическим украшением, делавшим Дискобола в некотором роде виноградарем. Когда его рисунок был близок к окончанию, м-ль Дюплан снова появилась позади него. Она тихо подошла на своих войлочных подошвах. Старая девица сняла с носа золотое пенсне.

— Превосходно, г-н Долонн!

Он покраснел, а она прибавила:

— У г-на Долонна, девицы, есть большой талант к рисунку.

На другой день, после полудня, Жорж, сидя в своей комнате, писал письмо Максиму Плантелю, когда раздался звонок. Провинциальная жизнь развивает любопытство. Он высунулся из окошка и узнал шляпу с черной смородиной м-ль Дюплан. М-ль Дюплан, может быть, пришла, чтобы поздравить г-жу де Ла Бульри с прекрасными способностями ее внучатного племянника к рисованию... Мысль эта не была ему неприятна, и он замер на минуту, закинув голову и покусывая кончик ручки. Когда он дописывал письмо

к Максиму Плантелю, он услышал, как входная дверь захлопнулась; он опять подошел к окну. М-ль Дюплан прошла по Бычьей площади и скрылась на углу почты и улицы Шантр. Жорж запечатал конверт. У него еще оставалось время, чтоб пойти опустить его в почтовый ящик до выемки. Он шагал через две ступеньки по лестнице и сразу перескочил четыре последних. Проходя мимо дверей гостиной, он услышал голоса, звучавшие громче обычного. Г-жа де Ла Бульри говорила с авиньонским акцентом.

Она большими шагами ходила по ковру, двигая креслами; ленты ее чепца развевались. Лицо, всегда красное, сейчас было багровым. Г-жа Долонн, сидя на диване, вязала нитяные квадратики и тихо пожимала плечами.

— Ну, милый мой, — сказала г-жа де Ла Бульри вошедшему Жоржу, — вот и конец твоим урокам рисованья!..

Допущение Жоржа на курсы м-ль Дюплан явилось событием. Если г-жа де Перидон, также как и г-жа Рагеньо, не нашли в этом ничего предосудительного, то не так отнеслась к делу г-жа Юртро. Когда дочь, вернувшись из студии, сообщила ей, что рисовала Дискобола в обществе шестнадцатилетнего молодого человека, она содрогнулась от негодования. Как могла столь осторожная и серьезная особа, как м-ль Дюплан, допустить такое непри-

личие! Хотя г-н Жорж Долонн и был племянником г-на де Ла Бульри, он все же оставался молодым человеком, как и все другие. Теперь времена не те! Эти дворяне переходят все границы и заслуживают урока: они его и получают. Как смеют они навязывать девушке компрометирующее ее общество! Материнское сердце г-жи Юрто возмущалось. Для выражения ее мещанской ненависти к Ла Бульри нашелся предлог. Г-жа Юрто была тем более непримирима, что в прежнее время ходили сплетни о ней и о г-не д'Оброше, и болтали, что дочь ее некоторыми чертами похожа на г-на Галибера де Форжэ. Овдовев, он, говорили, нашел утешение в обществе г-жи Юрто. Поэтому на другой же день утром, когда м-ль Дюплан занималась исследованием размеров опустошения, произведенного мальчишками среди ее слив, она увидела перед собой г-жу Юрто. Она приняла ее весьма любезно. Она думала, что г-жа Юрто пришла поторопить ее относительно панно с изображением охоты, которое г-н Юрто заказал ей для столовой. Ему хотелось иметь подобное тем, какие были у графа д'Оброша. Это не было жанром м-ль Дюплан, но г-н Юрто настаивал и предложил хорошую цену. М-ль Дюплан не посмела раздражать г-жу Юрто, особу злую и мстительную, и г-на Юрто, мэра Риврэ и генерального советника,

обещавшего выхлопотать ей академические знаки отличия. Поэтому м-ль Дюплан совсем растерялась от строгого выговора г-жи Юрто. Г-жа Юрто была тверда и решительна. Она не сердилась нисколько; но она заявила, что дочь ее не появится на курсах, пока пребывание там молодого человека — притом еще из Парижа! — будет делать невозможным присутствие молодой девушки. Уважающие себя родители не могут потерпеть такого двусмысленного положения. Г-жа Юрто прибавила, что взяла на себя почин в этом неприятном деле, но что она твердо рассчитывает убедить г-жу Маржи и г-жу Рагенье стать на такую же точку зрения. Все остальные матери в Риврэ согласятся с нею, и когда г-н Долонн уедет, м-ль Дюплан увидит, при возобновлении осенних занятий, насколько выиграли ее курсы в общем уважении. В конце концов она совсем не собиралась давать советов м-ль Дюплан, но ей казалось, что единственным средством покончить с этим прискорбным неприличием было — уведомить г-на и г-жу де Ла Бульри, чтоб они сооблаговолили впредь держать при себе своего племянника, который, кстати сказать, провалился на экзамене, так что ему лучше было бы готовиться к переэкзаменовке, а не лезть туда, где ему вовсе не место... И г-жа Юрто с достоинством удалилась, не желая выслушивать

оправданий и отчаянных извинений м-ль Дюплан.

Рука м-ль Дюплан дрожала, когда она звонила среди дня к г-ну де Ла Бульри. Она была многим обязана г-ну и г-же де Ла Бульри, проявившим к ней большую доброту, когда она переселилась в Риврэ, и она хотела бы избавить их от неприятности; но фиолетовая ленточка, обещанная г-ном Юрто, затмевала все в ее глазах.

При первых словах м-ль Дюплан, г-жа де Ла Бульри привскочила. Как, к Жоржу, к этому ребенку, такому тихому, такому воспитанному, такому милому, имевшему вид девочки, несмотря на свои шестнадцать лет, — к нему отнеслись, как к волку в овчарне!

— Но ведь он ребенок, м-ль Дюплан! Говорю вам, ребенок!.. Он никогда не думал ни о чем плохом. Если б вы видели его утром, в кровати, в ночной рубашке...

— Но, тетюшка, мы же не можем посылать его в таком костюме на курсы м-ль Дюплан, — прервала ее, улыбаясь, г-жа Долонн — Жоржу, каков бы он ни был, все же, тетюшка, шестнадцать лет; он гимназист, почти бакалавр. Да вы не огорчайтесь, м-ль Дюплан. Все это нисколько нас не задевает. К тому же, не лишнее ему и поработать немного для экзамена... Не принимайте этого так близко к сердцу, милая тетюшка!

Г-жа де Ла Бульри успокоилась не прежде, чем высказала м-ль Дюплан на авиньонском наречии свое мнение о поступке г-жи Юртро. Эти Юртро, такое ничтожество, позволяют себе диктовать законы в Риврэ! И старая венессенская кровь рода д'Эскларагов багровыми волнами прилиwała к лицу добрейшей г-жи де Ла Бульри.

Жорж удовлетворился объяснением, данным ему в первую минуту:—м-ль Дюплан уезжает; но постепенно бабушка дала ему понять истинную причину, по которой уроки его были столь внезапно прерваны. Это слегка придало ему весу в собственных глазах.

Впрочем, если бы г-жа де Ла Бульри и не проговорила, он узнал бы все от Гюго де Гальбана. История г-жи Юртро и молодого Долонна ходила по Риврэ и дошла до Вайи. Г-жа Дюкараль рассказала о ней г-ну де Гальбану.

— Поздравляю, Жорж! Все еще неизвестно, когда приезжает Маргарита д'Эсклараг?... Прощай, дорогой мой!..

Это «дорогой мой» приятно прозвучало в ушах Жоржа.

Вечером г-н де Ла Бульри, проживший весь день в XV веке, среди грамот рода д'Оброшей, спустился к обеду с письмом в руке.

— Маргарита д'Эсклараг приезжает завтра,—сказал он, кладя конверт на стол. И прибавил

со вздохом, словно предвидя несчастные случаи:

— Если она доедет...

Затем, опустив ложку в суп, он умолк. Кончив, он выпил стакан воды, подкрашенной вином, с таким видом, словно думал о пословице, гласящей, что от губ до стакана достаточно места для несчастья.

Г-н де Ла Бульри опасался путешествий; и в самом деле, путешествия у Маргариты д'Эсклараг обычно сопровождались бедами. Во Флоренции она потеряла мужа, Бертрана д'Эскларага, толстяка с большим животом, живого, остроумного, с лицом красным, как у всех д'Эскларагов, которому вывезенное из Америки кругленькое состояньице дало возможность в пятьдесят лет жениться на хорошенькой двадцатидвухлетней Маргарите Ле Февр. Лишенная средств, она согласилась, без любви и без сожалений, стать г-жей д'Эсклараг. Веселый и добродушный нрав толстяка Бертрана привлекал ее. Он же был без ума от нее, от ее молодости и красоты. Тотчас же после свадьбы он пожелал представить жену своей старой кузине де Ла Бульри. Эсклараги провели несколько дней в Риврэ, проездом из Голландии в Италию. Г-ну д'Эскларагу нравилась такая кочевая жизнь: у него был предлог не отходить от

жены ни на шаг, не становясь смешным для самого себя. Г-жа де Ла Бульри была очарована новой родственницей; равным образом и г-н де Ла Бульри. Г-н д'Эсклараг досыта наслушался поздравительных комплиментов; его широкое лицо багровело от удовольствия. Г-жа д'Эсклараг также сохранила самое приятное воспоминание о славных стариках в Риврэ и писала им довольно аккуратно. Письма эти, со штемпелем из Венеции, Флоренции, Рима, Палермо, вызывали размышления г-на де Ла Бульри, не понимавшего, как можно было добровольно вверять свою жизнь игре путевых происшествий, случайностям железной дороги и гостиниц, опасностям совершенно незнакомого климата, когда и так уж достаточно трудно и в привычных местах предохранить себя от всяких невзгод.

Г-ну и г-же д'Эсклараг нравился такой род жизни. Второй год их супружества приближался к концу, когда они проводили осень во Флоренции; и вот однажды, выходя из одной ювелирной лавочки на Понте Веккьо, г-н д'Эсклараг вдруг тяжело опустился на мостовую. Его перенесли в гостиницу на Лунгарно, где он остановился, и он не долго прожил после поразившего его апоплексического удара.

Молодая вдова уехала к матери, г-же Ле Февр, в Версаль. Г-н д'Эсклараг щедро обеспечил ее существование, как она сообщила

кузине Ла Бульри, убеждавшей ее приехать к ним в Риврэ. Но состояние здоровья г-жи Ле Февр требовало присутствия дочери. И только на второй год вдовства Маргарита смогла приехать в Риврэ. Г-н де Ла Бульри считал необходимым выразить ей церемонные соболезнования по поводу понесенной ею утраты. Г-жа д'Эсклараг их приняла, но в ответе своем не преувеличила тяжести испытываемого ею горя; оно было искренним, но не чрезмерным. Бертран д'Эсклараг был добр к ней, и она вспоминала о нем с надлежащим чувством, но она была молода, и веселость вернулась к ней скоро.

На следующий день Жорж пошел отправить письмо Гюгу де Гальбану. Спускаясь с лестницы, он увидел через раскрытую дверь комнату, предназначенную г-же д'Эсклараг. Жанна, молоденькая горничная, была занята уборкой. Выметенная пыль серой кучкой лежала на пороге. Жорж заметил кровать красного дерева, украшенную четырьмя шишками из золоченой бронзы. Полог серого кретона в красных цветах поддерживался стрелой. Тюфяки вздували свой холст в клетку синюю с белым. В ногах кровати были аккуратно сложены простыни, приготовленные чтобы застелить. В изголовьи, подушка, наполовину вдетая в наволочку, казалось, мягко

сопротивлялась. Жорж осмелился робко, бегло взглянуть на эти предметы и покраснел при мысли, что молодая женщина будет спать здесь под одной кровлей с ним. Среди фотографий Гюга де Гальбана ему припомнилась одна, изображавшая, несомненно, г-жу д'Эсклараг. Она была высокого роста, с гибкой талией, овальным лицом, красивыми глазами и улыбающимся ртом. Между двух прядей темных волос приоткрывался лоб. Вид у нее был добрый, ласковый и смелый.

После завтрака Жорж объявил, что намерен совершить длинную прогулку: он пройдет Платановой аллеей до моста через Винсу и вернется вдоль канала. На это г-н де Ла Бульри заметил, что не особенно полезно для здоровья ходить возле стоячей воды, что шаланды поднимают тину, что в этих пловучих домах часто бывают дети, больные корью или скарлатиной, что, кроме того, будет, вероятно, дождь, так как при такой ненадежной погоде, как сегодня, гораздо больше вероятия, что она испортится, чем прояснится.

И заключил заявлением:

— Вместо этого, Жорж, тебе следовало бы пойти встретить г-жу д'Эсклараг на вокзале.

Жорж, боявшийся этой просьбы и придумавший всю свою прогулку только для того, чтобы избежать такого поручения, изобразил полное отчаяние:

— Но, ведь, я не знаю ее в лицо, дедушка!

Г-н де Ла Бульри был, казалось, побежден; но г-жа де Ла Бульри принялась смеяться:

— Милый мой Жорж, ошибиться невозможно: сюда никто не приезжает пятичасовым поездом.

Тетушка Ла Бульри говорила по наслышке. Она уже несколько лет не была на вокзале. Г-н де Ла Бульри, никогда не выходивший из дому, не любил, чтоб и жена его отлучалась. Ей приходилось постоянно подниматься наверх узнавать, не нужно ли ему чегонибудь, относить ему чашку бульона или фруктов. От такой сидячей жизни пурпур лица г-жи де Ла Бульри становился ярче, так как она была от природы полнокровной и страдала приливами крови. Она продолжала:

— Если тебе не хочется, Жорж, не ходи. Маргарита знает Риврэ. Я велю сказать Жану из Голубого Льва, чтоб он позаботился о ее багаже... И, кроме того, особа, путешествовавшая по Италии, здесь не растеряется. Я очень довольна, что Маргарита приезжает. Я уверена, Генриэта, что вы сойдетесь!..

Г-жа д'Эсклараг несколько раз приезжала из Версаля повидаться с г-жей Долонн, питавшей искреннюю симпатию к молодой женщине. Г-жа Долонн подставила Жоржу, поднявшемуся, чтоб идти, щеку для поцелуя.

— А меня, бездельник?

И тетушка Ла Бульри также кокетливо подставила племяннику свою широкую багровую щеку.

Без двадцати пять Жорж был на вокзале. Невольно для самого себя, он сократил прогулку. Он отдохнул минутку на Пон-де-Венс, на берегу канала. Вода тянулась, ровная и гладкая, между двумя рядами деревьев. Небо было серым. Жорж долго смотрел на него и убедился, что скоро пойдет дождь. Ему даже показалось, что на руку ему капнуло. Он избрал кратчайшую дорогу. Часы на башне Сен-Жан, высившейся над крайними домами Риврэ, показывали половину пятого; он направился к вокзалу.

Никто не появлялся еще у запертой кассы. В багажном отделении на весах покоился сундук, оставленный на волю судьбы, подле ведерка с клейстером. Газетчицы еще не было, и деревянные ставни ее ларька были закрыты. Жорж прошел в зал первого класса и посмотрел в стеклянную дверь. Маневрировал блуждающий локомотив. Служащий перешел через рельсы. Жорж покинул зал. Выйдя наружу, он открыл калитку, ведущую в маленький садик. Он был чистенький и убогий, с зеленой скамьей и крошечным фонтаном. Несколько шток-роз поднимало цветущие стержни. Телеграфный столб свешивал свои фарфоровые ландышевые гроздья. Локомотив

все еще маневрировал, запыхавшийся, словно бродя ошупью, затем пронзительно свистнул и исчез.

Приближалось время прихода поезда. Первым появился омнибус Голубого Льва. Его кучер должен был позаботиться о багаже г-жи д'Эсклараг. Зазвенел электрический звонок. Служащий покатиł тележку, нагруженную качающимися сундуками. Начальник станции снял белую фуражку и почесал голову. Люди задвигались взад и вперед. Толстый человек, с сумкой через плечо, заволновался, застегивая брюки.

Когда поезд был разделен на двое, чтобы дать проход пассажирам, сходявшим с него, Жорж Долонн попытался угадать среди прибывших г-жу д'Эсклараг. Какая то толстая дама расталкивала трех мужчин, из которых один смеялся; прошли крестьяне, затем несколько женщин, далее Жан, кучер Голубого Льва, несший дорожный несессер, и вслед за ним молодая женщина в плаще от пыли. Это была она. Она показалась ему выше, чем он себе представлял, но он совсем не мог разглядеть ее лица под густой белой тюлевой вуалеткой. Жорж видел, как она отдала рукой в перчатке билет контролеру. Носильщик покатиł свою тележку. На ней колыхался высокий кожаный сундук с пинциалами г-жи д'Эсклараг. Жорж вернулся в садик и сел на зеленую скамью,

чтоб переждать отъезд омнибуса Голубого Льва.

Когда он встал, чтоб идти домой, небо прояснилось. Серые облака нежно розовели. Воздух был теплым и мягким. Жорж купил на вокзале газету. Среди выставленных книг последний роман Золя выделялся своей компактной массой под желтой обложкой. Он не решился купить этот толстый том. Что подумала бы продавщица о внушительном племяннике г-на де Ла Бульри? Ему казалось, что в Риврэ, где он никого не знал, его знают все. Уже не раз с ним раскланивались на улице, при чем он не знал, кому обязан этой вежливостью. Он раздумывал над этим обстоятельством, идя по бульвару от вокзала. Бульвар был засажен небольшими деревцами и лишь наполовину закончен. На тротуаре каменщики лопатой мешали известь. Проехала тележка с телянком. Дети играли в бабки. Жорж постоял, облокотившись о перила сперва одного, потом другого моста над Винсой. Под первым река, почти высохшая, обнаруживала каменистое русло; под вторым бежала вода, ленивая и зеленоватая. Длинная волокнистая трава медленно колыхалась в ней. Омнибус уже стоял перед гостиницей Голубого Льва: г-жа д'Эсклараг была дома. При мысли увидеть ее, Жорж смутился. Теперь она сняла плащ и вуаль. Он знал по фотографиям Гюга

де Гальбана, что у нее красивые глаза. Она протянет ему руку. Он посмотрел на свои: они показались ему чистыми, но в пыли.

Вместо того, чтобы пройти Бычьей площадью, Жорж вернулся переулком. Несмотря на приказания г-на де Ла Бульри, служанки закрывали садовую калитку только на щеколду. Жорж проскользнул в дом, поднялся по лестнице и вошел в свою комнату. Было десять минут седьмого; у него оставалось еще время, чтобы слегка заняться туалетом. Он перешил ботинки, повязал другой галстук и старательно вычистил щеточкой ногти.

Мать и тетка были одни в гостиной. Жорж сел между ними.

— Разве г-жа д'Эскларак не приехала? — лицемерно спросил он.

Г-жа д'Эскларак очень устала и прилегла. Он испытал некоторое облегчение и некоторое разочарование. За столом дядюшка Ла Бульри откладывал от каждого блюда долю отсутствующей. После обеда он незаметно исчез. У него был нелегкий день. Он с большим трудом проследил и установил по документам родство, соединявшее Жана д'Оброша, главного стольника короля Карла VII, с Люком д'Оброшем, сеньером Ренсэ. Поэтому он чувствовал потребность пораньше лечь спать.

Вечер прошел в молчании. Г-жа Долонн была грустна. Вот уже несколько дней, как

она не получала писем от мужа. Жорж прочел в газете, купленной на вокзале, что отец его в Руайя участвовал в garden party, устроенной графиней Катович в парке Гранд-Отеля.

Г-жа де Ла Бульри подымалась наверх навестить г-жу д'Эскларак.

— Ну что, тетушка? Как она себя чувствует? — спросила г-жа Долонн.

Доброе красное лицо г-жи де Ла Бульри озарилось, как будто его осветили изнутри.

— Спит, бедняжка! Ах, дорогая, я бы хотела, чтоб ты на нее посмотрела! Сон застиг ее врасплох, с большим персиком в руке, и она рассыпала сахар на простыню... Она проснется завтра совсем засахаренная...

И г-жа де Ла Бульри, облизав синеватые губы, закатилась добрым смехом, сотрясавшим серпеевые ленты ее чепца и заставлявшим дрожать седые локоны.

Вязанье г-жи де Ла Бульри и г-жи Долонн лежало на маленьком столике. Ножницы раскрывали свой острый клюв. Жорж, войдя в гостиную, ощутил непривычный запах. В вазах не было цветов, и все же воздух был пропитан легким и тонким благоуханием фиалок, каким то неожиданным и нежным ароматом, который висевшие в рамах Ле Бега и де Ла Бульри, казалось, вдыхали недоверчиво под

своими парламентскими париками, тогда как у галантного кавалера де Лесторэ на раскрашенной кости миниатюры чувственно расширялись ноздри от удовольствия.

Жорж, найдя гостиную пустой, подумал, что все отправились в сад. Единственная его аллея шла вокруг лужайки, украшенной тремя клумбами, одной с петуньей, другой с вербеной и третьей с индийской гвоздикой. В углу ютилась скамейка под старым орехом. Дикий виноград покрывал стену. Г и де Ла Бульри и г-жа Долони сидели на скамье.

— А вот и Жорж! — вскричала г-жа де Ла Бульри.

При этом имени молодая женщина, беседовавшая с ней, обернулась, и Жорж увидел улыбавшееся ему лицо. Карие глаза смотрели весело, рот был грациозен, лицо было полное и нежное. Г-жа д'Эсклараг не разделяла больше волос пробором, как на фотографии у Гюга де Гальбана. Она делала высокую прическу. Ее волосы, свернутые узлом под соломенной шляпой, завивались на лбу и открывали затылок. Белое полотняное платье делало ее юной и свежей. Она стояла, гибкая и стройная, на знойном солнце, заставлявшем багроветь щеки г-жи де Ла Бульри и переливаться стекла очков на носу г-на де Ла Бульри. Жорж не ощущал больше никакой робости. За завтраком г-жа д'Эсклараг ела с аппетитом.

Она совсем оправилась от вчерашней усталости. Передавая Жоржу вазу с фруктами, она сказала ему:

— Возьмите, г-н Жорж!

Г-жа де Ла Бульри принялась смеяться;

— Надеюсь, Маргарита, ты не станешь называть его «господином»!

— Возьмите, Жорж! — повторила г-жа д'Эсклараг, улыбаясь.

Жорж поставил вазу и начал есть сливу. Она была круглая, золотистая, спелая и восхитительного вкуса. Он чувствовал себя счастливым, сам не зная почему.

Г-жа д'Эсклараг была, казалось, очень рада видеть Гюга де Гальбана, явившегося к Ла Бульри среди дня. Он приехал в Риврэ по делам, — так заявил он. Г-жа де Ла Бульри, повидимому, вполне этому поверила. Он и г-жа д'Эсклараг дружески шутили. Они охотно поддразнивали друг друга. Гюг де Гальбан позаботился о своем туалете. Его острая бородка была только что подстрижена. Он обещал г-же д'Эсклараг показать росписные тарелки: он собрал для нее очень интересные.

Через два дня Гюг де Гальбан привез свою размазанную посуду. Он разложил ее на столе в столовой. Г-жа д'Эсклараг и он стали рассматривать одну вещь за другой. Дверь

в гостиную была открыта. Г-жа Долонн позвала Жоржа, чтобы сказать ему что то Когда он принес пожницы, забытые матерью в ее комнате, он заметил, что г-жа д'Эсклараг и г-н де Гальбан держали в руках все те же самые тарелки. Та, что была у г-на де Гальбана, была белая с голубым рисунком; на той, что была у г-жи д'Эсклараг, были изображены фрукты аппетитных, бесхитростных оттенков.

— Но, бедная моя Маргарита, — говорила г-жа де Ла Бульри, — ты, однакож, не можешь проводить целые дни, глядя, как мы с Генриэтой вяжем... Нам это подходит, потому что я — старуха, а она хочет посидеть спокойно эти два месяца каникул, так как у нее достаточно случаев поразмять ноги в Париже. Но тебе то непременно следует выходить на воздух; с тех пор, как ты здесь, ты носа на улицу не показала!

— Тем лучше, тетушка: я пополнею!

Жорж, рассеянно перелистывавший книгу, озаглавленную «Библейские женщины», поднял глаза и перестал разглядывать гравюры на меди, изображавшие Юдифь, Руфь, Эсфирь и Ревекку, чтобы посмотреть на г-жу д'Эсклараг. Ему казалось, что ей нет никакой надобности полнеть и что она и так очень хороша. Ее грудь плотно обтягивалась материей кор-

сажа, короткие рукава которого открывали кисть и часть руки. Он находил ее очаровательной. Поэтому он ощутил некоторое волнение, когда г-жа де Ла Бульри прибавила:

— Жорж, предложи ка Маргарите пройти. Ты хорошо знаешь дороги, а по берегам Винсы и вдоль канала есть красивые местечки!

— Но Жоржу будет скучно! — насмешливо сказала г-жа д'Эсклараг. — Молодые люди предпочитают гулять в одиночестве.

Жорж поспешно захлопнул «Библейских женщин».

— Вы видите, что это ему вовсе не неприятно! — отвечала г-жа Долонн. — Опусть в почтовый ящик это письмо отцу, пока г-жа д'Эсклараг наденет шляпу!

Когда Жорж вернулся, г-жа д'Эсклараг была готова к выходу. Она застегивала серую перчатку на своей нежной руке. В передней Жорж отыскал свою трость. На улице солнце сильно грело. Г-жа д'Эсклараг раскрыла зонтик, сделала несколько шагов и остановилась.

— Куда же мы пойдем?

— Не хотите ли пройтись Платановой аллеей и подняться в Вильвю?

Отложив крючок для того, чтоб спуститься в кабинет г-ну де Ла Бульри полагающийся

ему в четыре часа бульон, г-жа де Ла Бульри сказала г-же Долонн:

— Может быть, найдут странным, что Маргарита разгуливает по дорогам вдвоем с Жоржем. Незачем говорить об этом дяде. Ты знаешь, он очень строг. Он и так уж говорил в прошлом году, что Гюг де Гальбан слишком часто приезжал к нам, пока Маргарита была здесь. Правду сказать, она держалась с ним вполне прилично; но она еще очень молода... Я бы так хотела, чтоб она снова вышла замуж, бедняжка Маргарита!..

— Да, но в этом отношении, тетюшка, нельзя рассчитывать на Жоржа! — сказала г-жа Долонн. — Он даже еще не бакалавр!

И прибавила:

— Я боюсь, что он не станет им и в ноябре. Он не притрагивался к книгам с тех пор, как здесь. Впрочем, я отлично знаю, что он обязан неудачей только своей застенчивости!

Платановая аллея, ведущая к Пон-де-Венс, раздваивается в одном километре от Риврэ. Новая дорога идет в обход холма, по которому старая карабкается довольно крутым и неровным подъемом, в конце которого открывается очень красивый вид.

Чтоб дойти от Бычьей площади до Платановой аллеи, надо пересечь часть Риврэ.

Маргарита и Жорж шли рядом по тротуару улицы Шантр, затем повернули на Большую улицу. Там находятся самые красивые дома и магазины в городе. Маргарита поглядела на выставленные в витрине ювелира Рибера часы, будильники и кой-какие мелкие драгоценности. За стеклом был виден г-н Рибер над часовым станком, с большой луной в глазу. Он поднял голову; его свободный глаз метнул недобрый взгляд. Они удалились. На пороге домов женщины образовывали болтливые группы, замолкавшие при приближении гуляющих. Жорж почувствовал зарез и смущение и гордость. Ему хотелось поскорей выбраться за город.

За домом г-на де Ла Виньерэ начинались платаны. Аллея их уходила вдаль, прямая и величественная. Прекрасные деревья с чешуйчатыми стволами соединяли ветви и сливали листву в один зеленый, слегка шевелящийся свод. Собака с лаем набросилась на г-жу д'Эсклараг. Жорж отогнал ее, вертя тростью. Они посторонились, чтоб пропустить экипаж. Это была старая коляска Голубого Льва. Г-жа Юрто нанимала ее иногда, чтоб отдать визит Галиберу де Форжэ. Г-жа Юрто поклонилась г-же д'Эсклараг. Жорж приподнял шляпу.

— Глядите, вот ваш враг, Жорж!

Г-жа д'Эсклараг знала историю с курсами рисования. Жорж не был этим недоволен

и отвечал шуткой по поводу шляпы со смоудиной м-ль Дюплан.

Старая дорога была крутой, каменистой и плохо содержалась; но с вершины холма там открывается вид на Риврэ, с его двумя мостами, двойной речкой, аллеей, домами, церковной колокольней, башней Сен-Жан, полянами и возделанными вокруг холмами... Г-жа д'Эскларак остановилась, опершись на зонтик. Она немного запыхалась. Полотно корсажа трепетало. На затылке развившаяся прядь пристала к нескольким капелькам пота.

— Отсюда действительно красиво, не правда ли, Жорж?

И она, стоя, показывала кончиком зонтика освещенный солнцем ландшафт.

— Вы любите путешествовать?

Он знал только Нормандию и Бретань; но после ноябрьского экзамена отец возьмет его, может быть, в Голландию. Г-жа д'Эскларак провела там первые недели своего замужества. Она стала вспоминать эту страну воды и зелени, — Дордрехт с его Маасом, отражающим красную церковь, с его крикливыми и суетливыми воронами; Гаагу, с ее внутренним озером, лесом с неровными стволами и дюнами, окаймляющими серое море; Амстердам, с его каналами, богатыми домами, узкими и раскрашенными...

Они пошли по тропинке, которая вела обратно в Ривра. Они проходили между живых изгородей, за которыми иногда слышалось кроткое мычание скота. Какое нибудь животное, идя вслед за ними, просовывало через перекладины забора блестящую морду и смотрело на них добрыми глазами, при чем выгнутые рога его образовывали на синем небе маленькую дугу. Луга были влажно-зеленого цвета. Солнце склонялось; г-жа д'Эс克拉г не раскрывала больше зонтика; она шла, вся пронизанная светом.

Она любила тепло и свет. Италия ее очаровала. Радужный воздух Венеции, сухой и прозрачный воздух Тосканы и Умбрии, воздух Рима, воздух Неаполя, воздух Палермо, — она рассказывала об особенностях каждого. Жорж слушал ее. Она примешивала к своему восторгу забавные замечания, умела описать красоту памятника и живописность костюма, статую или силуэт. Жорж забавлялся, представляя себе удивительных полицейских в итальянских городах; он искренне смеялся над веронскими, одетыми в какие то застегнутые сюртуки, с длинной тростью и в гигантских цилиндрах.

Они вернулись после шести. Гюг де Гальбан приезжал немного спустя после их ухода. Жорж ощутил еще заметное чувство удовольствия.

Несколько дней спустя, когда они снова пошли гулять вместе, г-жа д'Эсклараг сказала Жоржу небрежно:

— Не пройтись ли нам сегодня немного в сторону Вайи?

Дорога в Вайи — плоская и пыльная. Они шли с краю, по траве. Девочка пасла стадо гусей. Промелькнул велосипедист, который, снимая шляпу, выпустил руль и чуть было не упал. Его велосипед описал опасный зигзаг. Жорж узнал в нем г-на де Перидона. День был чрезвычайно жаркий.

— Далеко еще до перекрестка Альси? — спросила г-жа д'Эсклараг, наклоняясь, чтоб завязать шнурок ботинка. — Я туда ходила в прошлом году; я припоминаю прелестную поляну с большим орехом.

Когда они приближались к перекрестку, к ним подбежала собака. Это был черный пудель, тщательно остриженный, с браслетами шерсти на лапах и огненного цвета лентой, связывавшей баптом прядь шерсти надо лбом. Он прыгнул на Жоржа и хотел лизнуть ему руку; в то же время, из за изгороди, веселый и очень знакомый голос закричал:

— Стойте, не шевелитесь!

Г-жа д'Эсклараг и Жорж остановились, не шевелясь. Пудель улегся у их ног. Гюг де Гальбан, с фотографическим аппаратом в руках, шел по дороге им навстречу. Г-жа д'Эскла-

раг не проявила особенного удивления при виде его.

— А, это вы, дорогой г-н де Гальбан! Мы идем на перекресток Альси, посидеть на большой поляне под орехом.

Г-н де Гальбан нежно смотрел на г-жу д'Эсклараг. Она лукаво улыбалась. Он положил свой аппарат в кожаный футляр, падетый через плечо.

— У вас своеобразная манера взимать пошлины, дорогой г-н де Гальбан!

— Это пошлина на красоту, прекрасная дама, — галантно отвечал сборщик податей в Вайи.

Все трое расположились на траве. Она была нежной, мягкой и высокой. Дикая морковь поднимала там и сям свои белые зонтики, дрожавшие на стеблях, когда пудель задевал их пушистой спиной. Г-жа д'Эсклараг легко опустилась. Она скрестила руки на коленях. Из под края платья глядел кончик серого ботинка; она сняла со щиколки иглу чертополоха и тихонько сдунула ее в воздух. Зонтик лежал возле нее. Гюг де Гальбан взял его и стал играть гладкой ручкой слоновой кости. Небо было синее и безоблачное. Толстый орех бросал четкую тень. Бабочки летали, черный пудель гонялся за ними. Розовый язык собаки коснулся щеки Жоржа. Г-жа д'Эсклараг и Гюг де Гальбан смотрели

так, словно они имели что то сказать друг другу.

Пудель скакал и прыгал. Жорж бросил свою шляпу, которую собака принесла обратно; затем она убежала, делая широкие шалые круги. Жорж погнался за нею. Запыхавшись, он лег на спину в траву. Мушка пощекотала ему ухо. Он закрыл глаза.

Когда он открыл их, ни г-на де Гальбана, ни г-жи д'Эсклараг не было видно. Раскрытый зонтик заслонял их от его взора. Чтоб подойти к ним, он сделал круг. Пудель опередил его. Г-жа д'Эсклараг погладила счастливую спину рукой без перчатки.

Гюг де Гальбан проводил г-жу д'Эсклараг и Жоржа до первых домов Риврэ. Он был нервно настроен и теребил бородку. Г-жа д'Эсклараг перед тем, как войти в город, снова надела перчатку.

— Ну как, детки, хорошо погуляли? — спросила их г-жа де Ла Бульри, заканчивая шестьдесят второй квадратик вязаного покрывала.

Ни тот, ни другая не сказали про встречу с г-ном де Гальбаном.

Вечером, подымаясь наверх со свечами, все остановились у дверей комнаты Маргариты. Г-жа д'Эсклараг хотела дать г-же Долонн, жаловавшейся на невралгию, порошок антипирина. Три женщины вошли в комнату.

Жорж из скромности остался на пороге. Он видел приготовленный умывальник, горячую воду, от которой поднимался пар над кувшином, раскрытую постель, разложенную рубашку. Г-жа д'Эклараг рылась в ящике комода, долго не находя порошков.

— Да войдите же, Жорж, не стойте там!.. И куда я могла засунуть коробочку?.. Ах, вот она!

И Жорж смотрел на лицо г-жи д'Эклараг, освещенное огнем, рисовавшем на ее щеке нежную тень от ресниц.

V

Г-жа Долонн, г-жа д'Эскларак и Жорж заканчивали завтрак в гостинице Колокола, лучшей в Валлене, в высокой части города, недалеко от собора на площади Марнет. Она помещалась в старинном, минувшего века, доме, каких еще много в Валлене. Дом этот, выстроенный Рибальерами — родом, в наши дни угасшим, но некогда занимавшим в провинции почетное место, — стал теперь перепутьем, где всякий имел равно право быть принятым, согласно состоянию своего кошелька. Г-н де Ла Бумьри сокрушался об этом, никогда не упуская случая, если заходила речь о гостинице Колокола, напомнить о его происхождении и упадке, казавшемся ему доказательством превратности судьбы.

Эта поездка в Валлен была предпринята ради Жоржа. Ему нужен был репетитор для экзамена. Г-н Долонн, между двумя *garden parties*, написал жене из Руайя два слова по этому поводу. Г-жа Долонн обратилась тогда к Гюгу де Гальбану; он хорошо знал Валлен,

куда приезжал ежемесячно сдавать кассу в казначейство. Он сразу же заявил г-же Долонн, что у него есть в виду как раз нужный ей человек: один из его товарищей по училищу, преподаватель второго класса лицей, проживал во время каникул в Валлене, чтобы спокойно подготовить свою докторскую диссертацию; без сомнения, он не откажется дать несколько уроков молодому Долонну. Г-н Феррон, действительно, согласился. Условились с г-ном де Гальбаном встретиться в ближайшую субботу, приходившуюся на семнадцатое августа, чтобы отправиться вместе в Валлен. Г-жа д'Эсклараг попросила взять ее с собою. Она хотела купить себе в «Парижских Галереях» новый дождевой зонтик, вместо прежнего, порвавшегося. Было решено отправиться одиннадцатичасовым поездом, останавливавшимся в Вайи, где Гюг де Гальбан должен был к ним присоединиться.

Г-жа д'Эсклараг, подъезжая к Вайи, стала около окна. На маленькой станции никого не было. Электрический звонок безостановочно и старательно звонил около черной аспидной доски, где отмечают мелом движение поездов. Жандарм стоял в своих белых ремешках буйволовой кожи, похлопывая по желтой коже револьверного футляра. На тачке, через отверстия куриной клетки, просовывалось

несколько птичьих голов, любопытных и испуганных.

— Г-на де Гальбана нет, — сказала г-жа д'Эсклараг, снова садясь на скамейку.

— Не может быть!

И г-жа Долонн в свою очередь взглянула на пустынный тротуар, как вдруг Жорж воскликнул:

— Вот Франсина!

Хорошенькая служанка г-на де Гальбана подбежала к вагону. Она слегка растрепалась оттого, что бежала. Ей было жарко. Щеки ее блестели. Она принесла письмо. Г-н де Гальбан сообщал в нем адрес г-на Феррона и извинялся перед г-жей Долонн, что не может явиться: он ждал податных инспекторов.

Податной инспектор — ежегодная гроза для бедного сборщика. Опасное и таинственное лицо, он появляется без предуведомления. Становится известным, что он объезжает округ, но никто не знает в точности дня, когда он явится. Он — угроза и неожиданность. Это — неблагоприятный и неудобный посетитель. Он является, чтоб отыскать ошибки, чтоб установить неточности, чтоб обнаружить оплошности. Он разбирает, исследует и проверяет. Он выслеживает неправильности. Он — административное недоверие, иерархическая подозрительность. Иногда он бывает один, иногда их двое, и они друг пе-

ред другом стараются уличить свою жертву; ибо предубеждение всегда неблагоприятно для подчиненных.

Хотя причина, выставленная г-ном де Гальба-ном, являлась вполне основательной, г-жа Долонн все же была немного раздосадована. Что они будут делать без него? Придется заказывать завтрак в гостинице Колокола, в зале будут посетители, а дамам неудобно в общественном месте одним садиться за ресторанный стол. С ними, правда, Жорж, но ведь это ребенок. Конечно, он все же может уплатить по счету! Эти мелкие житейские обстоятельства затрудняли г-жу Долонн. В Париже она справлялась с ними довольно хорошо; но с тех пор, как приехала в Риврэ, она заразилась от г-на де Ла Бульри боязливостью по всякому поводу. К счастью, Маргарита была с нею, и г-жа Долонн с удовольствием видела спокойные и смелые глаза г-жи д'Эсклараг.

Г-жа д'Эсклараг, действительно, чувствовала себя вполне хорошо. Она чистила грушу. Ее ловкие пальцы осторожно снимали ножом гладкую и сочную кожу. Мясо плода обнажалось, влажное, пористое, восхитительно тающее. Г-жа Долонн не одна любовалась г-жей д'Эсклараг. Жорж не сводил с нее глаз и за соседним столом два завтракавших офицера бросали на нее сдержанные взгляды. Один поправлял монокль, другой крутил усы.

Они были молоды. Далее, английское семейство заливало чаем кровавый ростбиф. Лакей в эластичных башмаках служил с проворством. Стены столовой в гостинице Колокола сохранили старинную белую деревянную панель. В сторонке старичок, отражавшийся в зеркале, грыз зубочистку с легким сухим треском. Оба офицера поднялись с мест. Это были драгунские поручики. На воротнике у них был шифр девятого полка, того самого, где служил Фернанд Плантаель. Жорж вздрогнул и подумал о м-ль Эжени.

После приезда г-жи д'Эсклараг он забыл красивую любовницу поручика Плантаеля. Внезапно ему отчетливо представилась чолка белокурых волос, шляпа с цветами, кафэ Вашет, соломинки в большом стакане оранжада... В самом деле, ведь м-ль Эжени должна была быть в Валлене. Он мог встретиться с ней тут же, на углу улицы. Конечно, она не заговорила бы с ним, если бы и узнала его; но она могла позволить себе улыбку, какое нибудь тайное приветствие, которое г-жа д'Эсклараг заметит, без сомнения.

Эти мысли повергли Жоржа в задумчивость. Офицеры ушли. Старый господин чистил зубочисткой ногти. Г-жа д'Эсклараг смотрела в зеркало, отражавшее ее изящный и отдаленный облик. Г-жа Долонн, нахмутив брови, искала в кармане кошелек. Сейчас она думала

о неприятной необходимости идти к г-ну Феррону. Она повторяла себе его адрес. Учитель жил на улице Шапитр, в доме № 12. В конторе гостиницы им указали дорогу. Это было подле собора. Вышли. На терасе, под навесом, два господина пили кофе. Пахло шарлотрезом и сигарами. Отпряженные лошади омнибуса возвращались в конюшню, со сбруей на спине. Г-жа Долонн и г-жа д'Эсклараг шли вперед. Жорж следовал за ними, окончательно решив не замечать м-ль Эжени, даже если встретит ее лицом к лицу. Улицы старого города были узки. Та, по которой шли г-жа Долонн, г-жа д'Эсклараг и Жорж, извилисто вела к собору.

Он открылся внезапно на повороте, заполняя своей высокой резной массой всю ширину улицы. Он поднимался, сложный и благородный, поддерживаемый аркой портала и словно увечный, с обрубками двух неодинаковых и недостроенных башен, за которыми чувствовался хребет свода и крутой круп абсиды. Грузная спина уравнивала смелость отважно и остро взлетающей вверх стрелки. Выйдя на площадь, ширившуюся вокруг массы собора, Жорж узнал английское семейство, стоявшее группой с Бедекером в руках.

— Я подожду вас, пока вы сходите к г-ну Феррону, — сказала г-жа д'Эсклараг, закрывая зонтик.

Молодая женщина выделялась элегантным и светским силуэтом на фоне сумрака церкви, двери которой были широко открыты. Мальчишки играли в бабки на плоских плитах паперти.

— Но вам будет скучно!

— Нет, нет... Эта старая церковь красива, и в ней, вероятно, прохладно, — отвечала г-жа д'Эсклараг.

— Как хотите, дорогая моя, но если б вы пожелали пойти с нами к г-ну Феррону...

Жорж не сказал ничего, но он не огорчился тем, что г-жа д'Эсклараг не сопровождала их к учителю. Ему было бы неприятно выступать в глазах молодой женщины в роли гимназиста на каникулах и провалившегося бакалавра. Он чувствовал бы себя приниженным этим и снова как будто маленьким мальчиком. Поэтому он без сожаления смотрел, как г-жа д'Эсклараг исчезла в церковной тени, перешагнув через бабки мальчишек.

Жорж Долонн с матерью направились к улице Шапитр. Это была вторая улица направо от площади. Г-н Феррон жил там в старом доме. Лестница находилась в глубине двора, вымощенного острыми камнями. Она была сырой и темной, с красивыми железными перилами; выше первого этажа вели

крутые ступени с веревкой вдоль стены. На дверях, на площадке, была прибита визитная карточка: «Шарль Феррон, преподаватель лицей».

Г-жа Долонн позвонила. В ответ раздался голос:

— Войдите!

В глубине просторной комнаты с низким потолком и красным кафельным полом, у стола, заваленного книгами, спиной к дверям сидел мужчина. Все стены были в полках с книгами, большей частью не переплетенными. Мужчина обернулся. Г-жа Долонн увидела лысый лоб и черную бороду, из которой торчала толстая трубка. Г-н Феррон положил трубку на стол и поднялся к г-же Долонн.

Г-жа Долонн назвала себя. Г-н де Гальбан не мог сопровождать их. Когда г-жа Долонн и Жорж сели, она в кресло, он на один из соломенных стульев, освобожденный от лежавших на нем бумаг, они смогли лучше разглядеть г-на Феррона. Он был коренаст и мужествен, вид у него был независимый и добрый; говорил он протяжно и громко.

— Я охотно, сударыня, дам несколько уроков вашему сыну, хотя это, может быть, и не послужит ни к чему. Если он ничего не знает, я не смогу научить его в полтора месяца тому, что он должен бы знать. Все, что я могу сделать, это — помочь ему отдать

себе отчет в том, что он знает, и извлечь из этого пользу. Гальбан говорил мне о нем. Его неудача была простой случайностью.

— Значит, сударь, вы думаете, он может выдержать в ноябре?

Г-жа Долонн преисполнилась надежд... Уверенность г-на Феррона успокаивала ее и казалась добрым предзнаменованием.

Ноябрьский экзамен тревожил ее. Она не раз беседовала о нем с г-жей де Ла Бульри, повторявшей для ее успокоения, что г-н де Ла Бульри не был бакалавром и, однако же, это не мешало ему быть лучшим генеалогом Франции и самым уважаемым человеком в Риврэ; но такие рассуждения и подобный пример не убеждали г-жу Долонн в бесполезности степени бакалавра.

Жорж будет бакалавром в ноябре; г-н Феррон так сказал, а он понимает в этом деле. И г-жа Долонн посмотрела на многочисленные томы, украшавшие полки: сколько знаний требуется в наше время, какое счастье быть женщиной, и насколько было бы лучше всегда оставаться ребенком!... Тем временем, г-н Феррон условился с Жоржем, что уроки будут происходить два раза в неделю. Они выбрали понедельник и четверг. Поезд, выходящий из Риврэ в час дня, приходит в Вален около двух, а в пять есть обратный поезд в Риврэ.

Г-н Феррон проводил г-жу Долони и Жоржа до лестницы.

Г-жа д'Эсклараг ждала их на паперти собора, не взирая на солнце, нагревавшее плиты. Ей скоро надоели церковные капеллы, не содержавшие, вообще говоря, ничего любопытного. Тщетно сторож предлагал показать ей склеп. Она не двинулась дальше первых ступеней, не желая спускаться в подземелье с этой толстой церковной крысой, вертевшейся перед ней, с отвислыми щеками и любострастными глазками. С видом тюремщика позвякивал он связкой толстых ключей в кулаке. Поэтому она отказалась идти дальше, и он, ворча, потушил кусочек желтой восковой свечки, прилепленный к игровой карте. Затем этот добрый малый предложил ей подняться на вышку собора. Она отказалась и от этого и вернулась к дверям, откуда стала смотреть на игравших в бабки мальчишек. Г-жа Долони и Жорж застали ее заинтересованной партией в треугольник и концом закрытого зонтика указывавшей, куда целиться, сидевшим на корточках сорванцам.

Г-жа д'Эсклараг была того мнения, что следует пройти не спеша в «Парижские Галереи», затем в кондитерскую и в городской сад. Поезд уходил лишь в пять. «Парижские

Галлерей» находились в новой части города, на бульваре Гамбетты.

На фасаде большого дома в новом стиле золотыми буквами блестела вывеска. Сквозь зеркальные окна можно было видеть разнообразие выставки. В «Галлереях» продавалось решительно все. В Валлене не было места, где имелось бы больше шансов встретить м-ль Эжени. Жорж полагал, что особа такого рода должна была вести исключительный образ жизни, состоявший, без всякого сомнения, в питье оранжада через соломинку, посещениях магазинов и еще таких занятиях, над которыми ему не хотелось очень задумываться.

В «Парижских Галлереях» было мало народу. Приказчики дремали. Два кассира у главной кассы с перьями за ушами смотрели, как летают мухи. Платья устало висели на манекенах. Лениво тянулись наполовину развернутые ленты. Вытягивались утомленные перчатки. Стоял душный запах, изменявшийся соответственно прилавкам, мимо которых проходили. Здесь — кислый запах полотна, там — жирный запах шерсти, дальше — запах духов, составленный из различных ароматов и смешавшийся с острым запахом обуви.

Г-жа д'Эскларак колебалась перед множеством зонтиков, протягивавших ей разнообразные ручки. Тут были зонтики всех сортов: из едва

обточенного дерева и тщательно обработанные, грубые и бедные, некоторые — в виде безобразных кульяпок. Иные представляли собою животных, птиц, ящериц. Были ручки с клювами и крючками, другие — украшенные металлическими набалдашниками. Казалось, они готовы были кусать, лизать, схватить или ударить протягивавшуюся к ним руку. Г-жа д'Эсклараг остановилась на простом зонтике чистого шелка, с прямой ручкой, и заплатила за него восемнадцать франков. Кассир, который был потолще, записал покупку. Мопета звякнула на желобчатой медной дощечке. Управляющий в белом галстухе, на парижский лад, поклонился покупательницам, когда они выходили из магазина.

Г-жа д'Эсклараг снова заговорила о кондитерской. Лучшая кондитерская Валлена находилась в верхней части города, неподалеку от собора. Гюг де Гальбан хвалил ее вкусные прожжые. Но вместо того, чтоб подниматься в такую жару по крутым улицам старого Валлена, решили лучше подкрепиться у Кларвена, в новой части города, в конце бульвара Гамбетты, на площади городского сада. Дамы хотели сесть в омнибус. Он проехал, не останавливаясь на знак, сделанный Жоржем кондуктору. Это был низкий экипаж, запряженный одной лошадыю. На площадке было трое

военных. В Валлене, кроме 9-го драгунского полка, стояли еще артиллерийская бригада и армейский полк. По дороге повстречалось несколько офицеров. Они шли с досужим и воинственным видом. Жорж разговаривал с г-жей д'Эсклараг и нес ее дождевой зонтик. Г-жа Долонн шла немного позади.

Кондитерская Кларвена находилась против городского сада. Полосатая полотняная маркиза защищала ее от солнечного зноя. На мраморных стойках, на тарелках с зелеными ободками лежали пирожные. Сливочные, фруктовые, глазированные, обсыпанные сахаром, они имели хрупкий вид драгоценных и оберегаемых вещей под закрывавшей их кисеей. Г-жа Кларвен, за кассой, отдавала приказания маленькому поваренку. Жорж услышал, как она назвала фамилию полковника де Гайяка. Он командовал полком поручика Плантеля. Поваренок исчез, при чем звякнул колокольчик хлопнувшей дверью.

— Они недурны, — сказала г-жа д'Эсклараг.

Она сняла перчатки. Красивыми пальцами она слегка приподнимала край кисеи и пропускала внутрь проворную и колеблющуюся руку, которая в конце концов останавливалась на бесформенной позреватой бабе или на куске сочного торта. Она ела, прохаживаясь взад и вперед по помещению, рассматривая вазы с конфетами. Специальностью Кларвена

был засахаренный миндаль. Г-жа де Ла Бульри очень его любила. Г-жа д'Эсклараг велела приготовить пакетик его. Г-жа Долонн дала знак Жоржу, бросившемуся, чтобы заплатить, по крайней мере, хоть за пирожные, но г-жа Кларвен сказала ему с насмешливым видом:

— Уже уплачено, сударь!

— О, дорогая моя!.. — с упреком сказала г-жа Долонн.

Жорж вышел из кондитерской в ярости. Он держал еще в руке десятифранковую монету, которую вынул из жилетного кармана. Г-жа д'Эсклараг обращалась с ним, как с ребенком, словно ему было двенадцать лет, а между тем ему было уже шестнадцать. Это был именно тот возраст, когда с галантным кавалером де Лесторэ случилось приключение, о котором любил рассказывать г-н де Ла Бульри. Кавалер де Лесторэ в шестнадцать лет был мал ростом и носил военную форму, будучи уже целый год причислен к Анжуйскому кавалерийскому полку. И вот, случилось однажды, что отец послал его навестить престарелую родственницу, маркизу де Баренкур. Старая дама приняла его как нельзя лучше. Кавалер, очарованный ею, собирался уже уходить, когда услышал, как она зовет одну из своих камеристок и громко говорит ей: «А теперь, Туанон, пойдите и угостите господина офицера»... Жорж Долонн теперь лучше

понимал досаду и смущение кавалера де Лесторэ. Юноша в шестнадцать лет не ребенок уже, а мужчина. И Жорж подумал, что, случись война, он мог бы, в конце концов, записаться в армию. Он носил бы красные штаны, кивер или каску с гривой, как у Минервы, подобно Фернанду Плентелю, — и ему предстал образ белукурой Эжени, улыбавшейся ему из под чолки завитых волос.

В городском саду он, без сомнения, ее встретит. Она пройдет и поздоровается с ним взглядом. Г-жа Долонн, конечно, ничего не заметит, но это движение не ускользнет от г-жи д'Эсклараг. И она поймет, что неприлично оплачивать угощение молодых людей, знакомых с любовниками драгунских офицеров... Он не сомневался, что в особе Эжени было нечто, говорившее сразу о том, кто она такая... И он вызывающе посмотрел на г-жу д'Эсклараг, сидевшую перед ним рядом с г-жей Долонн.

Она слегка откинулась на спинку стула в грациозной позе, оперши ногу на перекладину другого стула, куда она положила оба зонтика, новый и старый, и пакетик с засахаренным миндалем. Подвижные солнечные пятна играли на ее платье и лице, так как легкий ветерок колыхал верхушки деревьев. От времени до времени г-жа д'Эсклараг делала забавные замечания по поводу прохожих.

Жорж охотно посмеялся бы, если б не был в дурном настроении; но хотя он и не смеялся, он все же любовался тонкой шиколкой молодой женщины, в сером ажурном чулке, в то время, как г-жа Долонн рассеянно глядела на листву, представляя ее себе уже желтеющей, как это будет в ноябре месяце, когда Жорж вернется из Сорбонны и сообщит ей, что он выдержал экзамен на бакалавра.

В четверг, когда Жорж должен был брать первый урок, он заблаговременно явился на вокзал. Поезд на Валлен еще не сигнализировал. В ожидании Жорж пошел погулять в садик. Там он мог на досуге обдумать наставления г-на де Ла Бульри. Они именно касались того, как надо держать себя на железной дороге. Согласно г-ну де Ла Бульри, прежде всего нужно стараться не попасть в купе, занятое одинокой дамой, так как много шансов на то, что она окажется ловко переодетым мужчиной, который в промежутке между двумя станциями схватит вас за горло, чтоб задушить, или, раньше, чем ограбить, усыпит вас посредством флакона с хлороформом и выбросит на дорогу. Общество двух мужчин, с виду незнакомых друг с другом, одинаково опасно: ничто не гарантирует, что они не сообщники в каком нибудь злом замысле. Конечно, на такой случай имеется звонок, вызывающий на помощь, но он редко бывает

в исправности... Так обстоит, более или менее, со всем тем, что люди изобрели для защиты своей друг от друга. Г-н де Ла Бульри питал мало доверия к жандармам и столь же мало к пожарным. Поэтому по вечерам он сам делал обход на случай воров и пожара, столь же блюди свою личную безопасность, сколь охраняя от огня драгоценные документы графа д'Оброша. Г-н де Ла Бульри простирает еще далее свое недоверие ко всему на свете, а к железным дорогам — в особенности; ибо, если там и можно остеречься от опасных встреч, то как можно защититься от другого рода несчастных случаев, которые могут произойти? Разве можно вполне положиться на сигналы, семафоры, стрелки, петарды, вообще на все то, к чему тщетно прибегают для избежания несчастий, слишком редких? Человеческая внимательность и осторожность ненадежны и ограничены, и случай любит посмеяться над самыми остроумными мерами; когда путешествуем, мы поистине находимся в руке божией, и только на одного бога можем уповать во всем том, что с нами может случиться.

Когда поезд подошел к вокзалу, Жорж Долонн, послушный повелениям г-на де Ла Бульри, стал искать купэ, которое было бы почти заполнено: когда рядом много людей, меньше рискуешь; но на линии Вален в это

утро было мало пассажиров. В одном купэ Жорж увидал роковую одинокую даму, описанную ему г-ном де Ла Бульри; в другом сидели двое мужчин, о которых он тоже говорил. Он сел в третье, пустое, и расположился в углу. Едва он занял место, как дверца отворилась и вошел г-н Юртро, а за ним г-н Рагеньо.

Г-н Юртро, как всегда в цилиндре, снял его и положил на сетку, обернув носовым платком. Затем он строго посмотрел на Жоржа: так вот каков этот молодой человек, появление которого на курсах м-ль Дюплан заставило взволноваться г-жу Юртро.. Г-н Юртро в последний раз поправил цилиндр на сетке и сел рядом с г-ном Рагеньо, который расстегивал сюртук и отирал лоб обратной стороной руки. У г-на Рагеньо были обильные волосы, густые и жесткие, начинавшиеся почти от самых глаз, и упрямый и озабоченный вид, как оно и подобало отцу трех дочерей на выданьи. В тот момент, когда поезд уже засвистел, появился г-н де Перидон. Он сдал в багаж свой велосипед, с которым никогда не расставался. Г-н де Перидон шага не делал в Риврэ иначе, как на велосипеде. Он оставлял машину у дверей лавок, в которые заходил, и у дверей домов, где бывал с визитами; часто даже просил позволения поставить ее в сенях. До велосипеда единственным развлечением г-на де Перидона

было набивание чучел. Его квартира, наполненная зверями всякого рода, была похожа на жилище баснописца. Там были собаки, волки, лисицы, кошки, птицы. Они загромождали все комнаты. Лестница охранялась кабаном и дикой свиньей, окруженными детенышами, а спал г-н де Перидон под ручными соколами, ястребами и кобчиками, висящими с потолка на распростертых крыльях. Но лучшей частью коллекции г-на де Перидона были крысы и лягушки. Они были представлены во всех положениях: сражались на дуэли, давали концерты, занимались стряпней. Рогар, мастер по набивке чучел в Валлене, придавал им любой вид согласно вкусам г-на де Перидона. Г-н де Перидон и сегодня вез, без сомнения, какие нибудь бранные останки, так как он положил на скамье возле себя тщательно увязанный пакет, распространявший своеобразный запах. Г-н де Перидон был маленький, худощавый человечек с двумя кисточками усов в виде крысиных хвостиков. Он курил короткую трубку... Закурив ее, он погрузился в задумчивое молчание, рассматривая своих спутников с таким видом, словно думал о том, как бы лучше понадевать из них чучел. Г-н Юртро и г-н Рагеньо обменивались до Вайи короткими фразами. Жорж посмотрел в окно; на платформе стоял г-н де Ла Виньеро.

Г-н де Ла Виньерэ был весь в сером: жакет, жилет, брюки, гетры и шляпа. Борода его, широко раскинутая по груди, была тоже сероватой. Г-н Юрто закричал:

— Слушайте, Ла Виньерэ, мы здесь!..

У г-на де Ла Виньерэ на видном месте за лентой цилиндра был заткнут билет первого класса, но ради удовольствия ехать вместе с этими господами он сел во второй.

Его присутствие всех оживило. Г-н де Ла Виньерэ был шумлив и сердечен. Он хлопал по плечу Жоржа и спросил у него, как поживают его мать и г-жа де Ла Бульри; вынул из кармана толстую сигару, предложил другие, потоньше, г-ну Юрто и г-ну Рагеньо, потрунил над г-ном де Перидоном по поводу его велосипеда и чучел и справился, не содержит ли пакет кусочка собственной его особы. Г-н де Перидон оставался невозмутим. У него была странная способность, когда с ним говорили о чучелах — думать о велосипеде, а когда говорили о велосипеде — думать о чучелах, и это придавало его физиономии что то нерешительное и неопределенное.

Поезд подошел к Вертёвр. Как Вайн служил остановкой для г-на де Ла Виньерэ, когда тот ездил в замок Омон, так Вертёвр был ближайшей станцией от Рюшет, где проживал летом г-н Юбер де Салиньи. Г-на де Салиньи

не оказалось на вокзале. Г-н де Ла Виньерэ пожалел об его отсутствии и, когда поезд тронулся, затягиваясь сигарой и наполняя вагон благовонным дымом, заявил:

— Надо сознаться, господа, сегодня мало удачный четверг!

Этот поезд в час дня по четвергам, которым ездили «эти господа», был знаменит в Риврэ и нередко давал пищу разговорам. Раз в неделю «эти господа» отправлялись по делам в Валлен. Привычка ездить в Валлен раз в неделю была в обычаях лучшего общества. Что они там, собственно говоря, делали? Тут то и начинались предположения; ибо никакие определенные дела их не призывали туда. Поэтому об этих еженедельных путешествиях говорилось с небольшим смешком. Зимой и весной бывали прекрасные четверги, но в августе все были в замках, и караван значительно сокращался.

Из всех четверговых завсегдатаев г-н де Ла Виньерэ наиболее возбуждал общественное любопытство. Он слыл не только жизнерадостным весельчаком и добрым товарищем, но и волокитой, даже гулякой; подозревали, что у него есть любовницы. В провинции всегда говорят о нескольких любовницах, а не об одной. Он давал повод к подозрениям. Он очень любезничал с женщинами и любил

игривые темы. Состояние здоровья г-жи де Ла Виньерэ служило ему извинением в глазах самых строгих судей. Поэтому никто не сомневался в том, что привлекало его в Валлен. Он там пользовался, говорили, успехами молодого человека. В сущности, весь Риврэ гордился г-ном де Ла Виньерэ, прощая ему его четверговые путешествия; ему еще ставили в заслугу, что он не ночевал вне дома из деликатности по отношению к г-же де Ла Виньерэ.

Что касается г-д Юртро и Рагеньо, то, если их поездкам и приписывали какуюнибудь галантную причину, то без особой веры в это. Слишком хорошо знали, что таким энергичным женам, как г-жа Юртро и г-жа Рагеньо, не приходилось кого либо опасаться. В действительности они сами поощряли своих мужей к этим поездкам, которые были им в тягость, но доказывали всему городу, что и они принадлежат к лучшему обществу. Это было нечто в роде крестовых походов в уменьшенном масштабе, привилегия, схожая с бывшей некогда привилегией ездить в королевских каретах. Бедняги, сделав кой какие незначительные покупки для своих жен, поджидали часа возвращения в маленьком темном кафе в глубине одной из старых улиц, по соседству с собором, и играли в шашки. Что касается г-на де Перидова, то он, побывав

у чучельного мастера, упражнялся на велосипеде, носясь по плохо вымощенным и кривым улицам с риском сломать себе шею. И все это не мешало тому, чтоб, по прибытии поезда, видя их возвращающимися, говорили насмешливым тоном:

— Ага, вот эти господа, что опять побывали в Валлене!..

Тем временем, так как поезд уже подходил, г-н Юрто снял с сетки цилиндр и надел его на голову, в то время как г-н Рагеньо приподнял свой и запустил энергичную руку в густые волосы. Г-н де Ла Виньерэ достал из за светлой ленты серого цилиндра свой билет первого класса и засунул его за перчатку. Улыбающийся в свою большую бороду, он казался нетерпеливым и сосредоточенным как человек, который знает, куда идет. В виду присутствия Жоржа Долонна, он удерживался от обычного подтрунивания над г-ном Рагеньо и г-ном Юрто. Шутки его были грубоваты, но всякий раз смущали г-на Юрто и приводили в отчаяние г-на Рагеньо. Вместо этого он лишь выразительно подмигнул.

Поезд подошел к станции. На платформе г-н де Ла Виньерэ вновь похлопал Жоржа по плечу. Служащий, отбиривший билеты, поклонился г-ну де Ла Виньерэ, протянувшему ему с внушительным видом билет. Г-н де Ла Виньерэ сел в одну из трех или

четырех городских линеек, стоявших у вокзала. Г-н де Перидон оседлал свой велосипед и скрылся. Г-н Юрто и г-н Рагеньо вместе двинулись в путь пешком, и, так как они шли медленно, то Жорж обогнал их. Он направлялся к г-ну Феррону, на улицу Шапитр, на первый свой урок.

— Послушайте ка, Рагеньо, — сказал, останавливаясь, г-н Юрто, — находите вы это благоразумным — посылать мальчика таких лет одного шататься по Валлену?

Час спустя, когда они играли в шашки в маленьком темном кафе позади собора, г-н Рагеньо сказал г-ну Юрто, двигая толстым пальцем пешку:

— Знаете, Юрто, я нахожу неосторожным отпускать одного на целый день мальчика в таком возрасте, как маленький Долонн...

Они засмеялись, и г-н Юрто спросил второй бокал пива.

VI

В первых числах сентября Жорж получил письмо от Максима Плантеля. Оно не было образцовым ни в смысле орфографии, ни в смысле стиля. Что касается первой, то Максим заботился о ней лишь в тех случаях, когда в этом была крайняя необходимость и когда нельзя было поступить иначе. С Жоржем он не стеснялся. Письмо его состояло из конверта грубой серой бумаги и лоскутка бумаги в клетку, покрытого чернильными кляксами и запачканного сигарным пеплом. Зато оно содержало интереснейшие новости: например, что вилла, снятая бароном Плантелем в Трувиле, находилась рядом с виллой Эльзы Дюранд, очаровательной актрисы Французской Комедии. В качестве почтительного сына, Максим не добавлял никаких пояснений; он просто сообщал, что барон предпочел устроить сыновей в Ульгате, нежели держать их при себе в Трувиле. Они проживали в отеле де ла Пляж, где чувствовали себя хорошо. У Фернанда был месячный

отпуск, и он привез с собой Нини, ненавидевшую морские купанья, но, тем не менее, купавшуюся ради шика по два раза в день.

Из деликатности к товарищу, заточенному в маленьком провинциальном городке, в стороне от приключений и удовольствий, Максим не распространялся о развлечениях морского курорта; он давал лишь понять, что не скучает, и заканчивал письмо следующим постскриптумом:

«Фернанд уехал сегодня с Нини, чтоб вернуться в свой полк, который выступает на маневры. Нини остается в Валлене. Она часто вспоминает тебя и жалеет, что не поцеловала в Вашет, в то утро, когда ты срезался на экзамене. Эта малютка находит тебя очень милым. Прощай.

Твой старый Максим».

При этом половина подписи была сожжена сигарой.

Прочтя письмо, Жорж мечтательно задумался. Эжени была в Валлене... Нет никакого сомнения, что он рано или поздно встретит ее, и его заботила мысль, как ему держать себя с ней; то, что она нашла его милым, преисполняло его симпатии к молодой женщине. В мыслях его она из Эжени превратилась в Нини, а для Нини простой поклон казался ему слишком холодным и це-

ремонтным. Лучше всего было бы смело подойти к ней. К тому же, разве не было необходимо узнать у нее, как поживает Максим Плантаель и даже Фернанд, раз он ушел на маневры? Мысль, что поручик Плантаель сейчас скачет по полям, изображая военные действия, особенно его подбодряла, и он чувствовал себя достаточно расположенным к тому, чтобы вступить с Нини в разговор, если случай сведет их лицом к лицу. Конечно, он не пойдет к ней на дом. Это было бы совсем другое дело. К тому же Максим не сообщал ему адреса и не давал никаких поручений к любовнице брата.

Он раздумывал обо всем этом в понедельник, в поезде, по дороге в Валлен. Сидя один в вагоне, он очень наслаждался этим одиночеством. По четвергам он не смел садиться в другое купе, кроме купе «этих господ»; ему не хотелось подавать вида, будто он избегает их общества из за г-на Юртро; мэр Риврэ не переставал смотреть на него враждебно и подозрительно, и Жорж из самолюбия считал себя обязанным выдерживать его взгляд. Обычная застенчивость покидала его в данном случае, и он испытывал некоторое удовольствие от того, что изводил г-на Юртро, закуривая одну из своих любимых маленьких папирос: запах турецкого табака вызывал от-

вращение в г-не Юрто, который выражал его преувеличенной гримасой. Г-н Рагеньо проявил однажды желание попробовать одну из этих папирос. Г-н Юрто смотрел, как он курит, поджав губы на подобие куриного зада, с сигарой, которую ему дал г-н де Ла Виньерэ. Г-н де Ла Виньерэ извлекал эти сигары из объемистого портсигара красной кожи и затем закрывал его, не предложив Жоржу; Жорж вывел из этого заключение, что г-н де Ла Виньерэ смотрит на него, как на мальчика. В прошлый четверг он получил еще лишнее доказательство этого. На станции Вертёвр вошел господин невысокого роста и коренастый, шутливый и веселый; он всем поочередно пожал руку. Это был г-н Юбер де Салиньи, большой приятель г-на де Ла Виньерэ. Едва усевшись, он начал рассказывать историю весьма неприличного свойства. Г-да Юрто и Рагеньо считали себя вынужденными смеяться из любезности; но г-н де Ла Виньерэ, внезапно став серьезным, поглаживал свою красивую бороду со смущенным видом. Затем, наклонившись к г-ну Юберу де Салиньи, он сказал ему несколько слов на ухо. Г-н Юбер де Салиньи смерил взором Жоржа, ставшего пунцовым; он справился о здоровье г-на и г-жи де Ла Бульри и затем не стал заканчивать своей истории. Он начал другую, более пристойную. В эту

минуту Жорж ненавидел г-на де Ла Виньерэ, который, казалось, был очень доволен собою. Жорж сохранил чувство живой обиды от этого незначительного случая. Выходя в Валлене из вагона, он в этот раз подумал, что было бы не плохо, если бы ктонибудь из этих господ встретил его в обществе Нини.

Направляясь к дому г-на Феррона, он разглядывал всех проходивших женщин. Это были по большей части служанки, работницы или валленские мешанки. Некоторые из них казались ему красивыми, в особенности одна, которая обернулась; платье на ней было слишком ярким, волосы — крашенные, шляпа на голове — экстравагантная. Повидимому, она была одной из женщин в роде Нини, но Нини была гораздо лучше собой и имела более скромный вид. Никогда Фернанд Плантель не потерпел бы, чтоб его любовница нарядилась в шляпу кафе-шантанного стиля и костюм из последнего «обозрения».

Придя к г-ну Феррону, Жорж был удивлен, увидев учителя, который сам открыл ему дверь, не в постоянной его фуфайке и без толстой трубки. На г-не Ферроне был изящный жакет и модный галстук. Вместо табачного запаха, комната была пропитана сильным ароматом иланг-иланга. Г-н Феррон усадил Жоржа на обычное место, и урок начался. Через полчаса г-н Феррон посмотрел

на часы; он проявлял нервность и беспокойство. Г-н Феррон говорил быстрее обыкновенного; при этом он поигрывал маленькой книжкой, переплетом которой он неравномерно похлопывал. Жорж заметил, что вместо закладки в нее была вложена дамская шпилька. Взгляд Жоржа не ускользнул от г-на Феррона; он посмотрел на книжку, увидел шпильку и продолжал, как ни в чем не бывало; но вместо того, чтоб окончить урок в половине четвертого, он продлил его дольше обыкновенного. Г-н Феррон, в самом начале занятий, найдя своего ученикамышленным и весьма удовлетворительно подготовленным, объявил ему, что на урок вполне достаточно одного с толком использованного часа, что у него много своей работы и что таким образом до пятичасового поезда у Жоржа останется время побродить по Валлену, полному интересных и живописных улиц. Что касается его экзамена в поябре, то все обойдется хорошо, если он будет думать о том, что он знает, вместо того, чтоб бояться того, чего не знает.

Г-н Феррон опустил сжатый кулак на книжку со шпилькой. Жорж встал, готовясь уходить, слегка смущенный тем, что его любопытство было замечено. Бородатое лицо г-на Феррона озарилась улыбкой: эта улыбка его молодила. Из за очков его смотрели нежные

и добрые глаза. Он протянул Жоржу руку: она была белой и нежной.

— Ну вот, дело идет отлично, господин Долонн! И как это, чорт побери, вы умудрились срезаться? Кто вас экзаменовал?

Жорж назвал г-на Шамбро.

— Шамбро? Да я его отлично знаю! Это превосходный человек. Я ему напишу о вас словечко.

Жорж Долонн ушел очарованный. Он забыл о запахе иланг-иланг и о шпильке. Он рисовал себе картину, как г-н Шамбро получает письмо от г-на Феррона.

Экзамен занимал его мысли. Ему представлялось, что, когда сделаешься бакалавром, многое, казавшееся раньше трудным, станет легче. Если бы он был бакалавром, г-н де Ла Виньерэ не остановил бы, может быть, г-на Юбера де Салиньи на середине его игривой истории; г-жа д'Эсклараг не решилась бы заплатить за его порцию сладостей в кондитерской...

Он стоял как раз перед магазином Кларвена. Оттуда выходила молодая женщина. Это была Нини!

В одной руке она держала большой, перевязанный красным шнурком пакет с пирожными, другой рукой поддерживала платье. Ее белокурая чолка вся золотилась от солнца,

заставлявшего ее слегка щурить голубые глаза. Он услышал, как она произнесла:

— Здравствуйте, г-н Доллон!

Он подошел.

Она покачивала на мизинце пакет с пирожными с достойным и сдержанным видом, как это и подобает, когда занимаешь известное положение... Она была именно «м-ль Эжени», а никак не «Нини». Это была не просто какая нибудь кокотка, но любовница г-на Фернанда Плантеля, поручика 9-го драгунского полка, находящегося в данный момент на маневрах, как она доложила Жоржу. Маневры обещали быть весьма интересными, ибо ими руководил генерал де Ла Бежодьер, первоклассный стратег. М-ль Эжени готова была много говорить на тему о маневрах. Пакет с пирожными вздрагивал от маленьких резких толчков. Она уронила подол платья в пыль. Опустив глаза, она, казалось, искала следов гнедой лошади, на которой красавец Фернанд гарцовал, выезжая из Валлена со своим эскадроном. Письма от офицера приходили часто.

— Что касается Максима, то вы наверное имели от него известия: он каждый день собирался вам писать. Мы были вместе в Ульгате. Это очень милый молодой человек.

Жорж вспомнил о постскриптуме в письме от Максима. Она находила и его, как Мак-

сима, милым; он покраснел при этой мысли.

С минуты они стояли молча. Пакет все еще покачивался на кокетливо отставленном мизинце.

— Вы бывали на берегу моря, г-н Долонн?

Жорж посмотрел в голубые глаза м-ль Эжени. Ему казалось, что они стали больше от цвета моря, на которое долго смотрели.

Он несколько раз бывал в Бретани, в Дьеппе, «когда был маленьким». Он небрежно подчеркнул слово «маленьким» и выпрямился с таким видом, словно хотел показать, что все это относится к далекому прошлому; он попытался покрутить усы, состоявшие из двух маленьких кисточек белокурых волосков.

— Морской воздух очень полезен детям, — отвечала Нини серьезно и вежливо.

С пирожными в руке, у нее был такой вид, будто она возвращалась домой, чтобы угостить многочисленное семейство.

Жорж заметил, что море благотворно для всякого возраста. Оно оказывает превосходное действие и на стариков.

— И кроме того, там купанье! — продолжала м-ль Эжени.

Жорж живо представил себе, как в воде прилипает к ней полотняная ткань костюма, облекая грудь, обрисовывая бедра и ноги, смачивая влажную кожу.

— Не говоря уж о том, что там гораздо свежее, чем где бы то ни было, — сказал Жорж, вдыхая распространявшийся вокруг молодой женщины довольно резкий запах духов, показавшийся ему знакомым.

— Здесь летом очень жарко. По счастью, мы живем не в старом городе!

— В новой части, вероятно, гораздо лучше?

— Фернанд устроил меня на Вокзальном бульваре. Дом номер двадцать восемь... Да приходите как нибудь навестить меня: мы поговорим о вашем приятеле Максиме... Ах, он совсем не хорошо ведет себя!

Она сделала грациозную гримаску и протянула Жоржу руку вместе с пакетом пирожных. Он поболтался между ними секунду.

— Итак, вы придете? Мне многое нужно вам сказать.

Вернувшись в Риврэ, Жорж застал мать и г-жу де Ла Бульри в гостиной сидящими у рабочего столика. Вязаные квадратики горкой лежали в корзинке. Г-жа д'Эсклараг ходила взад и вперед легкими, грациозными шагами.

— Дорогая моя, не делайте этого ради меня, если вам не хочется; мне было бы ужасно неприятно причинять вам беспокойство.

— Да нет же, нет, — говорила г-жа де Ла Бульри. — Для Генриэты очень полезно немного освежиться, это ее развлечет.. Ты не весела эти дни, бедная моя племянница.. И потом, это доставит удовольствие Жоржу. Маленькие Ла Виньерэ — его ровесники и очень милы.

Появление г-на де Ла Бульри прервало разговор. Он казался очень озабоченным и в довольно дурном настроении духа. Родословная дома д'Оброш доставляла ему много хлопот. Он дошел до того места ее, где она имеет претензию соединяться с родословной итальянских герцогов д'Альбарокка. Г-н де Ла Бульри, бывший чрезвычайно добросовестным человеком, подумывал, что в случае, если происхождение это не будет основательным и надлежащим образом доказано, он будет по совести обязан сообщить об этом графу д'Оброшу. И в таком случае придется предложить ему снять с герба герцогскую корону, которая его увенчивает в память о славном роде и которою граф не скупясь украсил дверцы своей коляски и каминные навесы, так же как серебро, сервизы и почтовую бумагу.

Как отнесется г-н д'Оброш к подобному совету? Г-н де Ла Бульри ставил себе этот вопрос. Положение генеалога имеет свои обязанности и тяжелые стороны, ибо истинное

его достоинство заключается в том, чтоб не только поддерживать честолюбивые притязания, но и ограничивать их в тех пределах, которых они не должны преступать. Сознание этой необходимости, пока еще, правда, предположительной, мучило г-на де Ла Бульри. Ему очень бы хотелось растворить этих Альбарокко и Оброшей в одну общую массу, как желток и белок, стоявшие перед ним в яичной рюмочке. Поэтому он рассеянно слушал за столом то, что говорилось о приглашении г-на де Ла Виньерэ.

За десертом было решено принять его. Г-жа Долонн, г-жа д'Эсклараг и Жорж поедут в среду завтракать в Омон. Г-н де Ла Виньерэ заедет за ними в коляске. Дорога из Риврэ в Омон очень красива. Г-н де Ла Виньерэ будет у де Ла Бульри в десять часов утра. Чтоб доехать до Омона, нужно около полутора часов, но, может быть, потребуетя и меньше времени, так как у г-на де Ла Виньерэ очень хорошие лошади.

— Слишком хорошие! — внезапно сказал с недовольным видом г-н де Ла Бульри, поправляя за ушами дужки очков, как будто слишком быстрая езда заставила их спуститься ему на нос.

— В наших маленьких городах не следовало бы разрешать таких резвых и горячих выездов. Я их слышу иногда, этих лошадей

г-на де Ла Виньерэ, когда работаю в кабинете, и не успеваю подойти к окну, как они уже исчезли, и от них ничего не осталось, кроме грохота копыт по мостовой. Они всегда словно удила закусили, эти лошади г-на де Ла Виньерэ! Можно еще, куда ни шло, ездить так в поле, но по нашим улицам, на которых, хоть они и не так уже людны, все-таки бывают прохожие, такая езда очень опасна, и никак нельзя одобрить эту манеру мчаться во весь опор, или, лучше сказать, сломя голову.

Г-н де Ла Бульри продолжал:

— Я отлично знаю, что г-н де Ла Виньерэ уверен в своих лошадях и считает себя превосходным кучером; но я не без тревоги буду смотреть, дорогая моя племянница, как вы отдадите себя этому вихрю! Одному богу известно, что может произойти!

— Полноте, кузен, не пугайте нас. Признаюсь, я люблю быструю езду, — сказала г-жа д'Эскларак, поднимая голову и вдыхая воздух своим красивым носом с тонкими и подвижными ноздрями.

— Я сказал то, что должен был сказать, дорогая Маргарита, — отвечал г-н де Ла Бульри. — И добавлю еще, что г-н де Ла Виньерэ подает дурной пример, так как многие из здешних господ, стремясь подражать ему, постарались обзавестись колясками, в ко-

торых ездят неподобающим образом: прежде всего г-н Юбер де Салиньи, а затем и г-н Галибер де Форже... Я припоминаю время, когда по улицам Риврэ можно было ходить без опасения быть на каждом повороте раздавленным или, по меньшей мере, сбитым с ног, и когда во всем городе была только одна коляска г-жи де Понто. Бедняжка ездила в ней каждое воскресенье в церковь. Господь лишил ее юмолоду ног, что не помешало ей быть весьма любимой мужем и иметь много детей.

Г-н де Ла Бульри помолчал минуту. Он погрузился в воспоминання.

— Коляска г-жи де Понто была единственной во всем Риврэ, где в то время жило гораздо больше дворян, чем теперь. Не поручусь, что в сараях не было каких нибудь добрых берлинов или удобных кабриолетов, которые закладывали, когда надо было делать визиты за город, так как в окрестностях Риврэ жило отличное общество. Герцог де Руссак ежегодно приезжал на два месяца в свой замок Дивуан и устраивал там балы и спектакли. Там то г-жа де Гайе, прекраснейшая молодая дама и в то же время превосходная хозяйка, появилась однажды на вечере с такой большой царпиной на руке, что герцог де Руссак, заметив это, спросил между двумя фигурами кадрили, откуда это у нее.

«Г-н герцог, это случилось, когда я чистила рыбу!» — отвечала г-жа де Гайе, глядя на порезанную руку. Дело в том, что в Риврэ тогда царила известная простота нравов, которая нынче не в моде. Все ходили пешком; зимою же или в дождливые дни и в гололедину пользовались одним из тех маленьких экипажей, которые назывались «одноколками» или «тачками» и которые катил человек. Таким то способом женщины и слабосильные особы отправлялись на собрания; что касается нас, то мы ходили туда в деревянных башмаках, с фонарем в руках, и старый маркиз де Монблерю, которого я знавал в своей молодости и который охотился с Людовиком XVI и разъезжал в королевских каретах, не гнушался отправляться, куда желал, на тачке, которую катил садовник. И это не потому, чтобы он не имел возможности ездить иным способом. В этом можно было убедиться, когда он решал осмотреть свои фермы и когда из конюшни выкатывали его визави¹⁾, весь в стеклах, с росписными дверцами и двумя древними лошадьми, которыми с высоты козел правил не какой нибудь кучер в галунах, но сама кухарка г-на де Монблерю, в чепце и фартуке; лишь ей одной доверял он эту обязанность, так же как не потерпел бы, чтоб кто нибудь

¹⁾ Узкая карета для двух особ. (Прим. перев.).

другой, кроме его садовника, возил его на тачке, в которой он имел вид гораздо большего барина, нежели г-н де Ла Виньерэ в своей английской коляске.

Жорж обращался весь во внимание, слушая подобные рассказы г-на де Ла Бульри. Дядюшка казался ему замечательным человеком, оттого что знал таких удивительных людей. Тачка маркиза де Монблерю приводила его в восторг. Г-жа де Ла Бульри, до малейших подробностей знавшая историю г-на де Монблерю, задала необходимый вопрос:

— А не жили ли он в том самом доме, который принадлежит теперь г-ну де Ла Виньерэ?

— Да, — отвечал г-н де Ла Бульри: — Отец г-на де Ла Виньерэ купил его после смерти маркиза, на что смотрели тогда, как на безумие, так как г-н де Ла Виньерэ-отец был небогат, и нельзя было предвидеть, что сын его женится в один прекрасный день на дочери г-на Бержэ, самого крупного помещика Вайи. Она принесла ему в приданое замок Омон, куда вы поедете послезавтра, сударини, если только проклятые лошади г-на де Ла Виньерэ не опрокинут вас дорогой и не сбросят в канаву.

День спустя, без пяти минут десять, коляска г-на де Ла Виньерэ стояла у дверей дома г-на де Ла Бульри, и Жорж, слышав

на улице ржанье лошадей, быстро спустился с лестницы. Г-жа д'Эсклараг выходила из своей комнаты. Жорж мельком увидал постель в беспорядке, юбки и белье, разбросанные там и сям. На г-же д'Эсклараг было, как всегда, платье с короткими рукавами и открытым воротом.

— Какой вы сегодня нарядный, Жорж!

Жорж надел один из самых красивых своих галстуков и воткнул в него золотую филигранную булавку с сибирской бирюзой. За ними следом спускалась г-жа Долонн.

Г-н де Ла Виньерэ ожидал, сидя на козлах. Экипаж был прочный и покоился на крепких колесах. Лакированные части его блестяли. Обе лошади рыжей масти были, действительно, великолепные животные. Г-н де Ла Виньерэ пожелал одеться под цвет своего выезда: сюртук рыжеватого цвета обтягивал его мужественный торс, панталоны того же оттенка, с прямой складкой, спускались на желтые ботинки, делавшие его ноги похожими на два пожелтевших листа; на галстуке в булавке сверкал крупный дымчатый топаз.

— Не желаете ли сесть рядом со мной, г-жа д'Эсклараг? Вы сможете лучше судить о беге моих лошадей.

Г-жа д'Эсклараг поднялась на подножку, легкая и гибкая. Г-жа Долонн и Жорж сели

на кожаные подушки. Солнце уже нагрело их; день обещал быть хорошим. Жорж видел широкую спину г-на де Ла Виньерэ и изящные плечи г-жи д'Эсклараг. Ее приоткрытая шея была полной и белой; шея г-на де Ла Виньерэ — красноватой, со складкой над воротником. В окне появился г-н де Ла Бульри, в халате, с роговыми очками на носу. Он держал в руке развернутый пергамент: это была грамота графов д'Оброш. Жорж узнал восковую печать на зеленом шелковом шнурке.

— Будьте осторожны! — крикнул сверху г-н де Ла Бульри, закрывая глаза.

Когда он открыл их, коляска заворачивала с Бычьей площади, так круто срезая угол, что г-н де Ла Бульри не пожелал смотреть дольше. Подковы зазвенели по мостовой, затем звук их затих. Часы на башне Сен-Жап пробили четверть одиннадцатого. У г-на де Ла Бульри оставалось время до завтрака, чтобы изучить грамоту, которою кавалер Гюг д'Оброш призывал отряд стрелков на помощь Орлеану, осажденному англичанами под начальством сеньера де Гласидаса.

— Нет, нет, мой друг, я отлично могу выпить кофе на терасе. Я себя чувствую сегодня лучше. Елена и Роза помогут мне дойти.

И г-жа де Ла Виньерэ с трудом поднялась из за стола, опираясь о белую скатерть кост-

лявыми и исхудавшими руками, одного цвета с черенками ножей слоновой кости. Это была маленькая женщина, бледная и хилая, с очень черными волосами, гладко зачесанными со лба и с висков. Она передвигалась с трудом поддерживаемая дочерьми, в то время как г-н де Ла Виньерэ вел под руку г-жу Долоин. Жорж не посмел предложить свою г-же д'Эсклараг.

— Ну, что же, Жорж, вы не предлагаете мне руки? — сказала, смеясь, г-жа д'Эсклараг.

Г-н де Ла Виньерэ обернулся: г-жа д'Эсклараг непринужденно положила руку на плечо Жоржа Долоина.

Столовая сообщалась с широкой терасой, шедшей вдоль всего фасада замка и заканчивавшейся на каждом из двух концов группой великолепных деревьев. За терасой спускался пологим склоном луг до самой Винсы, протекающей меж тополями.

Г-жа де Ла Виньерэ вытянулась на бамбуковой кушетке со множеством подушек, которые Елена и Роза подложили за спину и плечи матери... Елене было четырнадцать лет, Розе — пятнадцать с половиной; обе были шатенки и похожи друг на друга, со смуглой кожей, серыми глазами и смеющимся ртом; они имели здоровый и довольный вид, с оттенком лукавства. На Елене было розовое полотняное платье с белой отделкой, на

Розе — белое, с голубой... Г-жа де Ла Виньерэ пила свой кофе, нежно поглядывая на их лица, в которых, словно в маленьком, подвижном, но точном зеркале, она видела свое лицо, худое и усталое. Она поставила чашку на камышевый столик, где сбоку, рядом с подносом, выдвигался ящик с теми толстыми сигарами, которые любил г-н де Ла Виньерэ. В воздухе было тяжело. Г-жа де Ла Виньерэ дышала с трудом.

— В гостиной, может быть, нам было бы лучше.

— Да... а мне бы тогда пришлось выходить, чтобы курить в одиночестве!

Г-жа де Ла Виньерэ выносила дым лишь на открытом воздухе. Дым от сигары, которую закурил г-н де Ла Виньерэ, поднимался вверх, синеватый, кольцеобразный и легкий. Г-н де Ла Виньерэ закрыл ящик: портрет кубанца, г-на Альвареса, в черном фраке, опустился на уложенные рядами сигары, как будто для того, чтобы вдыхать их аромат.

— Я не предложил вам, г-н Долонн, — сказал г-н де Ла Виньерэ, — они слишком крепки для вас.

И прибавил, обращаясь к г-же Долонн:

— Это не для его возраста, не правда ли, сударыня?

Затем он пододвинул свое кресло к креслу г-жи д'Эсклараг. Она ему бесконечно нрави-

лась, и он, сидя на козлах по дороге в Омон, признался ей в том впечатлении, какое она на него произвела. Жизнь его была так печальна! И он, прикрашивая свое объяснение шутками, каламбурами и остротами, наклонялся к ней в разговоре так близко, что она чувствовала, как ее щекочет широкая борода г-на де Ла Виньерэ, развеваемая ветром.

Г-жа Долонн тем временем беседовала с г-жей де Ла Виньерэ, рассказывавшей ей о своей болезни. Елена и Роза молчали, а Жорж курил свои маленькие папироски, медвяный восточный аромат которых девочки вытягивали с любопытством...

— Г-жа Юрто и м-ль Юрто спрашивают, могут ли их принять.

Лаксей ожидал ответа г-жи де Ла Виньерэ.

— Дорогая моя, ничего нельзя поделать. Они выехали поездом в час дня из Риврэ... И вот, они с нами на целый день, эти Юрто!

— Какая неприятность!

— Тем большая, что я вас предательски покидаю... Г-жа д'Эсклараг просила меня свозить ее в Монисьер, которая продается... Жюль, скажите, чтобы заложили шарабан... Прекрасная дама, я вас похищаю.

Г-жа д'Эсклараг ничего подобного не говорила г-ну де Ла Виньерэ, но его выдумка ее забавляла. Придется, правда, терпеть ухаживание г-на де Ла Виньерэ, но, говорят,

имение Монисьер очаровательно; в конце концов, проехаться в экипаже было все же приятнее, чем выносить общество этой несносной г-жи Юрто.

Г-жа и м-ль Юрто появились, вспотевшие и запыхавшиеся. Из скупости они шли от Вайи до Омона пешком, рассчитывая, что обратно их отвезет г-н де Ла Виньерэ. Обе были разряжены, г-жа Юрто в плюсовой тафте, м-ль Юрто в желтой кисее. Седые бандо г-жи Юрто прилипали ко лбу, а развившиеся кудряшки м-ль Юрто были причудливо всклокочены. У матери было натянутое и потное лицо, у дочери — напряженное и блестящее, с обычной гримаской у рта, как будто она собиралась плакать; обе были жалкие и смешные в претенциозных туалетах, плохо соответствовавших грубым запыленным башмакам, — ибо, зная хорошо, какой путь им придется сделать пешком, они надели обувь попрочнее.

Увидев г-жу Долони и ее сына, г-жа Юрто еще больше поджала губы. Г-жа Долони холодно поклонилась. Жорж закурил папиросу. Г-жа Юрто закашлялась, словно желая показать, что дым ее беспокоит. Г-н де Ла Виньерэ продолжал пускать густые клубы дыма из своей сигары. Разговор поддерживался с трудом. Через несколько минут г-н де Ла Виньерэ встал.

— Шарабан, без сомнения, готов, сударыня!

Г-жа д'Эсклараг поднялась, провожаемая недоброжелательным взглядом г-жи Юртро...

Елена и Роза остались сидеть по обе стороны м-ль Юртро. Г-жа д'Эсклараг удалилась с г-ном де Ла Виньерэ. Когда они отошли немного, г-жа д'Эсклараг сказала ему:

— Это бессовестно — так удирать! Ваши дочери засыпают. Пошлите их хоть поиграть в прятки с Жоржем и с этой несчастной маленькой Юртро.

Г-н де Ла Виньерэ вернулся, чтобы сказать это.

От его слов лица Елены, Розы и Жоржа расцвели. Кислая мина м-ль Юртро сменилась беспокойной гримасой. Она запросила взором мать, как ей следует поступить. Г-жа Юртро охотно запретила бы дочери участвовать в игре, так как присутствие Жоржа делало ее недостаточно приличной. Стоило изгонять этого молодого человека из студии м-ль Дюплан для того, чтобы после этого разрешать своей дочери играть с ним в прятки! Но если г-жа Юртро и не прочь была бы высказать свои чувства в лицо «этим де Ла Бульри», как она выражалась, то она слишком уважала богатство «де Ла Виньерэ», чтоб осмелиться итти им наперекор, особенно в Омоне, пышная роскошь которого внушала ей почтение.

— Я не спрашиваю вас о молодчаге Юрто: я встретился с ним в поезде; он выглядит образцово. Кто бы сказал, что он одних лет с Рагенью!

И г-н де Ла Виньерэ быстро направился к г-же д'Эсклараг.

Елена и Роза де Ла Виньерэ поднялись с мест. Мысль поиграть в прятки оживила их свежие лица. М-ль Юрто в последний раз посмотрела на мать.

— Если г-жа де Ла Виньерэ не находит предосудительным такое сельское развлечение, то и я, конечно, не стану возражать.

— Я решительно не имею ничего против того, чтобы дети развлекались! — сухо отозвалась г-жа де Ла Виньерэ, поправляя за спиной подушку, соскользнувшую от ее нетерпеливого движения.

Кислая и раздосадованная мина г-жи Юрто заставила Жоржа простить г-же де Ла Виньерэ то, что она причислила его к «детям», и он последовал за Еленой и Розой. Они пошли впереди м-ль Юрто, расправившей свое желтое кисейное платье над грубыми черными кожаными башмаками.

Прошли через вестибюль, где Елена и Роза взяли свои садовые шляпы из плетеной соломы. Жорж отыскал свою.

Одной из прелестей Омона был, после терасы, обширный английский сад, содержав-

шийся в удивительном порядке. Цветочные клумбы украшали широкую лужайку, окруженную густыми деревьями. Этот сад был настоящим парком, с темными и запутанными аллеями.

— Здесь будет дом! — сказала Елена де Ла Виньерэ, указывая на солнечные часы.

Бронзовый наугольник отмечал на каменном циферблате три часа с небольшим.

— А теперь давайте считаться, кому искать, — сказала Роза. — Г-н Жорж, считайте!

Жорж посмотрел на Елену и Розу; лукавая улыбка промелькнула на молодых лицах, Жорж улыбнулся тоже. Они поняли друг друга.

Он начал считать:

— Раз два, голова; три четыре, прицепили; пять шесть, кашу есть...

При каждом слоге он указывал пальцем на одну из девочек или на себя; тот, на кого выпадал последний слог, выходил из круга.

Елена де Ла Виньерэ вышла первой, за нею Жорж. Оставались Роза и Марта Юрто.

Жорж продолжал. Смешные слова раздались снова. Он ускорял их и путал.

— Вам искать, м-ль Юрто.

Он слегка сплутовал. Марта Юрто заметила это, но не протестовала: «искать» было приличнее, нежели прятаться за густыми деревьями в обществе молодого человека. Размышляя об этом, она увидела, как на пово-

роте аллеи исчезли одинаковые соломенные шляпы маленьких де Ла Виньерэ и канотье Жоржа Долонна. Она мечтала накрыть их исподтишка в их тайнике; поэтому, выждав, как полагалось, пять минут около солнечных часов, она подобрала свое кисейное платье и начала обход, решив действовать осторожно и хорошо оберегать дом.

Жорж остановился, запыхавшись. Елена и Роза догнали его.

— Куда бы нам спрятаться?— спросил Жорж.

— Есть много хороших мест, — сказала Роза. — Есть лабиринт, есть кедры, куда можно взобраться на ветки...

Елена ее прервала:

— Нет, нет, есть еще лучшее место... Знаешь, Роза, на ферме! Марта всего боится; она никогда не решится идти туда из-за собак, коров и свиней.

По дороге к ферме, находившейся влево от парка, Елена внезапно сказала Жоржу:

— Г-н Жорж, мы узнали про историю с м-ль Дюплан... Как мы хохотали! Правда, Роза?

— О, да!

Это двойное признание сломало лед. Теперь они чувствовали себя товарищами. Поэтому Жорж галантно помог девочкам взлезть по лестнице на сеновал.

Там стоял теплый полумрак. Сваленное сено громоздилось вплоть до толстых стропил крыши, между которыми видна была изнанка черепицы. Воздух был здесь чудесный, сухой и пропыленный; он слегка щекотал горло. Жорж снял шляпу. Роза непринужденно потрогала ее и посмотрела внутри:

— Где она куплена? Папа покупает свои у Пино и Амура.

Шляпа Жоржа была от Льега. Жорж объяснил своим приятельницам, что это — в предместьи Сент-Онорэ.

Они подошли к нему ближе. Всё в Париже интересовало их, даже названия улиц. Г-н де Ла Виньерэ обещал свезти их туда.

— Мы наверное поедem туда из за маминой операции, — сказала Елена.

— И пойдem в театр... — быстро вставила Роза.

Они болтали, как сороки на стогe, часто говоря обе зараз, растянувшись грудью на сене, с шляпами на спинах, со свежими губами и веселыми глазами. У них были очень длинные ресницы, которые, казалось, ласкали их щеки.

— Г-н Жорж, у вас есть еще папиросы?

Папиросы имелись, но было бы очень неосторожно курить среди всего этого сена: лучше выйти и поискать другого убежеша.

— Ну, чего там, — сказала Роза, — папа застраховался!

Она закурила папироску и передала спички сестре.

— Хорошо здесь! — сказала Елена.

Она постояла на коленях в сене с папиросой в углу рта, затем опрокинулась на спину и больше не двигалась. Изредка слышались тявканье собаки, скрип каната у колодца, мычанье коровы. Голуби, взмостившиеся на крышу, ворковали...

— Подумать только, — сказала Роза, поднимаясь на локте, — что Марта ищет нас уже около часу!

И она представила плаксивую мину м-ль Юртро.

Портсигар Жоржа быстро опустошался. Курильщицы бросили окурки в шляпу молодого человека. Он пошел их выбросить из слухового окна, откуда был виден двор фермы.

— Да вот и м-ль Юртро!

Все трое смотрели, помирая от славленного смеха. М-ль Юртро, убедившись, что во дворе не было ни опасной собаки, ни свирепого быка, отважилась войти. Она шла с осторожностью. Она обошла кучу навоза. Хлев был пуст. Скот находился в поле. М-ль Юртро подвигалась вперед с брезгливостью.

— Ее бабушка пасла гусей у маркиза де Монблерю, — сказала Елена Жоржу с презрением. — Она боится, что птицы ее узнают!

Действительно, м-ль Юрто широкими движениями отмахивалась от нескольких кур, отваживавшихся клевать вокруг нее. Наконец, м-ль Юрто решилась взобраться на сеновал. Внизу лестницы она кашлянула.

— Мы попались, — простонала Роза.

— Нет, нет, — прошептала совсем тихо Елена. — Предоставь мне действовать.

М-ль Юрто колебалась. Она занесла ногу на первую ступеньку лестницы и остановилась. Роза и Елена не двигались. Унылая и вспотевшая голова м-ль Юрто появилась над трапом. Вдруг раздалось великолепное хрюканье свиньи. Это было специальное искусство м-ль Елены де Ла Виньерэ, чтобы овладеть которым м-ль Роза де Ла Виньерэ также приложила все свои старания, что и позволило ей ответить сестре не менее точным и естественным хрюканьем. Жорж едва не лопнул со смеху. Перепуганная голова м-ль Юрто скрылась. Из слухового окна они увидали убегающую девочку.

— Елена, Елена, дай тебя расцеловать: это было неподражаемо...

Роза кинулась к сестре, отбивавшейся от нее; они обе упали в сено. Губы Розы отыскивали щеку Елены и запечатлели на ней звонкий поцелуй. Затем они минуту посидели спокойно. Голуби не ворковали больше, но в тишине было слышно, как

клювы и лапки их царапают горячие черепицы.

Роза вдруг вскочила, сделала в сене прыжок и воскликнула:

— А не пойти ли нам в старый павильон?.. Здесь все же слишком жарко.

Старый павильон находился в конце сада. Они пробирались со всевозможными предосторожностями, чтоб не быть пойманными м-ль Юрто. Они заметили ее в просвете чащи, стоящую на лугу, неподалеку от солнечных часов, показывавших, должно быть, около четырех, и оберегающую «дом». Жоржу стало жаль ее.

— А не показаться ли нам ей?

— Нет, нет, г-н Жорж... Так ей и надо!

И они взяли его за руки.

Старый павильон, квадратный, с острой крышей, был увит плющом и диким виноградом. Жорж отворил дверь. Стены были обтянуты ситцем в цветах. Широкий диван, обитый той же материей, стоял против пианино. Воздух там был спертый, таинственный и сладкий. Пыльные и наполовину закрытые плющом стекла пропускали слабый зеленоватый свет. В углу одного из окон мертвая муха висела в паутине. Голоса гулко раздавались в комнате.

На этажерке для нот были старомодные польки и вальсы; на обложках виднелись

сельские и сентиментальные рисунки, тирольские ландшафты, цветы или томные и млеющие фигуры. Когда г-жа де Ла Виньерэ была здорова, она часто приходила в этот павильон. Розе и Елене вдруг взгрустнулось; Жоржу тоже — при мысли, какое было бы для него горе, еслиб его мать заболела так, как г-жа де Ла Виньерэ.

— Только бы этот визит г-жи Юрто не слишком утомил маму! — сказала Роза, внезапно став серьезной. — Елена, нам право, следует пойти посмотреть... Который теперь час, г-н Жорж?

Жорж вынул часы:

— Двадцать пять минут пятого.

— Да, да, Елена, пора уже поддаться.

— Подожди, Роза; я придумала хороший способ.

Елена де Ла Виньерэ подбежала к пианино. Струны простились, словно лениво потянувшись. Елена поставила перед собой толстую тетрадь и взяла аккорд. Это был вальс. Роза подсела к сестре. Жорж слушал, сидя на диване, возле соломенных шляп; плющ царапнул бархатистым пальцем оконное стекло. Вальс колебался, робея мгновение, потом разразился, шумный и веющий стариной. Расстроенное пианино дребезжало. Вальс ритмически развертывался. Жорж отбивал такт на диване.

— Елена, сыграй так, чтоб нам потанцевать! — вскричала Роза, кидаясь к Жоржу.

Они закружились. Жорж чувствовал под рукой гибкую талию девочки. Лица их приходились почти на одной высоте. Он вдыхал запах ее свежей кожи и горячего полотна. Голова у него закружилась. Ситцевые цветы завертелись, словно колеблемые ветром. Ему казалось, что паркет старого павильона колеблется у него под ногами. Он отпустил талию Розы, которая упала на диван, тогда как Елена, стоя перед пианино, на котором продолжала играть, закричала:

— Роза, иди играть! Теперь моя очередь...

Вальс возобновился под пальцами Розы. По временам она отбрасывала рукой локон, щекотавший ей щеку. Елена и Жорж танцевали. Он снова вдыхал тот же запах свежей кожи и горячего полотна. Ее лицо смотрело на него почти на уровне его собственного. Маленькая капелька пота стекала по гладкому лбу. Ситцевые цветы все еще качались. Паркет гнулся. Жорж закрыл глаза. Когда он открыл их вновь, пианино умолкло: Роза указывала рукой на м-ль Юрто, смотревшую на них с порога, изумленную и скандализованную, с гримасой на губах и на всем лице, готовом, казалось, заплакать...

— Ну, что? Повеселились? — сказала г-жа де Ла Бульри, кладя крючок на столик.

— Да, тетушка... Только г-жа де Ла Виньерэ почувствовала себя очень утомленной к концу дня. Так жаль ее, бедняжку! Поговаривают о том, чтобы зимой ее оперировать. Она очень слаба. Мне кажется, приход г-жи Юртро с дочерью окончательно ее доканал: они провели в Омоне целый день и вернулись с нами поездом в без четверти семь.

— А мне, — сказала г-жа д'Эсклараг, — не приходится жаловаться. Г-н де Ла Виньерэ возил меня осматривать Монисьер, прелестное местечко. Он был со мной чрезвычайно любезен и, чтоб дать мне высокое представление о своей особе, рассказывал о своих успехах. Больше всего говорил он мне об одной молодой особе в Валлене, которой он очень интересуется. Она любовница одного офицера, имя которого я позабыла...

Г-жа де Ла Бульри прервала г-жу д'Эсклараг маленьким кивком головы, который должен был означать: «Довольно, довольно!..»

— А ты, Жорж?

Жорж вздрогнул. Слова г-жи д'Эсклараг заставили его вспомнить о м-ль Эжени...

— Я, тетушка?... Елена и Роза де Ла Виньерэ очень милые. Мы играли в прятки. С нами была м-ль Юртро.

И до самого конца вечера он оставался рассеян и задумчив.

VII

— Я на днях завтракал у нашего друга Гальбана, — сказал г-н Феррон Жоржу, когда тот садился за большой стол, заваленный книгами и бумагами, и раскрывал «Критона», чтобы заняться греческим разбором.

Жорж посмотрел на г-на Феррона, противного пенснэ.

— Ах, бедняга Гальбан, — продолжал г-н Феррон, — невесело ему в Вайи. Как жаль, что такой очаровательный человек, как он, должен корпеть в провинциальной дыре, без средств, без развлечений; а если и удастся ему когда-нибудь выбраться отсюда, так разве для того, чтоб быть отправленным в другое место, где он найдет таких же ограниченных и пошлых людей, таких же недоброжелательных и пустых.

И г-н Феррон прибавил со вздохом:

— По счастью, он увлекается фотографией... и любит поесть!.. Стол у него отличный! Для меня это было приятным разнообразием.

Г-н Феррон прибрал бумаги и продолжал, словно про себя:

— Я, это — другое дело. Я взял здесь место, чтоб спокойно готовить свою докторскую диссертацию. Защитив ее, я удеру. Г-н Шамбро обещал вызвать меня в Париж... Вы знаете, тот самый Шамбро, который, без сомнения, пропустит вас в бакалавры в ноябре: ибо вы непременно будете бакалавром в ноябре, г-н Долонн!

И г-н Феррон поправил свое пенсне движением белой и сильной руки, опустившейся затем в густую бороду, где она совсем почти исчезла.

Жоржу пришла мысль, что, если успех его обеспечен, то он без ущерба может попросить г-на Феррона сократить сегодняшний урок, отпустив его ровно в три часа... Он решил пойти навестить м-ль Эжени.

— Когда вы станете бакалавром, г-н Долонн, — продолжал г-н Феррон, еще глубже запуская руку в бороду, — мой совет вам: этим и ограничьтесь. Не избирайте ни судебской, ни дипломатической, ни ученой карьеры. Устройтесь так, чтоб зависеть лишь от самого себя. Предоставьте другим общественную деятельность... Постарайтесь принадлежать лишь самому себе... Ну, теперь вернемся к разбору!

Между двух греческих фраз Жорж рискнул робко высказать свою просьбу.

— Ничего не может быть проще, г-н Долонн... тем более, что мне надо закончить одну работу и что я сегодня не обедаю дома...

Жорж Долонн привез в своем чемодане из Парижа три пары ботинок, из которых одна была новая, тонкой кожи, с острыми носками и на пуговицах. Он решил, что ради визита к м-ль Эжени было бы кстати надеть именно ее. С этим намерением он вынул ее из шкафа накануне вечером. Когда он примерял ботинки у сапожника, они были ему как раз впору, и нога в них казалась маленькой. Поэтому он с удовольствием посмотрел на них и перед тем, как заснуть, положил около них выбранный галстух. Совершая свой туалет на следующее утро, он решил не надевать галстуха и башмаков раньше отъезда в Валлен. После завтрака у него всегда будет время, чтоб подняться в свою комнату, переобуться и причесаться. Затем он незаметно ускользнет, не показываясь в гостиной, где будет находиться его мать с г-ном и г-жей де Ла Бульри. Выполняя этот план, он встретил на лестнице г-жу д'Эсклараг. Она, смеясь, похвалила его ботинки со скрипом и цвет галстуха.

— Какой красивый галстух, Жорж!

И с дружеской непринужденностью она пожелала ему поправить узел галстуха. При этом Жорж увидел лицо г-жи д'Эсклараг совсем близко от своего. Он мог рассмотреть

всю его прелесть: кожа на щеках была упругой и пушистой, на веках — смугловатой и нежной.

Окончив, г-жа д'Эсклараг весело толкнула его и сказала:

— Отправляйтесь, гадкий мальчик!

На вокзале Жорж нарочно не сел в купэ, занятое господами Юрто, Рагеньо и Пери-доном. Г-н Юрто бросил на него яростный взгляд. Жорж вспомнил о прятках: м-ль Юрто наверное пожаловалась, как ей пришлось «искать» два часа на солнцепеке. Но плаксивое лицо м-ль Юрто скоро уступило место образу м-ль Эжени. Жорж робел от предстоящего визита к м-ль Эжени. О чем разговаривать с ней? Конечно, речь зайдет о Максиме Плантаеле; ну, а потом? М-ль Эжени была хорошенькой, и он знал, что и сам ей скорее нравился. Он заранее испытывал очаровательное смущение. Неопределенные мысли о приключениях роились в его голове. «Мадемуазель де Мопен» пришла ему на память. Накануне вечером он перечел несколько страниц из нее. Разумеется, в Валлене не окажется ни гостиницы, где изящные и галантные молодые люди могут встречаться с переодетыми девицами, ни уединенных павильонов в глубине романтических парков (ему вспомнились часы, проведенные в Омоне), ни замка Людовика XIII, ни комнаты с гобеленами; но

его ожидало нечто неизвестное и опасное: быть наедине с м-ль Эжени — «Нини»...

Ему пришлось побыть наедине с Еленой и Розой де Ла Виньерэ на сеновале; он часто гулял наедине с г-жею д'Эсклараг. Но Елена и Роза были маленькими пансионерками, а г-жа д'Эсклараг была г-жей д'Эсклараг, между тем как эта м-ль Эжени, эта «Нини», была чьей то любовницей, существом, для которого любовь — ремесло, занятие, смысл существования. Она, без сомнения, умеет говорить только о любви, заниматься только любовью...

Мысли эти сопровождали Жоржа вплоть до Валлена, до самого дома г-на Феррона. Они примешивались к греческому разбору, с которым он справился довольно плохо. Жорж явно испытывал некоторую растерянность; а к этому еще прибавилась другая забота — ботинки.

Он надел их в первый раз, и сначала они показались ему совсем впору. Но теперь он заметил, что верхние пуговицы немного давят. Ощущение неловкости, появившееся уже в вагоне, увеличилось, пока он шел с вокзала к г-ну Феррону, и он начинал от него страдать. Это легкое раздражение не способствовало пониманию смысла греческих фраз. Он запутывался все больше и больше. Г-н Феррон смотрел на него со снисходительным

любопытством. На соборных часах пробило три; г-н Феррон закрыл книгу.

— Довольно на сегодня, г-н Долонн; мы оба сейчас не в настроении. До субботы! Повторите немножко географию. Помните, какую шутку сыграли с вами притокки Луары... До субботы; желаю вам веселиться!

Г-н Феррон извлек руку из бороды, чтоб протянуть ее поднявшемуся Жоржу.

Положительно, ботинки жали! Они элегантно поскрипывали, когда он спускался с лестницы, но он убедился, что пуговицы болезненно давят ногу выше подъема. При первых сделанных им по улице шагах боль, казалось, уменьшилась; он обрадовался этому. Довольный, что так рано покончил с уроком у г-на Феррона, он легкими шагами перешел через паперть собора и вынул из кармана перчатки. На ногте у него было чернильное пятно. А между тем он не прикасался к перу. Чернила, вероятно, были на столе. Они капнули туда из чернильницы или из черной бороды г-на Феррона!.. Раздражение Жоржа устремилось на безобидную темную бороду учителя. Мысль, что волосяные заросли г-на Феррона скрывали в своей чаше чернильный источник, на минуту развеселила Жоржа. Перчатка скрывала пятно, но разве не могла м-ль

Эжени под тем или иным предлогом предложить ему снять ее? Как быть тогда?

Он перевел глаза на портал собора. Собор раскрывался, глубокий и обширный, поддерживаемый столбами, закругляя своды, звучный и пустой. Ясная и словно торжественная вода наполняла раковину крошительницы. Жорж окунул туда палец; по прозрачному водоему пошли круги. Жорж вынул мокрый палец и вытер его платком; пятно исчезло. Он надел перчатки. Их пуговицы заставили его вспомнить о тех, что были на ботинках. Он вновь почувствовал боль. Он поставил ногу на стул и старательно натянул носки, чтобы расправить складки.

Старые улицы верхнего города были действительно плохо вымощены. Жорж с трудом, прихрамывая, шел по ним. Наконец, он добрался до бульвара Гамбетты. В зеркальное окно «Парижских Галлерей» он любовался на свой вид в новых перчатках и изящной обуви. Узел галстука — произведение г-жи д'Эскларак, которое он оберегал с величайшим старанием — был очень недурен. Городской сад в этот час был еще пуст. Песок аллеи поскрипывал под подошвами Жоржа. Левый ботинок жал больше правого.

Вокзальный бульвар, где проживала м-ль Эжени, был велик. Жорж заметил ее дом, еще когда шел на урок. Он узнал его издали,

Это было четырехэтажное здание, недавно выстроенное, с белым приличным фасадом. На лестнице, во втором этаже можно было прочесть надпись золотыми буквами: «Древэ, зубной врач». Жорж тяжело вздохнул: пуговицы ботинка впивались ему в тело. В чистой и просторной швейцарской работала привратница.

— Здесь живет м-ль Эженн Ваньен?

— Четвертый этаж, дверь направо.

Жорж поблагодарил и покраснел; было ли то от застенчивости или от боли? Левый ботинок терзал его; правый, хоть и не столь явно, беспокоил его также. Он почти рад был бы услышать, что м-ль Ваньен нет дома. В конце концов, привратница могла ошибиться: наверху, может быть, он узнает, что м-ль Ваньен вышла. Он в самом деле хотел бы этого. Как вести разговор о Максиме Плантеле, испытывая такую нестерпимую боль? Он присел на диванчик, стоявший на площадке второго этажа, затем вдруг, не в силах терпеть дольше, расстегнул три верхних пуговицы на левом ботинке и две на правом. Он почувствовал сладостное облегчение. Несколько минут он пребывал в блаженстве...

Но вот, открылась и захлопнулась входная стеклянная дверь. Кто то поднимался; Жорж попытался застегнуть пуговицы, но не мог. Он спрятал ноги под диван и сделал вид, что

перелистывает записную книжку. Мимо него прошел человек: он узнал господина с зубочисткой, сидевшего против них за завтраком в гостинице Колокола в тот день, когда г-жа Долонн водила его к г-ну Феррону. Господин, казалось, ничего не соображал. Повязка скрывала его опухшую щеку. Жорж услышал, как у зубного врача, этажом выше, зазвенел колокольчик.

Пуговицы не хотели войти в петли. Жорж снял перчатки, чтоб свободнее действовать руками. Старания его были тщетны. Вдруг ему пришла мысль ослабить подтяжки; спустившиеся брюки прикроют беспорядок обуви. Жорж вздохнул с облегчением. Ему стало удобно, и он успокоился. Как раньше не пришел ему в голову такой простой способ? Он пожалел о потерянном времени и бегом поднялся по лестнице. Перед дверью на четвертом этаже он остановился в нерешительности. Надеть перчатки или держать их в руках? Он решил надеть одну. Позвонил.

Послышались тяжелые шаги.

— Можно видеть м-ль Эжени Ваньен?

Старая дама неприязненно посмотрела на него и захлопнула дверь перед носом, ничего не ответив.

Жорж перегнулся через перила; он находился, несомненно, в четвертом этаже! Только он позвонил у двери налево. Он нажал зво-

нок противоположной двери. Звонок резко протрещал; ему открыла горничная в наколке.

— Здесь живет м-ль Эжени Ваньен?

— Да, сударь.

Произношение нараспев было характерным для Риврэ: так говорили служанки г-жи де Ла Бульри. Поэтому он назвал свое имя с беспокойством и смущением.

Из узенькой передней, оклеенной светлыми обоями, он вошел в небольшую гостиную, стены и мебель которой были обтянуты ситцем в букетиках. Горничная вернулась.

— Барыня просит подождать... у нее портниха...

Затем она походила по гостиной, подняла штору на окне и вышла. У нее был насмешливый и лукавый вид, косой взгляд и лицо в веснушках. Она несомненно была из Риврэ и знала, что он племянник г-на де Ла Бульри.

Жорж стал ждать.

В маленькой гостиной не было ничего примечательного, кроме множества мелких безделушек и украшений. Жорж любовался фарфоровыми котятками в цветочной корзине, аистом из дутого стекла, дюжиной лебедей всех размеров, неграми, которые танцевали, взявшись за руки, фаянсовыми собачками, барометром в виде отшельника с бородой, как у г-на Феррона, и свиньей из пряника, совсем высохшей и потрескавшейся; на спине у нее

белыми и розовыми сахарными бусинками было написано имя «Нини». Каминные часы показывали немного больше половины четвертого. Жорж посмотрел на себя в зеркало, потом проверил еще раз, не было ли заметно, что ботинки расстегнуты. Он еще немного ослабил подтяжки и сел в кресло, положив шляпу на колени.

Без двадцати четыре, хлопнула дверь. Без десяти, раздался звонок. Он встал. Никто не входил. Стоя, он снова начал рассматривать безделушки. Нини, конечно, сейчас явится. Он представлял себе, что она будет ему говорить, извиняясь в том, что заставила его ждать. Он подошел к окну. Через крышу напротив виднелась железная дорога, рельсы, красный семафор. Было уже четыре часа. Поезд в Риврэ отходил ровно в семь минут шестого.

Жорж кашлянул несколько раз. На столе лежал альбом с фотографиями. От нетерпения и скуки он стал его перелистывать. Там был Фернанд во всех видах: пешком, на лошади, в штатском платье, в форме. Затем проследовали, как на смотре, товарищи по полку, в касках и без касок, далее появились многочисленные Эжени — в шляпе, в выходном платье, в капоте, в корсете, в рубашке. Жорж перевернул последнюю страницу. Изображение, которое он там увидел, заставило его покраснеть. Сердце его забилося. Он вспомнил

последние строки из «Мадемуазель де Мопен» и закрыл альбом.

Перед ним стояла м-ль Эжени.

Она была в шляпе и кончала застегивать верх лифа. Жорж различил квадратик тела, кружево розового корсета. С булавкой во рту, она обертывала вокруг талии мягкую ленту пояса. Белокурая чолка закрывала ей лоб. Губы у нее были очень красные...

— Как мне жаль, что вам пришлось ждать! Но у меня была портниха; она никак не могла окончить примерку... Ах, уж эти провинциальные портнихи! Вы не можете себе представить... Но вы придете в другой раз, не правда ли?

Она смотрела на смущенного посетителя своими голубыми глазами.

— Сейчас мне надо идти; я получила от Фернанда письмо с одним поручением. Уже двадцать минут пятого!.. Вы проводите меня немножко? Это будет очень мило... Жюльета, Жюльета!

— Сударыня?

— Я ухожу! Накорми собаку.

Она была уже в передней. Китайская ваза служила помещением для тростей; она взяла стоявший в ней зонтик.

— Помни, г-н Феррон придет в семь часов. Он обедает у меня.

При имени г-на Феррона Жорж привскочил. Теперь он понял, что означала шпилька

в книжке и запах иланг-иланг. М-ль Эжени заметила его огорченный и изумленный вид.

— Хотите пообедать вместе? Г-н Феррон — один из наших друзей, очаровательный человек.

Жорж поблагодарил и отказался: его поезд уходит в пять часов семь минут. На бульваре м-ль Эжени замедлила шаги:

— Фернанд хочет, чтоб я была рассудительна, и терпеть не может, когда я быстро хожу.

Десять минут спустя, они входили в городской сад. Казалось, она совсем перестала спешить. Она предложила Жоржу посидеть немного. Там были стулья. Они заняли два из них. На третий м-ль Эжени положила зонтик. Жорж сделал знак сторожике. Та не заметила и пошла дальше, перебирая монетки в кожаной сумке. Ничего, он заплатит, когда она пройдет вторично.

В саду было зелено и спокойно; уголок, в котором они сидели, был довольно уединенный. Все толпились вокруг беседки для музыкантов, несмотря на то, что сегодня, по случаю больших маневров, не должно было быть концерта. Эжени, в то время как объясняла это Жоржу, имела озабоченный вид. Жорж был печален. Он перестал смотреть на молодую женщину. Он устремил взор вдоль аллеи, где они сидели. Вдруг он вздрогнул от изумления.

В конце аллеи появился г-н де Ла Виньерэ. Он гордо выступал, распустив на груди свою красивую бороду и вертя тростью в воздухе. Эжени заметила выражение ужаса на лице молодого человека. Г-н де Ла Виньерэ приближался. Жорж опустил шляпу до самых бровей. Г-н де Ла Виньерэ был уже менее, чем в пяти шагах. Любезная улыбка, расцветшая на его губах, внезапно исчезла: он узнал Жоржа Долонна и прошел мимо быстро, но не настолько, чтобы Эжени не успела показать ему язык.

Жорж был сражен. Эжени спросила его кротко.

— Вы знаете этого господина?

— Да, это г-н де Ла Виньерэ.

— Так вот, мой милый, вы можете передать ему, что он надоед мне, этот старый волкита!..

Без сомнения, г-н де Ла Виньерэ шел садом, чтоб пройти на вокзал. На часах Жоржа было без десяти пять. Надо было уходить; но он не мог сделать этого, не заплатив за стул Эжени и за свой. Сторожиha исчезла. Так прошло несколько минут. М-ль Эжени снова взяла зонтик и, воткнув кончиком в землю, стала им быстро вертеть... Маленькая обезьянка слоновой кости на его ручке, на корточках, кружилась тоже, показывая то зад, то мордочку с резной гримасой.

Жорж молча постукивал ногами. Наконец он услышал звук перебираемых монет. Сторожиха заметила двух клиентов и направлялась к ним, но медленно, останавливаясь, чтоб поднять опрокинутый стул или чтоб поправить другие. Жоржу хотелось позвать ее, бежать к ней, но он продолжал сидеть, улыбаясь, рядом с Эжени, смотревшей на него с внезапно появившимся интересом.

Жорж заплатил. Старуха удалилась. На ней был передник из альпага и пенсне на медной цепочке.

— Г-н Долопп, у вас расстегнут ботинок...

Жорж покраснел до ушей.

— Простите... Мне надо на поезд...

Он не окончил фразы; она протянула ему руку. Нежные глаза под белокурой чолкой устремились на него. Ее голос слегка дрожал.

— Скажите, вы придете ко мне еще? Вы не сердитесь? Вы не хотите отвечать! Ну же, маленький... Подождем до следующего раза!..

И обратной стороной его руки она с нежностью провела по своей щеке...

Жорж побежал. Он чуть не раздавил ребенка и не попал под омнибус. Поезд трогался, когда он прыгнул на подножку. Он едва переводил дыхание; ноги его подкашивались. Кровь стучала в висках. Г-н Юрто прикрывал клетчатый платком цилиндр на сетке.

Г-н Рагеньо отирал лоб... В углу — г-н де Ла Виньерэ, скрестивший руки на бороде...

— Вы чуть было не опоздали на поезд, молодой человек! — сказал г-н де Перидон, набивая свою маленькую трубку.

И прибавил:

— Вы здорово бежали. Нельзя сказать, чтоб вы были похожи на чучело!

Жорж, еще не отдышавшийся, попытался улыбнуться.

Поезд засвистел под Гуврским виадукон.

Г-н де Ла Виньерэ не переставал рассматривать Жоржа Долонна с такой настойчивостью, что тот это заметил. Глаза его не отрывались от ботинок молодого человека, на которых из под брюк виднелись расстегнутые пуговицы. Жорж смущенно спрятал ноги под скамейку.

Г-н де Ла Виньерэ был мрачен. Г-да Юрто и Рагеньо находили, что он слишком медлит предложить им обычную сигару. Г-н де Перидон думал о старых крутых улицах Валлена; он спустился на велосипеде без тормоза по улице де ла Кордери, вымощенной хуже других.

Г-н де Ла Виньерэ приступил, наконец, к обычной раздаче. Когда каждый из этих господ получил по сигаре, Юрто и Рагеньо — чтоб выкурить свои, а г-н де Перидон — чтоб спрятать ее на после обеда, — в портсигаре красной кожи осталась еще одна.

Г-н де Ла Виньерэ колебался мгновенье, затем протянул ее Жоржу:

— Ну, г-н Долонн, один разок не идет в счет!

И, когда спичка г-на Юрто, послужив г-ну Рагеньо, дошла до г-на де Ла Виньерэ, он протянул ее молодому человеку.

Сигара закурилась. Она была крепкой и хорошей. Это была первая, которую Жорж курил, и он выкурил ее до конца, как мужчина, под насмешливым взглядом г-на де Ла Виньерэ, смотревшего со смешанным чувством зависти, уважения и гнева на этого мальчишку, который проводит время в городских садах рядом с хорошенькой девицей, с такой легкостью показывающей языки прохожим, и который еще в добавок дразнит людей вызывающим видом своих расстегнутых ботинок.

VIII

Жорж Долонн дожидался тетушки де Ла Бульри, чтоб идти с нею к поздней обедне. Старая дама гордилась тем, что шла с внушательным племянником. Г-жа Долонн не оправилась еще от мигрени, которая продержала ее накануне целый день в кровати и от которой у нее были тяжелая голова и утомленные глаза. Г-жа д'Эсклараг после ранней обедни поднялась в свою комнату писать письма.

Г-жа де Ла Бульри, в воскресном туалете, украсила себя черной кружевной шляпкой, украшенной тремя букетиками фиалок с шелковыми лентами, обрамлявшими ее широкое красное лицо. На ней была черная шелковая кофта и юбка, доходившая до щиколок. Длинная золотая цепь с подвеской окружала ею шею; под мышкой она держала толстый молитвенник.

— Пойдем, мой голубчик: уж третий раз благовестят.

Колокольный звон затихал. Он прекратился, когда г-жа де Ла Бульри и Жорж огибали пошту.

— Знаешь, Жорж, твой отец не должен был бы оставлять мать так долго без вестей о себе... Бедняжка нервничает и воображает невесть что... Я понимаю, что первое время г-н Долонн был поглощен лечением; но нам трудно поверить, что впродолжение полутора месяца, как он в Руайя, он только и делал, что занимался своим здоровьем. Чорт возьми, мог бы написать хоть словечко!..

Жорж Долонн пожал плечами с печальным видом. Он очень любил отца, но сознавал, что г-н Долонн забывчив и небрежен. Он понимал, что небрежность эта причиняла огорчение его матери: для вчерашней мигрени не было других причин. Он отвечал:

— Что делать, бабушка!.. папа уж таков!..

В глубине души он был польщен тем, что г-жа де Ла Бульри говорила с ним об этих маленьких семейных огорчениях. Она относилась к нему не как к ребенку, но как к мужчине. Он искал способа выразить свою признательность г-же де Ла Бульри. Он обязательно хотел нести ее молитвенник.

Служба уже началась, когда они вошли в церковь. Эта поздняя обедня была жестокой пыткой для г-жи де Ла Бульри: тучная и полнокровная, она задыхалась среди такой

толпы. Во время чтения евангелия она была красной, при возношении даров стала багровой.

Когда они вышли, она долго не могла отдышаться. Идя по улице, она загораживала собой почти весь узкий тротуар. Встречные должны были уступать ей дорогу. Большинство ей кланялись. Г-жу де Ла Бульри очень любили в Риврэ. Расположение, которое она к себе чувствовала вокруг, заставляло ее прощать этой гадкой стране ее тягучий говор, ее зеленые и плоские равнины, жалкую реченку, бледное солнце, все это, столь горестно сменившее Авиньон ее молодости, живой говор, сухую и пахучую землю, величественную Рону и жгучее солнце, ее благоуханный Прованс, сияющий и певучий. Жорж слушал, как г-жа де Ла Бульри расхваливала свой дорогой Комтат, когда на углу улицы Шантр он едва успел спастись, вспрыгнув на тротуар; коляска г-на де Ла Виньерэ неслась прямо на него. Лошади остановились как раз перед г-жей де Ла Бульри.

— Здравствуйте, дорогая г-жа де Ла Бульри. Как поживает г-н де Ла Бульри?.. Добрый день, молодой человек!

В тоне, которым г-н де Ла Виньерэ обратился к Жоржу, слышались насмешка и досада. Он прибавил:

— Передайте, пожалуйста, вашему мужу, что я заеду к нему сегодня днем. Мне надо

кое о чем поговорить с ним. Я завтракаю у Юрто. Все эти выборы, дорогая г-жа де Ла Бульри... Из за них я сегодня в Риврэ.

Он щелкнул языком. Лошади загрохотали по мостовой. Г-н де Ла Виньерэ любил этот звук копыт: он усиливал в нем чувство собственной значительности.

— Если он желает поговорить со мной, тем лучше! Я воспользуюсь случаем высказать ему свое мнение относительно его лошадей. Это — общественная опасность. Он только-что пересек наискось всю площадь, да еще как!.. Я уж думал, что собака Ботрелей попала под колеса.

Г-н де Ла Бульри поправил на носу золотые очки и отрезал ломтик хлеба к яйцу. В сущности, это посещение г-на де Ла Виньерэ его беспокоило. Дурные новости приходят раньше других; в жизни бывает больше неприятностей, нежели радостей. Г-жа Долонн также была задумчива; она ничего не ела. На телеграмму, посланную в Руайя, г-н Долонн ответил краткой телеграммой, в которой чувствовалось нетерпение человека, потревоженного не во время. Что касается г-жи д'Эскларг, она получила от Гюга де Гальбана письмо, в котором сборщик податей в Вайи просил ее руки. Вообще говоря, г-н де Гальбан очень ей нравился в качестве друга, но

отнюдь не в качестве мужа. Она кокетничала с ним без всякого намерения заходить дальше. Правда, он был недурен собой, но ей не нравились ни острые бородки, ни орлиные носы.

Она посмотрела на Жоржа. У него были свежий цвет лица, крошечные белокурые усики, нежный вид и большие глаза, сегодня с легкой синевой под ними. Сама не зная почему, она сравнила их между собою. Надо было ответить г-ну де Гальбану так, чтобы пощадить его самолюбие. Ей было бы неприятно причинить огорчение такому милому человеку. Чтож, тем хуже для него! Опять выйти замуж? Ни за что! Она предпочитала оставаться свободной... И внезапно, белыми зубами она прикусила свою красную пухлую губу.

Г-н-де Ла Виньерэ явился около четырех часов. Г-жа де Ла Бульри была в гостиной вместе с г-жей Долони и д'Эскларак. Г-н де Ла Виньерэ томо посматривал на молодую вдову, рассказывая о г-же де Ла Виньерэ; здоровье последней ухудшалось; приходилось опасаться, что операция неизбежна. Г-н де Ла Виньерэ расхвалил искусство хирургов, затем попросил разрешения пройти к г-ну де Ла Бульри в его кабинет.

У г-на де Ла Бульри была маленькая ферма по соседству с имением г-на де Ла Виньерэ;

вопрос касался размежевания. Г-н де Ла Виньерэ изложил свое дело. Г-н де Ла Бульри слушал сочувственно, положив руку на стол, покрытый бумагами. Г-н де Ла Виньерэ кончил дело, добившись того, чего желал. Чтобы выразить свою признательность, г-н де Ла Виньерэ счел нужным поинтересоваться трудами г-на де Ла Бульри.

— Ну, а как, г-н Ла Бульри, с вашей родословной д'Оброшей? Я видел на днях Ораса, и он сказал мне, что вы заняты его архивом.

Г-н де Ла Виньерэ разрешал себе удовольствие дружески называть заглазно графа д'Оброша — «Орасом».

Г-н де Ла Бульри сделал руками такой жест, как если бы он поддерживал вселенную, и ответил, слегка сгибая спину и наклоняя голову:

— Это большой труд, сударь!

И концом пальца он указал на полуоткрытые папки, наполненные пожелтевшими бумагами. Г-н де Ла Виньерэ принялся смеяться.

— Честное слово, дорогой г-н де Ла Бульри, со мной вы бы справились скорее! Мишу, владевший Ла Виньерэ, был пожалован дворянством в 1782 году. И, между нами, говоря по правде, для меня этого вполне достаточно. Я признаю, что нужно быть дворянином, но что за важность, с каких пор и как кто стал

дворянином? Главное — быть им. Дворянское достоинство, приобретенное, благодаря кругленькой сумме, сѣром Мишу, моим прадедом, дает мне все преимущества, какие только может дать. К чему мне возводить его к Крестовым походам, подобно д'Оброшам, или этому старому маркизу Монблерю, дом которого принадлежит теперь мне? С меня довольно моего Мишу. Он сделал все нужное: чего мне еще недостает? У меня имя, которое приятно носить, так как добряк присоединил к своей фамилии имя Ла Виньерэ, звучное и благородное. У меня есть герб, и красноречивый при этом, так как изображает зеленую виноградную лозу с червлеными листьями и ягодами. Он красиво выглядит на моей коляске и на моем серебре, а что касается графской короны, которая его венчает, то я, хоть и не знаю, откуда она происходит, пользуюсь ею без угрызений совести.

— В этой области случилось много ошибок! — с печалью сказал г-н де Ла Бульри.

Г-н де Ла Виньерэ встал, но не уходил и как будто имел еще кое что сказать. Г-н де Ла Бульри подумал, что сейчас — подходящий момент заговорить о лошадях. Вдруг г-н де Ла Виньерэ принял, казалось, решение, стоившее ему усилий:

— Дорогой г-н де Ла Бульри, даю вам слово, я не хотел бы ни вмешиваться в то,

что меня не касается, ни быть доносчиком или навязчивым; но, совершенно между нами, разрешите мне дать вам один маленький совет; если хотите, можете оставить его без внимания. Считаете ли вы, говоря откровенно, осмотрительным — посылать вашего внучатного племянника одного в Валлен? Молодые люди, дорогой г-н де Ла Бульри, нуждаются в том, чтоб за ними присматривали.

Г-н де Ла Бульри, конечно, держался того же мнения, но сопровождать Жоржа было некому, а отец его желал, чтоб он брал уроки, в виду предстоящего ему в ноябре экзамена. Г-н де Ла Виньерэ дал высказаться г-ну де Ла Бульри, который стал оплакивать свободу современного воспитания: оно совсем не походило на то, какое получил он сам. До двадцати одного года г-н де Ла Бульри никогда не выходил иначе, как со своим наставником, достойным священником, который довел его за руку до порога жизни и которому он был обязан теми немногими достоинствами, что он имел. Ах, все очень изменилось, и у г-на Долонна взгляды — совсем иные, нежели тогдашние!

— Послушайте, дорогой г-н де Ла Бульри, я не думаю, чтоб отец г-на Жоржа, каким бы передовым он ни был, мог быть доволен, увидев своего сына разгуливающим по Вальдену с девицами легкого поведения!

Г-н де Ла Бульри широко раскрыл испуганные глаза за очками:

— С девицами!.. Жорж!.. Что вы хотите сказать?..

— Боже мой, дорогой г-н де Ла Бульри, — продолжал г-н де Ла Виньеро, — я больше ничего не могу вам сказать. Вы предупреждены. Это не мое дело, а ваше, чорт возьми!.. Но послушайте меня, г-н де Ла Бульри, присматривайте за мальчиком! Он молод, и беда может стрястись легко. Вален, вы знаете, гарнизонный город; наши молодые офицеры любят развлечения, и на улицах встречаются особы не вполне безупречные. Вашему внуку семнадцати лет; это возраст безумств, а плутишка развит не по летам. Он начинает интересоваться прекрасным полом... Будьте осторожны, г-н де Ла Бульри! А затем — я удаляюсь.

— Так, значит, у Жоржа есть любовница! — вскричал с тревогой г-н де Ла Бульри.

Г-н де Ла Виньеро затворил за собой дверь. Г-н де Ла Бульри остался в подавленном состоянии. Любовница! У Жоржа есть любовница! Для наивного ума г-на де Ла Бульри это было темным и ужасным событием. Вдруг оно сделалось более определенным: Жорж знал женщину, касался ее, целовал... Любовница! Но ведь любовницы не являются так просто! Их надо отбивать у дру-

гих... Валмен полон молодых офицеров; у Жоржа может выйти дуэль... И несчастный г-н де Ла Бульри рисовал себе картину: вот зеленый луг, вот раскрывают ящик с пистолетами, меряют шпаги, пуля сражает вас, вы падаете на траву, острое пронзает вам тело...

Появление г-на де Ла Бульри в гостиной было неожиданным и трагическим. Он сел в кресло, опустил голову и свесив руки. Г-жа Долонн лежала на диване. Г-н де Ла Бульри с мрачным видом слушал историю, которую рассказывала г-жа д'Эскларак. Г-жа д'Эскларак заметила его угнетенный вид.

— Вы не больны, кузен?

— Я не болен, дитя мое, но я потрясен.

Г-жа Долонн приподнялась с подушки, на которую опиралась; г-жа де Ла Бульри, праздные руки которой перебирали воображаемое вязанье, вскричала:

— Но что с вами, мой бедный Огюст?

— Со мною... со мною... — отвечал г-н де Ла Бульри жалобным голосом. — Я не знаю, как сказать, что со мною... Жорж... Этот ребенок, такой кроткий, такой разумный, такой добрый... он вступил на самый опасный, на самый греховный путь... Да... Жорж... у него...

И голос г-на де Ла Бульри понизился еще больше:

— У него, повидимому, есть любовница.

— Любовница!

— Любовница!

Г-жа Долонн и г-жа де Ла Бульри одновременно повторили это слово, одна — с горестью, другая — на самом лучшем авиньонском наречии.

— Любовница, у Жоржа! — воскликнула г-жа д'Эклараг тоном почти радостного удивления.

И прибавила, невольно:

— Как они должны быть милы!

После чего, как за завтраком, она прикусила белыми зубами свою полную, чувственную и неосторожную губу.

Г-н де Ла Бульри повторил дословно все то, что ему сказал г-н де Ла Виньерэ. Г-жа Долонн нервно теребила бахрому дивана. Г-жа де Ла Бульри покачивала головой и потрясала лентами чепца. Г-н де Ла Бульри умолк. Наступило тягостное молчание.

— А если бы у него и была любовница, у этого мальчика! — вскричала вдруг г-жа де Ла Бульри с горячностью. — Ему шестнадцать лет, нашему голубчику, нашему крошке... А мы все тут обращаемся с ним, как с ребенком! Ему шестнадцать лет, в конце концов!.. А вы думаете, что в этом возрасте у наших мальчиков в Авиньоне не бывает любовниц?

— Дорогая моя, дорогая моя! — простонал г-н де Ла Бульри с отчаяньем.

Но г-жа де Ла Бульри уже понеслась. Родимый говор, звучный и торжествующий, лился из ее горла. Пред ней вставал старый желтый город, влюбленный и галантный, ветреный и сухой, весь — тень и солнце, вставали веселые девушки и резвые юноши, и танцы под тамбурином, и кабачки на острове Бартелас, и Рона. Ах, в Авиньоне быстро становятся мужчиной!

— Я прошу вас заметить, моя дорогая, — строго сказал г-н де Ла Бульри, — что мы не в Авиньоне, а в Риврэ, что Жорж не провансальский сорванец, а наш внучатный племянник, и что поведение его может повлечь последствия...

И г-н де Ла Бульри сделал неопределенный и прорицающий жест, но он не посмел заговорить о дуэли, шпагах, пистолетах... Он только взглянул на г-жу Долонн, как бы желая взять ее в свидетели всей серьезности положения.

Г-жа Долонн не говорила ни чего. Она плакала, облокотившись на подушку и опустив голову на руки. Она испытывала странное чувство. Горькая ревность закрадывалась в материнскую нежность. С этой минуты сын, казалось, принадлежал уже не всецело ей одной. Она была обворована. Ей его испор-

тили. И к горю ее примешивались жестокие воспоминания. Он был весь в отца, этот Жорж, — в ее неверного и легкомысленного мужа. Прошрое возрождалось в новой форме. Как и г-н Долонн, Жорж будет любить наслажденья. Отныне он будет жить для себя, помимо нее. Это он, ее ребенок, бывший еще несколько дней тому назад для нее лишь ребенком!

Она поднялась резким движением. Внезапный жар в щеках осушил ее слезы. Гнев заставил покраснеть ее кроткое лицо, и она вышла из гостиной, не говоря ни слова. Было слышно, как она идет по лестнице. Она шла к Жоржу, в его комнату.

Наступило гробовое молчанье. Г-жа де Ла Бульри взяла машинально со столика свое вязанье, несмотря на то, что было воскресенье. Г-н де Ла Бульри молчал. Он снял очки и протирал стекла.

Коляска проехала по площади. Это был г-н де Ла Виньерэ, возвращавшийся в Омон.

— Какой дурак! — громко сказала г-жа д'Эскларак.

— Да, Жорж, вы хорошо сделали, что не отвечали вашей матери. Надо, чтоб ее гнев и огорченье прошли. Они пройдут. Вы говорите, что она была с вами резка. Она нервна все это время. Бывают минуты, когда все

воспринимается трагически. Это было тяжело вам обоим. Успокойтесь, она чувствует себя теперь гораздо лучше. Она легла и спит. Она забудет. С ней ваша бабушка. Завтра она будет спокойнее. Ей уже лучше, уверяю вас; поэтому я и пришла к вам. Вы не можете объясниться с нею, я это отлично понимаю, и все же нужно, чтоб она узнала правду. Я уверена, что это совсем не так, как она себе представляет. Может быть, она поверит мне, если я смогу ее разубедить. Жорж, я вас очень люблю, я — ваш старый друг. Расскажите мне правдиво, в чем дело. Так легко было бы успокоить этих бедных людей!.. На вашего милого дедушку Ла Бульри жалко смотреть!.. Ну, так как же, Жорж?

И г-жа д'Эскларак взяла в свои нежные руки горячие руки молодого человека. Глаза у него были красны, и он молчал. Она продолжала:

— Ну, Жорж, исповедывайтесь!

Было около шести часов вечера. Дневной зной постепенно спадал. Желтое солнце половины сентября золотило еще последним лучом гребень стены, огораживающей сад г-на де Ла Бульри. Дикий виноград на шпалерах был еще зелен, но той зеленыю, которая начинает становиться в себе неуверенной. Листья были точно расслабленные. Белые розы покрывали еще куст, — большие, пыш-

ные и простые розы, распустившиеся, казалось, легко и небрежно. Этот маленький, хорошо укрытый садик имел, действительно, скромный и интимный вид. В нем ощущалась близость осени и быстрых сумерек. Г-жа д'Эклараг ждала. Жорж смотрел на маленький серый камешек с черными жилками у своих ног. Г-жа д'Эклараг слегка пожала его руку. Он заговорил.

Её имя было Эжени Ваньен, а попросту ее звали Нини. Она была любовницей Фернанда Планталя, старшего брата его друга Максима. Он увидел ее в первый раз в Париже в то самое утро, когда срезался на экзамене. Он сидел в кафе за одним столиком с ней. Она тянула апельсина через две неравные соломинки.

Г-жа д'Эклараг выпустила руку Жоржа и тоже смотрела на белый камешек. Жорж продолжал говорить. Солнце не освещало больше верхушку стены. Маленький сад мало по малу потемнел, словно пропитанный ночью. Белые розы стали еще белее.

Он встретил ее около кондитерской Кларвена. Фернанд Планталь, назначенный в Вален, оставил там Эжени на время маневров. Она заговорила с ним первая. Она пригласила его к себе.

— И вы пошли, бедный мой Жорж?

— Да. Она живет на Вокзальном бульваре, и я пошел к ней после урока у г-на Феррона...

Г-жа д'Эсклараг скромно опустила глаза. Жорж продолжал, после небольшого молчания:

— Она была занята портнихой. Я долго ждал. Она сказала, что ей надо уйти. Я пошел провожать ее. Мы сели на стульях в городском саду. Там нас увидел г-н де Ла Виньерэ.

Голос Жоржа чуть чуть дрожал. Легкое дыханье ветерка осыпало самую пышную из белых роз.

— И это все, Жорж?

— Да, я должен был опять прийти на другой день.

— Вы жалеете о ней?

Глаза Жоржа наполнились слезами.

— Она красива?

Он знаком показал, что да.

Они сидели совсем рядом на скамейке. Г-жа д'Эсклараг наклонилась. Она положила руку на плечо молодого человека и нежно, взяв за шею, повернула его голову к себе.

— Красивее меня?

Они посмотрели друг на друга. Жорж улыбнулся. Он видел, что г-жа д'Эсклараг приблизила его лицо к своему. Протянутый рот коснулся его рта, и он закрыл глаза.

Обед прошел невесело. Г-жа Долонн не спускалась из своей комнаты. Г-н де Ла Бульри нашел Жоржа серьезным и сосредото-

точенным и заключил из этого, что можно рассчитывать на его раскаянье. Г-жа д'Эсклараг говорила мало, в волосах у нее была белая, полуосыпавшаяся роза, и вся она была словно озарена улыбкой, которой не было ни на губах, ни в глазах, но которая блуждала неясная, нежная и тайная по всему ее лицу. Г-жа де Ла Бульри заметила, что Жорж ничего не ест. Стоит, действительно, устраивать детям сцены, лишаящие их аппетита! Да и, кроме того, г-жа д'Эсклараг успокоила ее совершенно. В том, что сообщил г-н де Ла Виньерэ не было ничего тревожного, и она радовалась тому, что сможет сейчас все объяснить бедной Генриэте.

А Жорж, которого мучила жажда, всякий раз, как подносил стакан ко рту, чувствовал, что руки его всё еще пропитаны тонким, нежным, восхитительным запахом, от которого у него сжималось горло в то время, как взор его был устремлен на тарелку, где лежали твердые, зеленые шарики горошка.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «АСАДЕМІА»

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

АНРИ ДЕ РЕНЬЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Перевод с французского под общей редакцией
М. Кузмина, А. А. Смирнова и Фед. Сологуба.
Рисунки *Н. Акимова.*

	Цена
I. Яшмовая трость. — Рассказы. Пер. М. Волошина	1 р. 30 к.
II. Дважды любимая. — Роман. Пер. Федора Сологуба. 2-ое издание . . .	2 „ 20 „
III. Необыкновенные любовники. — Рассказы. Пер. Вс. Рождественского и А. А. Смирнова	1 „ — „
IV. По прихоти короля. — Роман. Пер. М. Кузмина. 2-ое издание	1 „ 40 „
V. Полуночная свадьба. — Роман. Пер. А. А. Смирнова	1 „ 40 „
VI. Каникулы скромного молодого че- ловека. — Роман. Пер. О. Брошников- ской. 2-ое издание	1 „ —
VII. Встречи г-на де Брео. — Ром. Пер. М. Кузмина 2-ое издание	1 „ 50
VIII. Живое прошлое. — Роман. Перевод М. Кузмина	1 „ 60 „
IX. Страх любви. — Роман. Пер. А. Че- ботаревской. 2-ое издание	1 „ 20 „

X. Дымка времени. — Рассказы. Пер. М. Кузмина и О. Брошниковской. 2-ое издание	1 р. 60 к.
XI. Первая страсть. — Роман. Пер. Брониславы Рунт. 2-ое издание	1 „ 40 „
XII. Амфисбена. — Роман. Пер. М. Кузмина	2 „ — „
XIII. Лаковый поднос. — Рассказы. Пер. А. А. Смирнова	1 „ 30 „
XIV. Ромэна Мирмо. — Роман. Перевод М. Лозинского	1 „ 60 „
XV. Героические мечтания Тито Бас-си. — Роман. Пер. Б. А. Кржевского	1 „ — „
XVI. Загадочные истории. — Расск. Пер. Вс. Рождественского и А. А. Смирнова	1 „ 30 „
XVII. Грешница. — Повесть о любви. Пер. М. Лозинского	1 „ 50 „
XVIII. Провинциальное развлечение. Ром. Пер. А. Франковского	1 „ 40 „
XIX. Эскапада. — Роман. Пер. А. Франковского	1 „ 30 „

Ж Ю Л Ь Р О М Э Н

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Перевод с французского под общей редакцией
М. Лозинского, А. А. Смирнова и А. Франковского

Рисунки Н. Акимова.

I. Возрожденный город. — Легенда. Армия в городе. — Пьеса. Перевод А. Смирнова	— р. — к.
II. Чья то смерть. — Роман. Перевод М. Лозинского	1 „ 10 „

	Цена
III. Белое вино ла Виллет. — Рассказы. Силы Парижа. — Картины. Перевод А. Франковского	1 р. 30 к.
IV. Люсьена. — Роман. Пер. А. Франковского	1 „ 40 „
V. Приятели. — Роман. Пер. М. Лозинского	1 „ 10 „
VI. Доногоо-Тонка. — Кинематографический роман. — Мсье Ле Труадек предавшийся распутству. — Комедия. Женитьба Ле Труадека. — Комедия. Пер. М. Лозинского	1 „ 80 „
VII. Кнок или триумф медицины. — Комедия. „Искра“ — пьеса. Перевод А. А. Смирнова	1 „ 10 „
VIII. Диктатор — Деметриос — Амедей и господа в ряд. Пер. М. Лозинского	1 „ 20 „

СКЛАД ИЗДАНИЙ:
Магазины «ACADEMIA»
 ЛЕНИНГРАД, Пр. Володарского, 40. Телеф. 138-98.
 МОСКВА, Тверская, 29. Тел. 5-45-13.